

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

VII

книга 1

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Александр' (Alexander).

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

КНИГА 1

VII

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчув, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор, *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчув*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф., В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчув. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Атаюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

**Национальная Академия Наук Кыргызской Республики
Кыргызско-Российский Славянский университет**

В. М. ПЛОСКИХ

**УЧЕННЫЕ-ИССЛЕДОВАТЕЛИ
КЫРГЫЗСТАНА
XVIII—XIX вв.**

Бишкек — 2019

УДК 327
ББК 66.4
П 82

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и культурного наследия
Национальной Академии наук Кыргызской Республики
Ученым советом гуманитарного факультета
Кыргызско-Российского Славянского Университета*

Плоских В. М.

П 82 **Ученые-исследователи Кыргызстана.** – Б.: Нео Принт, 2019. – 416 с.: ил. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских. – Т. VII. Кн. 1).

ISBN 978-9967-12-119-5

VII том собрания сочинений посвящен выдающимся людям – ученым, внесшим неопенимый вклад в изучение Кыргызстана.

Книгу первую составили монографии «Тропой первопроходцев», «Последний приют Н. М. Пржевальского» и статьи, посвященные российским исследователям края XIX в.

В сводном виде публикуется впервые.

Издание является стереотипным.

Часть первая

**ТРОПОЮ
ПЕРВОПРОХОДЦЕВ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издавна, со времен глубокой древности, Тянь-Шань и его обитатели неудержимо привлекали к себе самое любопытное племя на земле — путешественников Запада и Востока. Но даже в середине XIX века научно достоверные сведения о них были крайне мизерными, нередко превратными, полужановскими. В географической науке того времени господствовало представление о якобы меридиональном направлении Тянь-Шаньских хребтов, умозрительно выведенное А. Гумбольдтом и утверждавшееся благодаря его авторитету. Большую часть кочевого разнонационального населения Средней Азии в литературе называли собирательным именем «киргизы», а оседлых жителей — «сартами». Их численность у разных авторов варьировалась с расхождением в десятки раз, а места расселения — в сотни, если не в тысячи километров. Довольно скудными были и данные о хозяйстве, быте и культуре киргизов и их соседей даже в России (не говоря о Западной Европе), которая в лице своих востоковедов уже со времен Петра I интересовалась землями и народами среднеазиатского Востока. И недаром этот малоизвестный в науке азиатский регион ученые сравнивали по степени изученности с недосягаемым тогда спутником Земли — Луной.

Выяснить путем тщательных геолого-географических исследований ложность умозрительных теорий о строении и вулканизме Тянь-Шаня, развеять миф о несуществующем в его глубине горном Болорском узле, центром которого предположительно называли гору Сулейман-таш в Оше с расходящимися от нее в меридиональном направлении

хребтами Тянь-Шанско-Памирской горной системы, внести ясность в этническую карту проживавшего здесь населения, получить достоверные сведения об его истории, хозяйственном быте, нравах и обычаях, духовном мире выпало на долю ряда отважных ученых-путешественников России. Им по праву принадлежит первенство научного открытия этой горной страны, слава пионеров-землепроходцев по нехоженным тропам Тянь-Шаня.

Широко известны имена и научные заслуги П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, В. В. Радлова, В. В. Верещагина, А. П. Федченко и других крупных исследователей Тянь-Шаня и сопредельных стран. Менее знакомые труды на этом поприще И. М. Кошарова, А. Ф. Голубева, М. И. Венюкова. Долгие годы жизни были связаны с Киргизским краем и его населением Ф. В. Пояркова, А. М. Фетисова, Я. И. Королькова. Все они, оставив замечательный вклад в отечественной науке, вместе с тем в определенной мере способствовали налаживанию первых культурно-хозяйственных связей и добрососедских контактов между переселенческим и коренным населением края, приобщению киргизского и других среднеазиатских народов к культуре России.

«...Выдающиеся русские ученые-исследователи — Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов-Тян-Шанский, Пржевальский — первые раскрыли и описали несметные богатства нашего края. История киргизов впервые стала известна миру на русском языке. Русские научили нас подчинять природу и использовать ее сокровища... Могучая русская культура стала источником быстрого прогресса нашего народа»¹.

Предлагаемые документальные очерки-новеллы посвящены малоизвестным страницам жизни и деятельности

¹ Газ. «Правда», 3 марта 1946 г.

замечательных отечественных путешественников и представителей местной прогрессивной русской интеллигенции второй половины XIX — начала XX века, их вкладу в изучение Киргизского края и его населения. Первоисследователи Тянь-Шаня отталкивались от накопленных ранее, относящихся к кануну вхождения Киргизии в состав России, данных об этом крае, частью — верных, частью — полумифических, но так или иначе выведивших их на тропы новых поисков...

Отнюдь не секрет, что необходимость этих исследований обуславливалась, помимо общего прогресса науки, практическими потребностями развивавшегося «вширь» российского капитализма. Так, интерес к изучению разнообразных природных богатств Туркестана предопределялся нуждами экономического развития России-метрополии в эффективности «освоения», эксплуатации Туркестана — колонии для русской буржуазии и царизма.

Результативность же проводившихся в крае естественно-исторических и других исследований зависела во многом от способностей, познаний и мужества ученых-путешественников, их умения найти контакт с местным населением, наконец, от помощи и доброжелательности проводников, переводчиков и лоучей-погонщиков из числа коренных жителей, разделявших не только все трудности и тяготы путешествий по Тянь-Шаню, но — и нередко — также удачи первооткрывателей, а то и честь ликвидации «белых пятен» на карте Небесных гор.

В целом деятельность славной плеяды русских ученых и путешественников в Киргизии и сопредельных землях служила проявлением их благородной миссии по открытию ранее неизведанных земель, исследованию природы, ископаемых и других богатств, а также изучению истории, культуры и быта местных народов, приобщению их к общеисторическому прогрессу и цивилизации. В этом смысле конечные плоды научного подвига отечественных ученых

и путешественников становились достоянием всего общества, русской и мировой науки в целом. Недаром мы так высоко чтим память о первых землепроходцах Тянь-Шаня, чьи славные имена увековечены на всех картах мира. Они, подобно Н. М. Пржевальскому, стали вечными символами мирных «завоеваний» науки, «покорителями» душ и сердец народов Советского Востока.

ОТКРЫТИЕ, ПОДОБНОЕ ОБРЕТЕНИЮ СТРАНЫ...

Так назвал открытие уникального памятника мирового фольклора — киргизского национального эпос «Манас» писатель и географ Сергей Марков. И сделал его казахский ученый-просветитель Чокан Чингисович Валиханов. Мы можем даже назвать точную дату этого события — 26 мая 1856 года.

Все началось с организации первой военно-научной экспедиции на Иссык-Куль... Прогрессивные последствия добровольного вхождения Киргизии в состав России сказались на многих сторонах развития горного края, несмотря на отрицательное влияние колониальной политики царизма. Только с середины прошлого века появляется возможность для проведения здесь научных исследований. Первый вклад в изучение природных условий дореволюционного Киргизстана, истории и культуры его народа внесли отечественные первооткрыватели, и среди них — одаренный казахский ученый-путешественник Ч. Ч. Валиханов.

Экспедицию возглавил один из образованных офицеров своего времени М. М. Хоментовский. Перед ее участниками стояли, главным образом, военно-политические цели: прекращение межфеодальных и родоплеменных усобиц, а также закрепление влияния России в Прииссыккулье в противовес устремлениям Коканда, возведение на берегу озера русского укрепления. Наряду с этим на экспедицию возлагалось выяснение ряда научно-практических вопросов: рекогносцировка долины Иссык-Куля, топографическая съемка, а также сбор разного рода сведений о киргизском народе. Последнее поручалось Валиханову — офицеру особых поручений Главного управления Западно-Сибирского

Ч. Ч. Валиханов

края и А. Бардашеву — переводчику и этнографу. На Валиханове лежала одна из наиболее значительных задач: ознакомление с бытом, культурой и положением киргизов, выяснение влияния манапов, вступление в контакты и склонение народа к принятию подданства России, агитация за усиление русско-киргизских связей.

Валиханов, несколько задержавшийся в Семипалатинске, присоединился к экспедиционному отряду уже в Верном. Маршрут экспедиции проходил через труднодоступные горы в Иссык-Кульскую котловину. Участие Валиханова в работе экспедиции придало ей большую научную значимость. Полный энтузиазма и молодого задора, офицер зарекомендовал себя как разносторонний неутомимый исследователь. Помимо возлагавшихся специальных поручений

он делал записи о встретившейся по маршруту флоре и фауне, собирал разного рода естественные коллекции (орнитологическую и энтомологическую), составлял гербарий. Но особенно интересовали пытливого двадцатилетнего путешественника жизнь и быт, нравы и обычаи местного населения, исторические предания киргизов и памятники древней культуры края.

Привал на перевале Санташ 26 мая оказался поистине счастливым. Валиханов встретил певца — ырчи, который поведал ему о героических делах киргизского богатыря Манаса. Перед изумленным казахским ученым проплывали сцены рождения и первых боевых подвигов батыра. Валиханов обратил внимание и подчеркнул народную и демократическую сердцевину эпоса.

Времени было мало, Валиханов имел определенные обязанности по отряду, который на утро должен был продолжать путь. «Манас», — насколько сумел его первоначально оценить ученый, — состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос — «Семетей» — служит продолжением «Манаса», и это бурутская¹ Одиссея. Киргизы говорят, что трех ночей недостаточно, чтобы выслушать «Манас» и что столько же нужно для «Семетей», но это, вероятно, преувеличено». Валиханов оказался свидетелем исполнения только одного отрывка из «Манаса» и в полной мере не мог представить всей грандиозности эпоса. По записям, произведенным уже в советское время, только один из вариантов эпоса, исполненный С. Каралаевым, составляет полмиллиона стихотворных строк. А каждая часть трилогии имеет десятки вариантов, запись которых продолжается и в наши дни. Однако в целом оценить значение величайшего памятника устного киргизского народного творчества Валиханов сумел правильно и по достоинству.

¹ Т. е. киргизская.

В одной из основных своих работ — «Очерки Джунгарии» — Валиханов записал: «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания их нашли свое выражение в этой огромной эпопее... Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай-хану, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу. Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным». До последнего времени считалось, что оригинал записи Валиханова не сохранился. Был известен только перевод отрывка на русский язык. Но недавно текст Валиханова обнаружен учеными в архиве Института востоковедения Академии наук СССР. Академик А. Х. Маргулан написал специальное исследование — Чокан и «Манас», в приложении к которому приводится факсимиле валихановской записи — «Смерть Кукотай-хана и его поминки» — ценнейший документ для новых лингвистических и других исследований. Первоначальная запись «Манаса» Валихановым, равно как и его перевод, долгое время оставались неизвестными и впервые были изданы на русском языке проф. Н. И. Веселовским много лет спустя после смерти Ч. Валиханова.

Однако в науку «Манас» вошел намного раньше. Это событие связано с именем другого ученого — академика Василия Васильевича Радлова. 1862 и 1869 годы — вот две новые даты, важные вехи дальнейшего открытия океана киргизской поэзии. Путешествуя по Сибири и Средней Азии в поисках образцов литературы тюркских народов, Радлов прожил почти месяц в юртах чуйских киргизов близ Токмака, записал на киргизском языке русской транскрипцией

отдельные эпизоды эпоса. Нам остались неизвестны имена манасчи, которых слушал Радлов, так же как и имя рассказчика Валиханову. Но, несомненно, они хорошо владели своим искусством, которое было одним из самых популярных в народе.

Вот строки Радлова, предваряющие публикацию образцов устного народного творчества киргизов: «Стоит только взглянуть на киргизского рассказчика, чтобы убедиться в том, что киргиз любит говорить и как он старается легкой и обдуманной речью повлиять на своих слушателей. Нетрудно также заметить, что и слушатели с необыкновенным наслаждением следят за его словами и вполне умеют ценить удачную речь. Гробовое молчание царствует в толпе, когда рассказчику удается привлечь к себе всеобщее внимание: все сидят, наклонившись вперед, с блестящими, восторженными глазами и, затаив дыхание, прислушиваются к словам оратора, и каждая ловкая, изящная фраза его, каждое остроумное, игривое слово вызывает крики восторженного одобрения. Это необыкновенное красноречие, свойственное киргизу, естественно вытекает из окружающих его условий...

Понятно, что народ, который до такой степени наслаждается красноречием, смотрит на ритмическую речь как на высшее искусство в мире. Поэтому народная поэзия у киргизов достигла высокой степени развития. Пословицы и старинные изречения с искусственно смешанными рифмами, исторические, состязательные, свадебные песни, плачевные стихи в честь умерших и т. д. поются и рецитируются во всех собраниях и всюду принимаются с наслаждением. При этом сильно распространено искусство импровизации, и каждый мало-мальски опытный певец в состоянии тут же на месте воспеть присутствующих гостей в складно составленных стихах».

Первой яркой иллюстрацией импровизации сказителей и явилась запись Радлова. Неизвестный манасчи, который

продиктовал будущему академику свои песни, не забыл восхвалить и гостя и страну, из которой он пришел.

Ученый имел перед собой основную цель — собрать лингвистический материал и не ставил задачу представить эпос целиком. До этого он раскопал несколько курганов, правда безуспешно, а позже проехал до Иссык-Куля «без всякого конвоя и... без малейшей опасности». (П. П. Семенов-Тян-Шанский). Радлов записывал эпос от трех манасчи в разных племенах, поэтому записи предстают перед нами столь фрагментарно. Но одно то, что все отрывки из «Манаса» имеют общий стержень, а он был широко известен по всей территории Киргизии, свидетельствовало о глубоких традиционных корнях, общей основе эпоса. Естественно, «Манас» и его отдельные варианты, создаваемые разными сказителями, иногда приобретали оболочку, чуждую народным мотивам, искажались феодально-мусульманскими наслоениями. Но эти искусственные чужеродные вставки заметны, и внимательный слушатель, а теперь читатель, видит в основе его здоровое народное ядро. Эти моменты подчеркивал в своем предисловии и Радлов. Его публикация явилась первым печатным сообщением о «Манасе», изданным в Петербурге в 1885 году на русском и — одновременно — на немецком языках.

В 1911 году в Будапеште о «Манасе» была издана на немецком языке работа венгерского ученого Г. Алмаши, посетившего в 1900 году Иссык-Куль. Сам автор нигде не называет ни имени своего информатора, ни времени и места записи отрывка из эпоса, озаглавленного им «Прощание героя Манаса с сыном Семетеем». Будучи по специальности лингвистом-тюркологом, Г. Алмаши в кратком предисловии дал общую характеристику эпоса-трилогии («Манас», «Семетей», «Сейтек»), отметил стихотворные особенности и привел в латинской транскрипции эпизод похода Манаса на Восток с двенадцатитысячным войском. Отмечая, как и предшественники, народность эпоса, Алмаши

обращает внимание на встречающиеся мусульманские наслоения и модернизм, не присущие творениям вековой давности. «Старое ядро этой подлинно народной поэзии (поэтического произведения), — писал он, — к сожалению, в результате исламистского влияния неимоверно искажено, в ней встречаются также поистине чудовищные модернизмы, так, например, когда говорится о беш-атар, алты-атар (пяти и шестиствольный револьвер) или о дурбан (подзорная труба, полевой бинокль), о вещах, которые могут быть знакомы племенам Бугу и Сары-багыш только два, три десятилетия».

Все это создавало неимоверные трудности для записи и составления подлинно народного сводного варианта эпоса. Имя, портрет и голос известного в свое время в Чуйской долине киргизского манасчи Кендже-Кара, певца-импровизатора, донес до читающей публики прибывший ранней весной 1903 года к экспедиции в г. Пишпек студент Петербургской академии художеств Борис Васильевич Смирнов. Он изобразил певца-музыканта с его неизменным инструментом — кыяком. Художник так описал свою первую встречу с манасчи в книге «В степях Туркестана», изданной в 1914 году в Москве: «На маленькой киргизской лошадке подъехал киргиз в обыкновенной овчинной шубе, остроконечной шапке. Держа в руке мешок, он неторопливо слез с лошади... В комнате Кендже-Кара снял свою шапку и остался в тюбетейке: это был киргиз средних лет, характерное киргизское скуластое лицо суживалось к подбородку, вздернутый маленький нос, слезящиеся красные глаза... Трудно передать впечатление, которое получилось от его музыки и пения... Даже сама форма звуков, гортанных, шипящих, как нельзя более подходила к музыке. Этот певец хорош в степи... По-видимому, создавая звуки, он творил и самое содержание, варьируя на ту или другую тему киргизского народного творчества. Очевидно, это был настоящий баян-певец».

² Том VII. В. М. Плоских

Смирнов не только нарисовал портрет сказителя, записал на фонограф его речь и привел со слов Кендже-Кара в своей книге прозаический отрывок. Примечательна также книжная иллюстрация Смирнова «Семетей и Ай-Чурек», впервые воспроизводящая в изобразительном искусстве образы героев этого грандиозного эпоса.

Монументальный эпос, уходящий своими корнями в тысячелетнюю глубь истории, стал, однако, объектом пристального научного внимания лишь в годы Советской власти. Сначала собирательство и записи от знаменитых манасчи Сагымбая Орозбакова, Тоголока Молдо, Шапака Рысмендиева, Саякбая Каралаева, затем исследования ведущих советских тюркологов П. А. Фалеева, Е. Д. Поливанова, М. О. Ауэзова, В. М. Жирмунского, Б. М. Юнусалиева позволили не только записать свыше двух миллионов стихотворных строк эпоса в различных вариациях, но и изучить его народную основу, исторические истоки, вполне объективно оценить как величайший памятник устного народного творчества мировой культуры.

Сейчас трилогия «Манас», «Семетей» и «Сейтек» опубликована на киргизском языке, отдельные фрагменты изданы на русском и английском языках, готовится к печати сводный вариант на языке оригинала, в русском и английском переводе в серии памятников эпосов народов мира. Впервые широко во всей своей красе перед мировым читателем предстанет былой мир народа, не имевшего до революции национальной письменности, его многовековая героическая история, энциклопедия прошлого быта киргизов.

ПОДВИГ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

«Я полагаю, — под шум одобрения заканчивал свое выступление известный натуралист профессор И. В. Меллер, — что все исследование, очевидно, носит характер подвига, полного самоотвержения и по всей справедливости заслуживающего высшей награды, какую Общество располагает...»

Молодой ученый, которому адресовался столь лестный отзыв, смущенно раскланиваясь, шел к кафедре. Присуждение высшей награды Русского географического общества (РГО) — золотой медали и премирование его трудов Петербургской Академией наук означили победу нового, основанного на строго научных исследованиях, представления о геологическом строении Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

До него сведения об этой величайшей горной системе исчерпывались неверными представлениями, заимствованными западноевропейскими географами — Клапротом, Риттером, Рихтгофеном и Гумбольдтом из китайской географии и описании средневековых путешественников. Они-то и легли в основу составленной Гумбольдтом схемы строения «Нагорной Азии» с несуществующей меридиональной цепью — Болором, — пересекающей широтные хребты Средней и Центральной Азии, с мнимыми действующими вулканами Тянь-Шаня.

Правда, доверие к гумбольдтовской схеме, получившей в свое время широкое признание, было уже подорвано результатами путешествий русских ученых П. П. Семенова-Тян-Шанского и Н. А. Северцова. Но только шестилетние исследования молодого ученого И. В. Мушкетова, представленного к высшей награде РГО, полностью развенчали

И. В. Мушкетов

концепцию действующего вулканизма на Тянь-Шане и заложили основу научных представлений об истории образования и строения горных систем Средней Азии.

Приглашенный в Туркестан на должность чиновника особых поручений по горной части при туркестанском генерал-губернаторе в 1873 году, Иван Васильевич Мушкетов несколько неожиданно для себя обнаружил, что тот обширный и интереснейший край в геологическом отношении почти не изучен. Для Мушкетова, как и начавшего одновременно с ним широкие геологические исследования в крае профессора Г. Д. Романовского, было характерно то, что он никогда не отгораживался от окружающей его жизни, не замыкался в рамках чисто практических целей по выявлению полезных ископаемых и составлению

рекомендаций для их разработки. Используя служебные поездки по Туркестану, ученый стремился выяснить геологию края в целом и отдельных его регионов. Он пытался оградить насущные интересы местного, кочевого и полукочевого населения от посягательств разных авантюристов-предпринимателей типа П. С. Назарова, «операции» которых, как с осуждением отмечал это в 1893 году И. В. Мушкетов, могут вредно отразиться на жизни кочевников, особенно в долине Кок-Су Алая, где летом собиралась масса киргизов-скотоводов.

Но вернемся к его первым годам пребывания в Туркестане.

В течение лета 1875 года младший чиновник особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе Мушкетов должен производить геологические исследования в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, а также в Кульджинском районе по маршруту: из Ташкента, вверх по долине Чирчика, до деревни Хамсакент, затем по долине р. Чаткала, через перевал Уртаю-Тау, в долину р. Таласа и в Аулие-Ата, из Аулие-Аты вверх по долине р. Таласа через перевал Комек в верховья р. Сусамыр и на Кызарти хребта Улахол, откуда через перевал Шамси в г. Токмак.

«Предлагаю, — писал 1 мая 1875 года исполнявший в это время обязанности краевого начальника Колпаковский военным губернаторам названных областей, — оказывать содействие и выделить для охраны конвой из 10 казаков». Уездным начальникам предписывалось принимать от Мушкетова его коллекции и «для указания путей назначать расторопных и хорошо знакомых с местностью проводников из коренных жителей». Так, уже через два года после приезда в край осуществилась заветная мечта Мушкетова о первом значительном путешествии по Тянь-Шаню.

Маршрут охватил районы Чаткала, Сусамыра, Чуйской долины и Прииссыккуля. Путешественник пересек

хребты Терской, Кунгей и Заилийский Алатау. Ученого интересовала не только узкоспециальная сторона исследования. На страницах его дневников можно встретить беглые заметки из жизни и быта киргизов. Внимательный путешественник не мог не отметить наличия у них резких социальных контрастов.

Новые представления о геологии края были изложены Мушкетовым в публикации под скромным названием «Краткий отчет о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 году» с приложением «Перечня Тянь-Шаньских минералов».

Исследования 25-летнего ученого, рушившие устоявшиеся представления мировых научных авторитетов, привлекли к себе внимание не только научных кругов России, но и зарубежных стран. Мушкетов избирается членом Русского географического общества. Его призывают в Горный институт на педагогическую работу, здесь в скором времени он защищает диссертацию и становится адъютант-профессором. Однако энергичного ученого-геолога, пожалуй, не столько привлекала профессорская кафедра, сколько возможность познания тайной жизни гор и их строения, манили нехоженые тропы Небесных гор.

Во время летних каникул в 1877 году он вновь приезжает в Среднюю Азию с научными целями. На этот раз Мушкетов поставил себе трудноразрешимую задачу выяснить характер взаимоотношений между величайшими горными системами Азии — Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской. По-прежнему заинтересованная в путешествиях Мушкетова, краевая колониальная администрация отдала 22 июня распоряжение ферганским властям оказывать горному инженеру Мушкетову всяческое содействие в геологических «исследованиях Алая и прилежащих местностей».

Из Ташкента до Маргелана добирались на перекладных. «Душу вытряхивает — до чего тряска», — писал он о местном бездорожье. По пути, в Уч-Кургане, было осмотрено

угольное месторождение. В Вуадиле — одном из богатых ферганских оазисов — завершились сборы. Главное теперь состояло в том, чтобы найти знающих проводников. Прошел всего год после ликвидации Кокандского ханства и присоединения Ферганы к России. В глухих горных районах рыскали шайки сторонников «газавата» — священной войны против «неверных». Приходилось быть особенно осторожным при комплектовании экспедиционного отряда и выборе помощников.

Вместе с чиновниками маршрут был расписан по дням. Однако поездки вверх по р. Моксу и далее на Памир Мушкетов был вынужден отложить ввиду «неудобства такого путешествия в настоящее время, вследствие неурядиц в Кашгаре, идти туда вверх по Моксу через Шугнанские владения небезопасно» (из донесения начальника Чимионского уезда).

График движения не выдерживался, но намеченный еще в Вуадиле маршрут в основном соблюдался Мушкетовым. Из Вуадила по «любопытному» ущелью Шахимардан 17 июля отправились в дорогу. Впереди ехали бывалые проводники-киргизы. Путешественников сопровождал сам начальник уезда с казачьей командой. Не без труда преодолевались крутые горные перевалы, на которых захватывало дух. Внизу лежали живописные речные долины горных рек Кок-Су (голубая вода) и Кызыл-Су (красная вода).

Справа от петлявшей в горах дороги расстилались летние киргизские пастбища — джайлоо. Их бархатно-зеленый покров, свежий горный ветер — все радовало уставших путников после душной, стесненной горами, Ферганской котловины. Осмотрев Алайскую долину, Мушкетов пришел к заключению, что по своему геологическому происхождению она схожа с такими высокогорными долинами, как Чаткал, Джумгал или Кочкорская. Все они располагались параллельно прилегавшим горным хребтам, с которых начинались большие реки, а оканчивались ущельем.

Из Алая отряд направился на юг, пересек стену Заалайского хребта по ущелью Туз-арасы, названному так по богатому месторождению каменной соли. Шли, как и намечали в Вуадиле, на Муг-су («Моксу»). Но из-за сообщения о волнениях в Шугнани и Дарвазе, а также быстро иссякавших запасов продовольствия и фуража той же дорогой, к большому огорчению Мушкетова, возвратились на Алай.

На этом, однако, алайские странствования Мушкетова не закончились. Он совершает еще один переход через перевал Кызыл-арт, оголенный постоянными сильными ветрами, к знаменитому озеру Кара-Куль. Дорога с Алая к Кара-Кулю казалась длинной и унылой. Взор поражали лишь величественные горные хребты с грандиозными пиками, постоянно окутанные облаками. Более месяца ушло на изучение геологического строения и состава Алая и Памира — и это в условиях высокогорья, частых дождей и бурь, низкой температуры даже в августе.

В начале августа предполагалось быть в Оше, где их, судя по всему, должны были ждать. Еще 5 августа начальник Ошского уезда сообщил в Фергану: «Горный инженер Мушкетов совершил поездки в Заалайские горы по ту сторону Кара-Куля, должен приехать в Ош 6 или 7 августа».

Когда 1 августа собрались в дорогу, в лагерь неожиданно явился один из самых богатых баев Алая с приглашением на большую байгу (скачки) по случаю киргизской тризны (аш). Так как своеобразные нравы и обычаи местного населения и особенно киргизские скачки уже давно занимали любознательного путешественника, а удобный случай позволял поближе ознакомиться с гостеприимством горного народа, Мушкетов решил дать двухдневный отдых своим путникам. Записки о байге, как нам кажется, не лишены интереса, и не только для современных этнографов.

С самого утра 4 августа к лагерю приблизилась целая толпа киргизских мальчишек на поджарых скакунах. Они

выстроились в ряд и после команды исчезли с густыми клубами пыли. Вслед за ними отправились на байгу и приглашенные. Начальник конвоя захватил с собой и казаков, что при таком громадном стечении людей казалось не лишне, так как, по справедливому наблюдению Мушкетова, киргизы далеко не считают русских «тюря» (господ-чиновников) своими благодетелями.

На пригорке стояли конные и пешие — около 3000 любителей скачек. На равнине началась необычная для европейцев игра — козлодрание (улак-тартыш). Каждый из ее участников старался вырвать тушу козла у других и бросить к ногам «урусов».

Когда почетные гости разместились на ковре, появился комузист и певец-импровизатор, прославлявший «доблести» умершего. Для непривычного к восточной музыке слуха пение показалось монотонным. Гостей угощали свежekoпченной бараниной, превосходным кумысом и традиционным чаем.

Между тем вокруг ковра тотчас стянулся народ, и Мушкетов имел возможность увидеть удивительное разнообразие типов смуглых, скуластых с узкими глазами сынов киргизских гор, запросто съехавшихся на тризну верст за 200—300.

Начались состязания борцов, подростков, затем — взрослых. Наконец в круг вышел батыр Иргайли (Джергалы). Долго никто не осмеливался выступить против него. Но вот появился соперник — молодой джигит. Джергалы был крепок и мускулист, но другой оказался ловчее. Борцы долго испытывали силу и терпение зрителей, пока оба не рассердились. Джергалы вертел противника вокруг себя, но побороить не мог — тот ловко увертывался. Отец парня стал просить, чтобы остановили борцов, так как не долго получить увечье. Борцов разняли и наградили поровну. Известный своей силой батыр явно оскорбился, зато молодой борец был безмерно счастлив.

В заключение началась раздача призов победителям в байге. Всего было выставлено свыше 40 призов «за счет» бая. Только скачка обошлась до 1000 рублей, а если принять в расчет угощение такой громадной толпы, то было истрачено всего не менее 2000 рублей. Пышная тризна легла тяжелым бременем на рядовых кочевников.

В путевых записях Мушкетова можно нередко встретить строки о поражающих его социальных контрастах. Так, рядом с богатыми баями, устраивавшими пышные тои и аши, жадными «хранителями веры» у гробницы Шахимардана, которые «как и феодально-родовая верхушка страшно обирают народ», особенно жалко и сиротливо выглядел безлошадный бедняк, который для перекочевки седлал корову. А его родная прокопченная юрта резко контрастировала с нарядным беловойлочным жильем родоправителя.

Обратная дорога по Алаю запомнилась Мушкетову частыми смерчами и массой бесконечных, страшно узких тропок, причудливо вьющихся над обрывами скал, над грохочущей своенравной р. Гульча. «Река, — читаем мы в дневнике путешественника, — пугала путников своими бездонными пропастями и висячими в воздухе тропинками, про которые сопровождающие меня казаки говорили, что они созданы «на гибель людей». Встречались и такие тропы, где, по словам киргизов-проводников, одного коня приходилось вести вдвоем: один человек тащил его за гриву, другой — поддерживал за хвост.

На последнюю перед Ошом ночевку остановились в урочище Кок-бель. Тяжелая дорога тоже давала о себе знать: и люди, и лошади, особенно вьючные, безмерно истомились. Ночлег был бы истинным наслаждением, если бы во сне не мерещился пройденный путь. «Сегодня мы насилу поднялись от сильной ломоты во всех членах», — записал 8 августа столь многотерпеливый к дорожным невзгодам Мушкетов.

Но главные тяготы были уже позади. Караван подошел к Ошу. Однако непредвиденные задержки в пути привели к тому, что его никто не встретил. Остановились в саду уездного начальника который куда-то выехал. И все же настроение у Мушкетова было превосходным. Еще бы! Ведь ему удалось получить новые данные о природе и геологическом строении одного из самых труднодоступных районов Тянь-Шаня. Трехдневная остановка в Оше позволила привести в порядок собранные коллекции минералов и отрывочные записи. Затем ученый познакомился с одним из древнейших в Средней Азии городов, увидел Сулейман-гору. По гумбольдтовской схеме она представлялась горным узлом с грандиозными пиками, связывающими мифическую цепь Болора с Тянь-Шанем. На деле Сулейман-гора оказалась небольшим возвышением, которое, как писал Мушкетов, «даже не заслуживает название пика», и получила широкую известность лишь благодаря распространяемой мусульманами легенде о Тахт-и-Сулеймане — Соломоновом троне.

13 августа Мушкетов направился в Узген и далее по долине реки Яссы — к Ферганскому хребту. Вся долина была запружена табунами коней и перекочевывающими на Алай киргизскими семьями. Женщины были ярко разряжены. Мушкетов отметил, что здешний женский головной убор заметно отличался от северо-киргизского. У южных киргизов он был толще и обширней по горизонтали, представляя собой плоскую шляпу с громадными разукрашенными полями, выдающимися спереди и сзади наподобие козырьков. В северных районах края этот же головной убор (элечек) из белой тонкой материи напоминал узкий, почти без полей, цилиндр. «Все время дорога была прекрасная, — записывал ученый, — множество пашен, зимовок кипчаков, и долина, что называется, кишит народом: с одной стороны оседлые земледельцы, с другой — кочевники,

постоянно разнообразные; нередко красивые группы киргиз и киргизок сменяют друг друга».

Неутомимый путешественник направился к Ферганскому хребту, а оттуда прошел на север по Чаткальским горам. Стойко переносил он большие высоты, жестокие морозы и частые снегопады, переходы через труднодоступные перевалы и переправы через бурные реки. Исследованием Чаткала и закончилось это путешествие по Киргизии.

В конце октября ученый возвратился в столицу. Подводя итоги путешествия, опровергавшего ошибочное мнение Гумбольдта и его сторонников, Русское географическое общество констатировало:

«Вся масса вершин в этом горном узле принадлежит различным хребтам, но издали, с какой бы стороны мы не посмотрели на них, с востока или с запада, всегда силуэты отдельных вершин, сливающихся на горизонте, произведут впечатление цельного меридионального хребта, какого в действительности нет. Словом, обычай указывать направление хребтов на основании внешнего, кажущегося вида, а не на основании изучения геогностического строения их, применялся уже не раз к Тянь-Шаню и всегда приводил к ошибкам: по мнению г-на Мушкетова, предположение существования меридионального Болора основано только на оптическом обмане, тогда как за отсутствие его говорит геологический характер Памиро-Алая и всего Северного Тянь-Шаня».

Однако сам Мушкетов считал свои исследования Тянь-Шаньской горной системы не законченными. В следующем, 1878 году, он возобновляет свое путешествие в глубь Тянь-Шаня, проникая в восточную часть Ферганского хребта до пределов Восточного Туркестана.

После смерти бадаулета Якуб-бека там разгорелась острая политическая борьба. Воспользовавшись этим, маньчжуро-цинские войска захватили Кашгар. Местное население подверглось массовому избиению, и поток беженцев

ринулся через русскую границу. Преследовавшие их китайские части заходили в Русский Туркестан, что вызывало пограничные инциденты.

В связи с этим Мушкетов решил присоединиться к иркештамскому отряду, который, выступив для прикрытия границы, уже добрался до Алая. В начале июля с караваном вьючных лошадей и конвоем казаков он покинул Ош и направился по Лянгарской дороге. Путь лежал на Гульчу — крайний русский пограничный пункт. За ним находился лишь Иркештам, отделявший территорию Русского Туркестана от Восточного, захваченного в прошлом году цинами. По дороге на Алай Мушкетов встретился с Н. А. Северцовым, специально прибывшим в его отряд. Их совместный маршрут пролегал от долины р. Куршаб до устья р. Шарт. Отсюда Северцов направился на перевал Талдык, а Мушкетов — на перевал Шарт.

Встреча оказалась очень полезной. Прославленный путешественник-зоолог поделился своими впечатлениями с молодым ученым-геологом и снабдил его термометром и барометром. Позднее об этой встрече Мушкетов будет не раз вспоминать, тепло отзываясь о своем старшем «сокомпаньоне по исследованию Тянь-Шаня».

Иркештамский отряд путешественники настигли уже в урочище Ак-Таш, к востоку от которого начиналось плато Тон-Мурун (Тую-Мурун), соединявшее Алайский и Заалайский хребты. Исследование этого плато утвердило Мушкетова в его прежнем выводе об отсутствии каких-либо больших меридиональных поднятий в этой части Тянь-Шаня и Памира, которые могли бы обусловить существование мифического Болора.

От Иркештама повернули на северо-восток и попали в долину бурной горной речки Кок-Су. По долине добравшись до большой Кашгарской дороги через перевал Терек Даван и через два небольших перевала Икезяк возвратились в Иркештам, где их уже ожидал отряд. Вдоль дороги

там и тут встречались одиночные курганы и целые могильники-памятники культуры древних конников края. Но были и свидетельства недавних трагических событий. Во многих местах Терек-Даванскую дорогу преграждали трупы вьючных животных и людей. «Все это, — писал с душевным содроганием ученый, — свидетельство зимнего бегства кашгарцев, спасавшихся в русские пределы от китайской резни». По словам современника, в Фергану перешло около 20 тысяч человек. Несмотря на попытки русской администрации оказать помощь, многие из них замерзли в дороге.

Из Иркештамского отряда Мушкетов отправился на Иссык-Куль, чтобы исследовать озеро и источники в верховьях р. Арпа. Но преодолеть Туругартский перевал путешественник не решился: начальник Нарынского укрепления предупредил, что за безопасность путешествия он не ручается. Пришлось заняться исследованием юго-восточного продолжения Ферганского хребта. Его черные конусообразные вершины, издали напоминавшие потухшие вулканы, рельефно вырисовывались на фоне ослепительно-белых вечных снегов. Детальное изучение породного состава показало их невулканическое происхождение. Однако пора было и возвращаться.

В горах начинались затяжные дожди. На перевале Чаар-Таш их сменили снегопады. Караван едва не погиб. Одним из важнейших результатов неутомимой деятельности Мушкетова явилось составление совместно с проф. Г. Д. Романовским первой подробной геологической карты Средней Азии, служившей многие десятилетия прекрасным и почти единственным руководством геологам.

В августе 1880 года Мушкетов занялся исследованием ледников в верховьях р. Зеравшан, намереваясь одновременно изучить группы ледников Ак-Шийрак и Хан-Тенгри. Описание восхождения на Зеравшанский ледник, программа для наблюдения ледников и ряд статей по данному

вопросу И. В. Мушкетова фактически положили начало русской гляциологии.

Летом 1887 года состоялась заключительная поездка признанного ученого в Среднюю Азию — г. Верный (Алма-Ата) и Иссык-Кульскую котловину для исследования последствий разрушительного землетрясения 28 мая (9 июня). Мушкетов приходит к выводу, что частые землетрясения в Средней Азии вызываются не вулканической деятельностью, а продолжающейся жизнью гор. Ученый добивается организации ряда среднеазиатских сейсмических станций. Углубившись в новую отрасль науки, он завершил, начатый А. П. Орловым, сводный каталог землетрясений России. Именно поэтому Мушкетова нередко называют отцом русской сейсмологии.

Итоги своих среднеазиатских исследований Мушкетов думал подвести в монументальном трехтомном сочинении — «Туркестан». Опубликованный при жизни автора первый том был удостоен премии Минералогического общества и Академии наук. Его труд не потерял своего значения и в наши дни.

В память о замечательном путешественнике и талантливом ученом его именем названы три ледника и горный хребет в Средней и Центральной Азии, в Сибири — потухший вулкан, в Донбассе — железнодорожная станция. В истории отечественной науки навечно сохранится вклад отважного исследователя.

ВЕРЕЩАГИН-ТУРКЕСТАНСКИЙ

Хотя современники и называли этого выдающегося русского художника «Верещагиным-Туркестанским», однако именно туркестанский период жизни и творчества Василия Васильевича остается сравнительно малоизвестным, не говоря уже о его путешествии по Киргизстану. Поэтому и дорога нам каждая строка из почти забытых материалов. С некоторыми из счастливых находок и разысканий о художнике во время пребывания его в Средней Азии, сохранившихся в архивах, отделах редких книг и рукописей крупнейших библиотек Москвы, Ленинграда и Ташкента, нам и хочется поделиться с читателями.

* * *

Бородатый, орлиного облика молодой человек, нигде не расстававшийся с записной книжкой и альбомом, немало удивлял бывалых почтарей. Он то просил гнать вскачь по степи, то подолгу останавливался у какой-нибудь полуразвалившейся муллушки или в других, казалось бы, почти ничем не примечательных местах, никогда не привлекавших внимания проезжающих по трактовым дорогам из Петербурга в далекий и знойный Ташкент.

То был недавно возвратившийся с Кавказа В. В. Верещагин, приглашенный в Туркестан в качестве художника. По замыслу туркестанских властей Верещагин должен был увековечить своим талантом не столько природу и население вновь присоединенного к России обширного края,

В. В. Верещагин

сколько прославить победы русского оружия и «благодетельные» мероприятия его первых устроителей».

Путь пролегал через Оренбург, Орск, Джулек, Яны-Курган и Туркестан. За время длительной и далекой дороги художник запечатлел привлекавшие его внимание русские форты и развалины древних укреплении, своеобразные по своей архитектуре мусульманские надгробья, различные типы местных жителей, а также животных и предметы домашней утвари. По прибытии в Ташкент, где все казалось интересным и необычным, Верещагин целые дни осматривал бедные городские окраины, базары, мечети и караван-сарай старого («туземного») города, изучал жизнь, нравы и обычаи того многоликого и многоязычного

³ Том VII. В. М. Плоских

восточного города. Неустанное любопытство и желание глубже познать новый для него мир свели Верещагина с известным русским путешественником Н. А. Северцовым.

В ту пору в Ташкенте художником были написаны первые его картины на темы из жуткой действительности ханского феодального Востока — «Опиумеды», «После удачи» и «После неудачи». Зачисленный при туркестанском генерал-губернаторе на одну «из должностей, оставшихся свободными от предполагаемого штата соответственно гражданским чинам» в звании прапорщика Верещагин не был однако обязан сражаться, а лишь наблюдать и рисовать. «Прапорщик» свободно ходил и разъезжал в гражданском платье, но получал нередко и поражения чисто военные по форме.

Так, 14 марта 1869 года художнику было предписано выехать из Ташкента для «ознакомления с нравами, обычаями и образом жизни оседлого и кочевого населения края».

На предстоящие поездки, наем переводчиков и другие надобности по исполнению поручения Верещагину отпускалось всего 750 рублей. Далее сообщалось, что о необходимом ему содействии со стороны местных властей последние извещены. Открытое предписание, выданное художнику в этот же день, гласило:

«Предъявитель сего прапорщик Верещагин командирован для собирания этнографических и исторических сведений о Туркестанском крае, а потому предписывается... оказывать г-ну Верещагину всевозможное содействие как в его исследованиях, так и по найму верблюдов, но с тем, чтобы передвигаемые средства доставлялись г-ну Верещагину по свободному уговору с обывателями и за условленную с ними плату, на таковой предмет ему ассигнованы разъездные деньги».

Получив документ о командировании его в Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую области «для полного ознакомления с нравами, обычаями и образом жизни оседлого и кочевого

населения», Василий Васильевич выехал из Ташкента в Ходжент. Но в пути он вдруг резко изменил маршрут, поспешив вслед за русскими войсками в занятый уже ими Самарканд.

Одной из побудительных причин поездки Верещагина на Восток было, как известно, его желание увидеть вблизи настоящую войну. Здесь, в Самарканде, он и увидел истинную, полную ужасов, а не ту парадную сторону войны, которую изображали до него художники, даже самые знаменитые. Впоследствии, вспоминая свое участие в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, запечатленной на его полотнах балканской серии, он писал: «Выполнить цель, которой я задался — дать обществу картины настоящей, неподдельной войны — нельзя, глядя на сражения в бинокль из прекрасного далека, а нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытать голод, холод, болезни, раны... Нужно не бояться жертвовать своей кровью, своим телом, иначе картины мои будут не то». Верный своим художественным и нравственным принципам, Верещагин всегда стремился быть в гуще событий, в огне сражений, которые он хотел запечатлеть. В этом отношении и характерен самаркандский эпизод из жизни Верещагина.

Вскоре после этого, заболев малярией, Верещагин отправился в заграничную командировку — в Париж, где художник работал над туркестанскими этюдами и картиной «Бача и его поклонники».

На Туркестанской выставке, устроенной в 1869 году и в Петербурге, в одном из трех выставочных залов Верещагин обнародовал свои последние произведения, а в двух других он со вкусом расположил зоологические коллекции своего друга Северцова и геологические сборы из Средней Азии горного инженера Татарина, а также, собранные лично художником и другими участниками туркестанских походов, украшения, бытовые предметы, образцы местных

кустарных производств и среднеазиатского оружия. Туркестанские картины, этюды и рисунки Верещагина, как, впрочем, и вся выставка, имели огромный успех.

Во второй раз в Среднюю Азию художник попал уже через Сибирь, оставив Петербург ранней весной 1869 года. Проехав Верный, Аулие-Ата, Джамбул, он вновь обосновался в Ташкенте. Вскоре после приезда Верещагин, который всегда считал, что для художника, как и для литератора или деятеля науки, «путешествие составляет хорошую школу, просто необходимо учиться на «живой летописи истории мира», совершил кратковременную поездку в Коканд — столичный ханский город.

По-видимому, он собирался встретиться там с Худояр-ханом и обогатиться новыми впечатлениями, собрать этнографические материалы во время путешествия по ханству... Наши сведения обо всем этом еще крайне скудны. «Художник Верещагин, сколько мне известно, посетил г. Коканд, но никаких сведений об этом путешествии в литературе я не нашел», — писал его современник А. П. Федченко, готовясь к путешествию в Кокандское ханство. И действительно, ни сам художник, ни многочисленные биографы и исследователи творчества Верещагина ничего не сообщили об этой странице его пребывания в Туркестане. Некоторый свет проливает написанная на эту тему интересная публикация большого знатока культурной жизни дореволюционного Туркестана профессора Г. Н. Чаброва. Быть может от того, что с ханом художник так и не увиделся (от чего зависел дальнейший маршрут по кокандским владениям), верещагинские планы внезапно изменились. Мы не знаем, по какой дороге он возвращался в Ташкент, хотя известно, что Верещагин намеревался проехать через древний киргизский город Ош и Андижан. Не раз выезжал этот непоседливый человек в другие города и места Туркестана. А возвращаясь в Ташкент, он увлеченно писал небольшие картины и этюды, сюжеты которых вскрывали

социальные язвы в жизни среднеазиатских ханств: «Нищие в Самарканде», «Политики в опиумной лавочке Ташкента», «Хор дервишей, просящих милостыню», «Дервиши (дуваны) в праздничных нарядах» (1870 г.).

Наиболее длительной и, пожалуй, особенно обильной по числу сделанных зарисовок, этюдов с натуры и эскизов была поездка в Семиречье и небезопасное с военными приключениями путешествие вдоль границы с Восточным Туркестаном, где полыхало антицинское восстание дунган.

В помощь командированному 17 апреля 1869 года из Ташкента в Семиреченскую область для «этнографических исследований» художнику выделялся переводчик из казаков, знакомый с «местными наречиями».

И вновь он в пути... На почтовых станциях недавно устроенного Ташкентско-Верненского тракта и труднопроходимых вьючных тропах Прииссыккулья, в горах Центрального Тянь-Шаня, в тряской почтовой кибитке или верхом на киргизской лошаденке можно было увидеть приметную крепко сбитую фигуру художника со всегда поднятой головой. Пристальный взгляд, весь вид его выражал энергию, силу воли и решимость. Чрезвычайно любознательный, полный жадного интереса к жизни и людям, Верещагин стремился как можно больше увидеть и узнать о поразившей его воображение стране. Летом 1879 года он посетил многие живописные уголки Чуйской долины и молодой уездный городок-крепость Токмак, проезжал мрачным скалистым Боомским ущельем на побережье лазоревого Иссык-Куля, побывал на перевале Барскаун с его дикой впечатляющей красотой и даже во вновь устроенном Нарынском укреплении. Хотя маршруты его по Киргизии остаются далеко не выясненными, но простое упоминание о поездке в немногих сохранившихся от того времени документах, пометка на письме, а главное — примечательные верещагинские пейзажи — помогают восстановить районы его путешествий.

Хор дервишей просящих милостыню. Ташкент. 1870 г.

Величественные снежные горы и привлекательные весной и летом долины Киргизии столь полюбили художника, что он исполнил множество превосходных этюдов, почти миниатюр, и эскизов, удачно передающих разнообразную природу Киргизского края. Таковы прелестные пейзажи — «Снеговые вершины хребта Киргизского Ала-Тау», «Кочевая дорога в горах Ала-Тау», «Высохшее соленое озеро в долине реки Чу», «Сторожевая башня в долине реки Чу», «Киргизские кочевья (осенью) в долине реки Чу», «Зимовка в долине реки Чу» и, наконец, популярнейшие «Киргизские кибитки на реке Чу». В последней картине, как верно отмечает современный искусствовед Тихомиров, «чудесно сочетаются цвета кошмы юрты и степной травы с фигурками всадников и красочной симфонией гор». Восхитительны и многие виды Прииссыккулья — скалистые берега на фоне снеговых вершин и бирюзовые воды «Киргизского моря». Нельзя не залюбоваться верещагинскими картинами-миниатюрами: «Берег озера Иссык-Куль», «Горы близ озера Иссык-Куль (вечером)», «Снеговые горы близ озера Иссык-Куль», «Проход Барскаун» и многими другими этюдами, украшающими Музей изобразительных искусств Киргизской ССР и ряд других крупнейших художественных сокровищниц нашей страны. Печатью большого дарования отмечена серия пейзажей «В горах Ала-Тау», тонко передающих неповторимую красоту и свежесть альпийских высокогорных лугов — джайлоо.

Но радость свободной, походной жизни в путешествии по горам и весям, быстрая смена впечатлений от контрастов природы и калейдоскопа встреч со множеством самых разных людей, даже увлечение любимым занятием не могли заслонить будни неустроенного быта, дорожные тяготы и постоянную нехватку средств...

Следуя традиции передовых русских ученых-исследователей, а возможно, не без влияния бесед с Н. А. Северцовым или даже по его поручению, Верещагиным попутно собирает

и коллекции минералов, а также предметов кочевого быта, костных остатков, представляющих антропологический интерес, и т. п. Так, в августе 1870 года начальником южно-тарбагайского отряда были доставлены в г. Верный для отбывшего уже в Ташкент Верещагина 4 тяжелых ящика минералов, костей и разных обиходных вещей, собранных художником в разрушенном городе Чугучаке.

В ходе исполнения Верещагиным туркестанского цикла картин и рисунков возникла мысль о создании гениального альбома о Туркестане, в котором можно было бы объединить лучшие рисунки, этюды и заверить иные работы. Но для его издания необходимы были средства, и немалые. Заинтересованные в популяризации Русского Туркестана» краевые власти ходатайствуют перед Петербургом о выделении их.

Некоторые картины Верещагина, снятые им с натуры, были выставлены на Туркестанской выставке 1869 года в Санкт-Петербурге.

У художника накопилось значительное количество материалов, требующих окончательной разработки. Он был командирован за границу, чтобы «привести к окончанию труд, который наглядным образом ознакомит цивилизованный мир с бытом малоизвестного народа и обогатит науку важными для изучения материалами...»

Поздней осенью 1876 года Верещагин отправляется на два года за границу «для окончания работ по изданию альбома картин из быта Туркестанского края с текстом к нему». От него ждут и новых картин на темы Туркестана. Отклонив предложение парижского издателя, Верещагин поселяется на три года (год заграничной командировки ему добавляют) в Мюнхене. Здесь он намерен был творчески обобщить свои непосредственные впечатления и знание среднеазиатской истории в большой серии художественных полотен и подготовить публикацию «Туркестанского альбома». Верещагин связывается с известным печатником,

изобретателем нового способа гравирования Обернеттером, которому и заказывает альбом. Первоначально художник намеревался включить в него около 20 больших гравюр, до 50 средних и от 50 до 100 мелких. Но оказалось, что на это потребовалась бы большая сумма денег, поэтому пришлось ограничиваться минимумом.

При издании альбома Верещагин вынужден был даже техническую сторону дела оговаривать с сановным заказчиком, который шлет ему свои «советы». Вот образец одного из них:

«Рисунки, покрытые лаком, значительно яснее и потому выражение лиц виднее, каждая фигура отделяется явственнее, ничего не пропадает из рисунка; рисунки, не покрытые лаком, кажутся неясными, литография мягче, вообще они более нравятся, хотя и приходится всматриваться, чтобы составить себе отчетливое представление о картине, послужившей образцом для рисунка.

Покрытые лаком могут ломаться и даже при незначительной сырости склеиваться. — Надо очень тщательно с ними обращаться, чтобы их не испортить. Непокрытые лаком скорее замараются там, где их будут часто смотреть.

Из этого сравнения явствует, что оба способа имеют свои достоинства и свои неудобства, а потому было бы желательно половину экземпляров издать лакированными, а половину не лакированными».

Наконец, альбом был издан и получил чрезвычайно широкую известность. Из 106 помещенных здесь рисунки более половины занимают мастерски исполненные портреты киргизов, узбеков, таджиков и представителей других среднеазиатских национальностей. Художник с большой достоверностью передал их характерные черты, национальные одеяния, сцены из жизни и быта народов Востока. «Туркестанский альбом» — одно из прекрасных художественных изданий своего времени — представляет также особую ценность и для науки.

В течение трех лет в Мюнхене Верещагиным была написана поистине грандиозная серия больших живописных картин. В этих творениях он художественно обобщил свои наблюдения о среднеазиатской действительности и вложил в них глубокие раздумья над самыми драматическими страницами из истории среднеазиатских народов. По содержанию и идейной направленности народов жанровые картины туркестанской серии условно разделяют на две группы. В одной из них художник гневно бичует самые мрачные стороны феодально-деспотического строя среднеазиатских ханств — это широко известные его полотна: «Двери Тамерлана», «Самаркандский зиндан», «Продажа ребенка-невольника», «У дверей мечети».

Среди батальных сцен в туркестанской серии особое место занимает картина «Апофеоз войны», посвященная Верещагиным «всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». Жуткий в своей обыденности курган черепов, на котором заканчивают пир вороны, изображен на мертвом фоне обуглившихся деревьев и полуразрушенной крепости — таково верещагинское «прославление», апофеоз смерти, разрушения и войны. Навечноя преданиями о походах и опустошительных войнах жестокого «железного хромца» Тимура, картина обличает варварство прошедших, настоящих и будущих завоевателей, утверждая языком искусства самые гуманные человеческие стремления к миру, права на свободу народа. Сам Верещагин в одном из писем к В. В. Стасову писал о картине, что она столько же историческая, сколько сатира — злая и нелицеприятная.

В другой группе туркестанских полотен Верещагиным отражены преимущественно живописные, праздничные стороны быта народов Средней Азии, передано его глубокое восхищение природной красотой, умом и силой народа. Таковы, например, «Узбек — продавец посуды», «Узбекская женщина в Ташкенте», «Богатый киргизский охотник

с соколом». Последняя картина написана под впечатлением действительно имевшей место встречи во время туркестанских странствий художника с богатым киргизом перед выездом на любительскую охоту. Посреди юрты, полуобернувшись к зрителю, изображен еще довольно крепкий старик с ловчим соколом на поднятой полусогнутой руке. Он восхищенно смотрит на предмет своей охотничьей гордости, а верная птица, склонившись к хозяину, словно ждет его сигнала к взлету. На охотнике богатый праздничный костюм: пестрый с узорами халат заправлен в широкие внизу штаны из желтой замши, расшитые красочным национальным узором. Белый с вышивкой кушак, опоясывающий стан охотника, и традиционный беловойлочный колпак с расшитой оторочкой по краям, ловко сидящий на смуглом красивом лице охотника, подчеркивает нарядность его убранства (охота с ловчими птицами служила для киргиз-богачей одним из видов их развлечения). За спиной у него старинное ружье — мылтык — на деревянных распорках, на поясе — охотничий нож в изукрашенном чехле и сзади ременная нагайка — камча. Как отмечает А. К. Лебедев, известный исследователь творчества Верещагина, в картине мастерски написаны все детали костюма, охотничьи принадлежности (не забыта перевязь на руке, чтобы птица не поранила своими когтями, и цепочка, которой она привязана к поясу охотника). Подробно выписан и внутренний декор юрты, хотя последняя служит только слабоосвещенным фоном для фигуры охотника. Отсутствие в картине динамического сюжета, характерного для других полотен (в частности, батальных) туркестанского цикла, и эта строгая документальность в передаче деталей послужила, по-видимому, основанием В. В. Стасову назвать ее «этнографической» в лучшем понимании этого слова.

Выставка туркестанского наследия Верещагина, открывшаяся 7 марта 1874 года в Петербурге, явила художественному миру новую восходящую звезду первой величины.

Вскоре после выставки Н. И. Крамской, руководитель передвижников, напишет: «Я не знаю, есть ли в настоящее время художник, ему равный не только у нас, но и за границей. Это нечто удивительное». И это удивительное чудо в определенной степени выкристаллизовывалось именно в поездках по Средней Азии.

Сам Верещагин впоследствии так оценивал значение этого периода своей творческой биографии: «Я учился на Востоке, потому что там было свободнее, вольнее учиться, чем на Западе. Вместо парижской мансарды... у меня была киргизская палатка, вместо «островов» или «Медоны» — снеговые горы, вместо натурщиков — живые люди, наконец, вместо кваса и воды кумыс и молоко! Этюды знакомили меня со страной, учили меня — результатом явились картины, созревшие гораздо позже».

Среди экспонированных на выставке произведений Верещагина было немало шедевров — картин на киргизскую тематику: «С гор на долины (перекочевка киргизских аулов)», «Развалины одного из укреплений в долине р. Чу», «В Буамском ущелье (Александровский хребет в Семиреченской области)», «Устье реки Кебина в Буамском ущелье», «Берега озера Иссык-Куль (в Тянь-Шане)», «Перевал Барскаун через хребет Киргизский Алатау в Тянь-Шане», «Укрепление Нарын в Тянь-Шане (Небесных горах) близ Кашгарской границы», целый ряд портретных и групповых изображений коренных жителей края — «Киргиз», «Киргизка» и т. д.

Уже этот далеко не полный перечень «киргизстанских» работ Верещагина показывает, что Среднеазиатский Восток занимает в его творческом наследии особое и, пожалуй, столь значительное место, как ни у кого из других мастеров кисти второй половины XIX — начала XX века. Здесь, в Средней Азии, определились и главные черты его дарования по преимуществу как мастера батальной

живописи, здесь же в основном сложился он и как художник-живописец.

Несмотря на триумфальный успех его выставок за рубежом, официальные власти сначала с недоверием, а потом и явной враждебностью относились к творчеству Верещагина. Неприкрытая правда и идейная направленность туркестанских полотен художника претили им, вызывая взрыв недовольства. Травля, организованная высокопоставленными кругами России, финансовая зависимость от заказчика туркестанской серии привели к тому, что ряд произведений был им уничтожен в виде протеста против реакции официального общества. Так, только в фотопродукциях дошли до нас картины «Забывтый», «Вошли», «Окружили — преследуют», «Бача и его поклонники», раскрывавших оборотные стороны войны и нравы местных феодалов. Картина «Забывтый» вызвала самые разнообразные и шумные отклики среди посетителей Петербургской выставки. На переднем плане Верещагин изобразил убитого русского солдата. Он лежит на спине, раскинув руки и ноги. Следы запекшейся крови видны на щеке, у левого виска и на белой солдатской рубахе. У изголовья — откатившаяся фуражка, сбоку — брошенное ружье. Над трупом вьется стая черных воронов, а наиболее смелый из них уже опустился солдату на грудь и каркает, подзывая на пиршество своих собратьев... Клубится дорожная пыль вслед за уходящим вдоль гор отрядом солдат. А позади них, на фоне горной реки у песчаной бесплодной долины — свежевырытый холм над братской могилой с водруженным на ней крестом. Картина невольно ассоциировалась с известной народной песней и горькой солдатской доле — «Уж как пал туман на сине море». Недаром после Верещагинского «Забывтого» появилась одноименная песня-баллада Голенищева-Кутузова, посвященная художнику, а Мусоргский написал к ней бередающую душу музыку. В реакционных же кругах русского

генералитета и среди квасных «патриотов» картина вызвала откровенное недовольство и расценивалась как «клевета» на туркестанское воинство.

Поиски документальных свидетельств о жизни и творчестве Верещагина в Туркестане привели нас в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Среди них, желтевших от времени листков с поблекшими чернилами, бережно извлеченных из фонда В. В. Верещагина, наше внимание привлекло стихотворение «Забывтый», написанное знакомым аккуратным и четким почерком. Так ведь это верещагинский автограф! Под ним и подпись — «Художник В. В. Верещагин». Не он ли его автор? Ведь когда читаешь строки «Забывтого» в памяти невольно встает и верещагинская картина.

Забывтый

Над равниной Туркестана,
В темной неба синеве,
Мерно двигая крылами,
Ястреб кружит в тишине.

Видит он внизу, в поляне,
Близ ручья, что с гор бежит,
На холме между кустами
Что-то... белое блестит!

Круг еще раз описавши,
Распознав, что там лежит,
Ястреб крылья поприжавши,
Камнем на землю летит.

Здесь, на праздник созывая
Ястребов окрестный мир,

Клюв свой жадно расправляя,
Когти в труп он запустил.

Но орлы, гудя крылами,
В место пира ворвались
И за мясо с ястребами
Насмерть биться принялись.

Долго длилась эта битва
Кто кого тут победил —
Неизвестно, но на утро
Ястреб больше не кружил.

Все спокойно в той равнине,
Все живет, цветет, блестит,
И за днями, за годами
Павший воин позабыт!

Забутый. Художник В. В. Верещагин

Несмотря на широкую популярность за рубежом и среди демократических кругов России, царское правительство отрицательно относилось к творчеству художника и за 30 лет не купило ни одной его картины. Лишь благодаря П. М. Третьякову, который приобрел туркестанскую серию полотен Верещагина, и стараниями некоторых собирателей и ценителей его таланта из числа соотечественников художника для нашей страны сохранилась большая часть бесценного наследия «Верещагина-Туркестанского».

В. В. Верещагина по праву считали одним из крупнейших русских художников — мастеров критического реализма второй половины XIX века, который своим искусством вызывал в народе благородные стремления, нудил мысль и совесть.

Непревзойденный мастер батальных сцен возвышал свой голос против захватнических, несправедливых войн, их жестокости и бесчеловечности. По иронии судьбы он и погиб на войне. Когда вспыхнула русско-японская война, шестидесятидвухлетний художник-гражданин отправился на театр военных действий. В 1904 году флагманский корабль русского флота, на борту которого находились адмирал Макаров и Верещагин, внезапно подорвался на японской мине. Впрочем, эта участь могла постичь отважного художника-патриота и более 30 лет тому назад, еще на стенах обороняемого русскими солдатами Самарканда...

По своим творческим интересам Верещагин был не только художником, но и ученым-историком, этнографом, географом, писателем и журналистом, неутомимым путешественником. Любовь к Родине, уважение к простому человеку без различия цвета его кожи и языка предопределил и всю его деятельность.

В «ГОРИСТЫЕ СТРАНЫ...»

В 1868 году беспокойная натура путешественников привела пытливых молодых натуралистов — Алексея Павловича и Ольгу Александровну Федченко — в Кокандское ханство.

Об основных результатах их путешествия так говорится в одном из архивных документов того времени, обнаруженном нами в Центральном военно-историческом архиве:

«В начале июня (1871 г. — авт.) г-н Федченко отправился в Кокандское ханство, где пробыл три месяца... Ему удалось проехать по южной окраине ханства, делая поездки к снеговому, водораздельному хребту. При его поездке из Уч-Кургана он перешел водораздельный хребет и опустил в кочевье алайских киргизов, лежащее на р. Кызыл-Су, приток Аму-Дарьи. Это путешествие, по стране, где дотоле не было еще ни одного европейского путешественника, дало много важных географических открытий: исследование обширного ледника, из которого вытекает р. Исфара, и ледника Каракозукского, определение характера Алайского плоскогорья, открытие исполинского хребта Заалайских гор; определение положения перевала Терек-Даван и летней дороги в Кашгар; исследование части течения р. верхней Сыр-Дарьи; определение высот многих пунктов барометрическими наблюдениями. По фауне и флоре вывезены как многие любопытные наблюдения, так и большие коллекции».

Перед нами отрывок из письма от 5 октября 1871 года в военное министерство, составленного от имени туркестанского генерал-губернатора, который слыл среди своих приближенных просвещенным правителем, оказывая поддержку ряду научных экспедиций в Средней Азии.

⁴ Том VII. В. М. Плоских

А. П. Федченко**О. А. Федченко**

Это диктовалось отнюдь не его научными склонностями и не простой филантропией, а вытекало из необходимости изучения вновь присоединенных к России среднеазиатских земель с целью более быстрого и полного использования их богатств в интересах царизма и русской буржуазии.

Царские власти считали, что изучение Туркестана необходимо и в фискальных, и даже военных целях. В одном из писем к учителю А. П. Федченко — президенту Общества любителей естествознания, этнографии и археологии профессору Г. Е. Щуровскому — 1 декабря 1867 года прямо говорилось: «Настоящая администрация Туркестанского края полагает совершенно для себя необходимым изучение производительных сил Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей с тем, чтобы эти страны могли бы с течением времени принести, возможно, большую пользу России».

С такими целями зачастую планировались и путешествия по Средней Азии. Однако разносторонние научные интересы, творческая одаренность индивидуальные склонности их исполнителей — ученых путешественников —

нередко поднимали результаты туркестанских экспедиций (даже тех, что снаряжались не научными обществами России, подобно путешествию Федченко, а самыми разными официальными ведомствами и учреждениями) до уровня событий большой общественно-национальной значимости в культурной жизни страны.

В программе путешествий по Туркестану Федченко предполагал значительное внимание уделить исследованию растительного и животного мира, неисследованным вопросам географии, а также знакомству с жизнью и бытом оседлого и кочевого населения как в целом ханства, так и особенно южной территории Киргизии.

В представленной докладной записке от 12 апреля 1871 года ученый указывал: «Затем из Оша следовало бы пройти, возможно, далее в южном направлении, так как на меридиане Оша, должно полагать, находится водораздел между Кашгарским и Сыр-Дарьинским бассейнами, известный под именем Болора. Затем, посетив, если возможно, Терек-Даван, главный перевал в Кашгар, я полагал бы прямо с него направиться на Чатыр-Куль и, посетив верховья Ак-Су, перейти на Большой Нарын, с которого спустился бы к Иссык-Кулю для исследования его водной фауны». Наложённая резолюция была лаконичной: «В таком роде путешествие одобряю».

Оно началось, как и многие другие экспедиции по краю, из Ташкента. Путь лежал в почти недоступное для исследований европейских ученых Кокандское ханство, где властвовал один из самых деспотичных правителей Средней Азии в XIX веке — Худояр.

Последний извещался ташкентскими властями, что цель путешествия ученого «самая мирная и полезная: он изучает жизнь и характер всех тварей и растений... и пользу, которую они принесут людям...». Федченко поручено «исследовать следующие места: 1) из Коканда направиться на Исфару и из нее к Зеравшанскому леднику,

через Ворух; 2) Вадиль и Уч-Курган и оттуда на перевалы в Каратегин; 3) Ош и находящиеся к югу от него горы в пределах кокандских владений; 4) перевал Терек-Даван, а затем перейти в долину Арпы через какой-либо перевал. Если бы оказалось по обстоятельствам невозможным быть г-ну Федченко ныне же во всех этих местах, то можно отложить эту поездку в такое место до будущего времени. При г-не Федченко, для помощи в его ученых работах, безотлучно находятся: его жена, один помощник, слуга и восемь человек джигитов».

В Коканде А. П. Федченко дали разрешение на посещение Маргелана, Андижана, Шаарихана, Аравана, Булакбаши и городов: Ош, Уч-Курган, Чимион, Сох, Исфара, Чоркух и Ворух, в котором сообщалось, что «шесть человек русских с одной женщиной и с семьей служителями едут видеть гористые страны».

Правда, однако, и то, что «сей высочайший приказ» немного значил именно на окраинах ханства, где обстановка оставалась беспокойной, а население «гористых стран» почти непрерывно восставало против ханско-феодального гнета.

Во многих местах приферганских гор, которые Федченко по примеру местных жителей обобщенно называл «Киргизскими горами», открывалась поистине чудесная панорама Ферганской долины. Ученого поразили вид плодороднейшего Ферганского оазиса. Здесь усилиями и трудом простого народа, даже в условиях жесточайшего гнета ханов и беков, пустынная природа была чудесно преображена. Смотри с гор на Ферганскую долину, Федченко записал: «Такой обширной непрерывной массы зелени садов я не видел еще в Средней Азии. Нельзя было не удивляться, смотря на раскинувшуюся картину, зная, что все в ней есть исключительно дело рук человеческих... значение человеческих усилий выступало в полной их силе».

Экспедиционный отряд постоянно привлекал к себе внимание местных жителей необычностью облика путников

и их «странных» занятий. Он состоял из самого ученого, подруги его жизни и ближайшей помощницы в науке — Ольги Александровны, собиравшей и препарировавшей растения, исполнявшей также роль художника, препаратора Я. С. Савельева, переводчика А. Нурекина и шести ташкентских джигитов, к которым в Коканде добавилось еще восемь во главе с 70-летним Абдукаримом Караул-беги.

Федченко давно стремился в Алай, откуда открывается путь на Памир. Само название «Алай», как ему перевели, значило «удивляйся»! Неудобная горная дорога лежала через Шахимардан, Сох, Уч-Курган, за которым следовало подняться на перевал Исфайрам, или как его еще называли — Тенгиз-бай. В письме из Уч-Кургапа 16 июля 1871 года Федченко сообщал о своих ближайших намерениях и затруднениях: «С перевала я спущусь в Кызыл-Су (Дарья и Сурх-об таджиков), где находится кокандский курган. Из него полагаю страну Алай проехать до перевала, ведущего в Наукат, откуда отправлюсь в Ош. Можно бы проехать Алаем до перевала, ведущего в Ош, но спутники мои кокандские страшат кашгарскими киргизами. Им хочется чтобы мы меньше пробыли в Алае: холодно там, земледелия нет, кишлаков нет»...

Дорога и остановки в пути, встречи с жителями селений, горцами и случайными попутчиками — все это позволяло путешественникам познавать незнакомый, но полюбившийся им край и его жителей, знакомиться с жизнью, нравами и обычаями самых разнообразных представителей общества на Востоке.

По дороге в Алай Федченко остановился в Шахимардане.

Хотя сопровождающие его джигиты и не хотели покидать уютный горный кишлак, все же пришлось двинуться далее в горы, на перевал.

Вечер в горах начинается рано — стоит солнцу закатиться за гребень. Пограничный караул в узком ущелье был уже в тени, когда путешественники подъехали к курганче.

Федченко собирался продолжать путь, но джигиты хором стали говорить об опасностях пути в темноте, отсутствии более удобного места для ночлега и т. д. Отчасти они оказались правы, и позже путники даже были благодарны джигитам за эту вынужденную непредвиденную остановку. Ночью внезапно разразилась сильная гроза. Страшные порывы ветра из ущелья рвали палатки, хлынувший проливной дождь заливал лагерь. Всю ночь провели они в воде, оглушаемые раскатами грома. Казалось, горы рушатся на людей, и начался всемирный потоп. Стихия бушевала до утра. Только с рассветом погода несколько улучшилась. Так встречал Алай отважных европейцев, впервые с севера решивших проникнуть в его тайны.

Дальнейший путь был трудным. Мокрые склоны затрудняли движение завьюченных лошадей. Людям все чаще приходилось идти пешком. Одна лошадь свалилась и реку, и только с помощью подоспевших джигитов удалось спасти ее и кладь.

Издавна путь через перевал Исфайрам служил для сообщения караванов и перекочевок ферганских киргизов на Алай. Пологий склон, мягкий грунт позволили одолеть перевал довольно легко. Захватило дух, когда перед путниками открылась панорама исполинских гор и Алай — «низкое ровное место под углом 99°», — отметил ученый в памятной книжке. Огромное ковровое плато прорезала могучая река Кызыл-Су (Красная) с притоками. Повсюду, куда достигал глаз, простирались величественные, убеленные снегом вершины, непрерывные каменные гребни. Долина, понятно, привлекала джигитов, но маячившие впереди горы манили ученого своей полной неизведанностью. Их расположение должно было подтвердить или опровергнуть устоявшуюся схему гумбольдтовской теории меридиональных хребтов на Тянь-Шане. А там, за горными исполинами, фантазия кочевников помещала «Крышу мира», как ее называли ученому — «Бам-и-динеа».

Во время поездки Федченко вместе с супругой приходилось заниматься даже врачеванием, оказывая мимолетным знакомым самую разнообразную медицинскую помощь. Вообще местные жители, особенно горцы, выглядели живописно, оружие было допотопным. У проезжавшего киргиза-охотника он впервые увидел фитильное ружье с подставкой в виде вилки — кара-мылтык. Коренастый конь уверенно карабкался по крутому горному склону и, казалось, даже не ощущал на себе всадника...

Вечер прошел в дружелюбной беседе с повстречавшимися на пути киргизами. Солнце быстро опустилось за горный кряж, и сразу стало свежо. Гостеприимные хозяева зарезали барана. Аромат свежего мяса приятно раздражал изголодавшихся путников. Ужинали уже в темноте. Ночь была холодной.

С перевала Тенгиз-бай Алайского хребта Федченко увидел новую мощную горную систему, увенчанную высочайшим пиком, названным впоследствии пиком Победы, вместо крутых меридионально расположенных хребтов, которые «должны» были здесь находиться, по схеме Гумбольдта и его последователей. Перед глазами Федченко встала во всей своей величественной высоте продольная стена Заалайского хребта. Название «Заалайский», данное ученым, так и закрепилось на всех картах мира. Безудержно захотелось узнать, что же скрывалось за ним. Но оказалось, что кроме недостатка фуража и средств (с этим можно было еще мириться), сопровождавшие Федченко в качестве проводников и охраны джигиты наотрез отказались идти в горы. Пришлось ограничиться лишь визуальным знакомством с открытым хребтом.

Ольга Александровна взяла этюдник, палитру, и на холст легли первые штрихи величественных пиков Заалайской горной гряды. Позже репродукция с картины А. П. Саврасова по зарисовкам с натуры О. А. Федченко, названная

«Вид Заалайских гор с перевала Исфайрам», украсила книгу А. П. Федченко о путешествии в Туркестан.

Как ни интересно было на перевале, но спутники начали спуск. Вскоре супруги по крутой тропинке, вьющейся по склонам оврагов, спустились вниз. Речка Дараут вывела их к небольшому кургану — крепостце, поставленной кокандцами для управления и наблюдения за киргизским населением Алая.

В Дараут-Кургане восседал Исмаил-токсаба («полковник») — важный, оплывший жиром местный феодал, пользовавшийся ханским доверием. Сам киргиз Исмаил-токсаба тем не менее рисковал отъезжать от кургана только в сопровождении орды джигитов.

«Исмаил-токсаба, — писал Федченко в одной из корреспонденций в газету «Туркестанские ведомости», — и ген. начальник постоянно кочующих в Алае киргизов: он там недавно, всего с 1870 года. Прежде для сбора зекета временно приезжали сборщики из Оша. Но с тех пор, как в Каратегине вместо вассала кокандцы имеют врага, они усилили свою власть в Алае и одновременно «назначением нового начальника расширили курган свой». Его описание имеет немалый интерес для историков. Нынешний курган представляет четырехугольник, обнесенный глиняными стенами до 2 сажень высоты с одними воротами на северной стороне. Внутри кургана возвышается старый, целиком вошедший внутрь нового весьма маленький и скорее похожий на небольшой дом. В качестве дома он и служит для Исмаила-токсабы, с которым, говорят, живут и жены его. Изнутри к наружной стене кургана примыкают навесы, которые служат, с одной стороны, укрытием для людей, а с другой — на них должны становиться защитники в случае нападения; обширный пустой двор предназначен для привязывания лошадей. Вот и все нехитрое устройство крепости». В глазах европейца она слаба и ничтожна, к тому же неудачно расположена —

в непосредственной близости от высоких гор: в случае осады оттуда можно забросать ее камнями. Но для мирных кочевников-скотоводов она была ханской твердыней с гарнизоном в 50—60 джигитов, хотя вряд ли у всех имелись ружья. Во время посещения Дараут-Кургана путешественниками джигитов было гораздо меньше. Федченко не насчитал и двух десятков. «Если все спокойно, — говорили ему, — то токсаба отпускает их по домам».

«Управление» Исмаила-токсабы киргизами сводилось больше к выколачиванию налогов с кочевого населения. Но он любил привлекать окрестных жителей и ко всяким другим повинностям. Именно поэтому киргизы старались держаться подальше от кургана и не подкочевывали к нему даже летом. Впрочем, власть его, по замечанию Федченко, распространялась лишь на киргизов, кочевавших в большей части Алая, в так называемом Баш-Алае. Далее к востоку, в Кичик-Алае (Малом Алае) властвовала знаменитая Курбанджан-датха, прозванная еще в старой русской литературе «алайской царицей».

Все то, что не удалось увидеть самому путешественнику за три дня пребывания в Алае, дополнили рассказы киргизского «старшины» Нур Магомета об алайских киргизах и Каратегине.

Вот строки из книги Федченко, посвященные жизни алайских киргизов-кочевников. «Обращаюсь к жителям Алая: они исключительно киргизы и притом кочевники. Я видел всего два-три небольших кургана, т. е. обнесенных глиняной стеной пространства с кое-какими постройками. Они служат укрытием для киргизов, остающихся на зиму в Алае. Но таких сравнительно немного; большинство приходит в Алай только на лето из долины Ферганы, на зиму же возвращается обратно и пасет стада на степных невозделанных пространствах, на многих находящихся близ самых многочисленных оседлых поселений. Эта-то необходимость для кочевников прихода на зиму вниз составляет

главную силу сартов, оседлой партии; благодаря этому-то обстоятельству они и держат их в руках. Сарты предоставляют киргизам кочевать в горах без всякого надзора и полиции, они знают, что если киргизы задумают бунтовать, то зимой все равно будут у них в руках и при этом со всеми своими стадами».

Общественные явления в представлении Федченко, путешествовавшего по краю более столетия тому назад, выглядели иными, чем мы знаем о них сейчас. Но его наблюдения и замечания о жизни и быте местных народов до сих пор поражают нас своей меткостью, точностью и достоверностью.

«Из долины Ферганы прикочевывают в Алай только те киргизы, которые имеют одnogорбых верблюдов-наров, — отмечал А. П. Федченко. — Только эти верблюды в состоянии подниматься с тяжестями по крутым горным тропинкам и переходить через перевалы в бассейн Аму-Дарьи; те же киргизы, у которых нет наров, должны довольствоваться более бедными летовками на северном склоне гор... Вообще киргиз, у которого есть лошади, рогатый скот, но нет верблюдов, и не помышляет о перекочевке, а мирится с долей бедняка игенчи (земледельца)».

Ужасающая бедность простого люда из местного населения не то чтобы поразила ученого, нет. С подобными явлениями он встречался раньше в России. Просто она заставила его обратить внимание на общее социальное положение трудящихся масс в среднеазиатских ханствах. Так, описывая Магианское бекство, Федченко с горечью отмечал: «...беднейшая часть населения вынуждена в течение зимы кормиться корнем татина (растение из семейства крестоцветных), к употреблению которого в плохие годы прибегает большая часть населения». Не лучшей была доля и кочевника-скотовода, тяжелое положение которого усугублялось феодальными усобицами, приводившими нередко к полному обнищанию. Федченко описывает одну

киргизскую летовку — Кара-козук, — которая слыла у киргизов очень бедной. «Кара» значит черный, «козук» — прикол, железный стержень, вбиваемый в землю и служащий для привязывания лошади. Лошадь ходит на привязи вокруг кола. Соединение двух терминов — «кара» и «козук» должно выражать мысль, что в этой местности лошадь не найдет себе достаточно корма. Появилось это название, по словам жителей, в ту пору, когда некий богатый киргиз выбрал себе эту летовку, потому что тут можно было не опасаться соперников. А кончилось это тем, что почти все его стада погибли от недостатка кормов.

«Перешагнуть через Заалайский хребет» к заветной «Памирской выси» не удалось из-за решительного запрета токсабы. «Нет, дальше нельзя, нужно назад!», — сказал «киргизский полковник» в Дараут-Кургане. Пришлось, скрепя сердце, возвращаться в Фергану, однако уже новым маршрутом — через живописные межгорные долины Кичик-Алая и Ак-Буры в г. Ош.

Долгий путь в глухих горах был не всегда безопасен, хотя остерегаться, как оказывалось, приходилось более неожиданных и грозных явлений природы, чем неприятелей со стороны местных жителей. С ними гуманный ученый всегда умел поладить.

Вообще никогда ранее местные жители совершенно не проявляли своей враждебности, а наоборот, высказывали всяческие знаки уважения и приязни. Федченко зачастую ездил только в сопровождении одного джигита далеко в сторону от каравана, поскольку чувствовал себя свободно и безопасно.

По долине порожистой реки Ак-Бура 30 июля путешественники спустились в Ош. Они осмотрели утопающий в зелени садов древний город, что раскинулся у подножья Сулейман-горы. Побывали и на этой знаменитой «Ошской горке», с высоты которой весь город виден как с птичьего полета. Но строения на ней не показались ученому

древними, а пресловутые остатки семи древнегреческих жертвенников (о которых писал в свое время Арминий Вамбери) — не более как большие голые скалы, торчащие из горы.

1 августа Федченко сообщил в Ташкент, что он, видимо, не сможет возвратиться обратно через Нарынский край, как намеревался ранее, и стал спешно собираться к выступлению на «Кашгарский перевал» (Терек-Даван). Однако ошский серкер Джан-датха воспротивился даже поездке в Гульчу, ссылаясь на отсутствие согласия от бека и необходимого конвоя. Он отказал в поездке и на Баш-Алай, лишь нехотя дал разрешение на поездку к Гульче в сопровождении конвоя из ошских жителей.

Наконец 7 августа Федченко выехал из Оша по большой караванной дороге через перевал Чигирчик на Гульчу, справедливо полагая, что и эта «поездка в сторону, не посещенную ни одним исследователем, ни одним образованным путешественником, не останется без результатов». Но дальше Гульчи ввиду категорического запрещения местных кокандских властей и отказа провожатого Сар-Куля ехать не решился, и через три дня отряд направился к г. Узгену в долине Кара-Дарьи.

Приведем отрывок из письма Федченко о посещении им Узгенского архитектурного комплекса XI—XII веков в этом древнейшем городе Киргизстана.

«Узген замечателен двумя древними постройками: гробницами султана Иллигмози и его учителя и минаретом, имеющим до восьми сажень высоты, но, очевидно, имевшим большую высоту. Мавзолеи тоже сильно пострадали, но все-таки еще великолепны как по стилю, приближающемуся к мавританскому, так и по рисункам узоров на фасадах. Украшения исключительно из жженого кирпича, покрытого разными, в высшей степени правильными фигурами. Туземцы определяют древность постройки

в 760 лет. Рисунки, сделанные Ольгой Александровной, познакомят археологов с этими древностями, чуть ли не самыми древними в Средней Азии».

Из Узгена, где закончилось путешествие по горам, правобережьем р. Сыр-Дарьи, через перевал Кендырь (и Таш-Рабат) в конце августа 1871 года путешественники добрались до Ташкента.

Так окончились три месяца увлекательнейшего, хотя и многотрудного путешествия по Кокандскому ханству, в котором судьбу маршрута решали нередко не научные цели или воля путешественника, а прихоть какого-нибудь токсаба или сопровождавших путников кокандских джигитов. В целом же результаты трехлетних исследований Средней Азии и особенно поездки в Кокандское ханство выдвинули Федченко в число знаменитых русских первооткрывателей. Мушкетов напишет позже о своем предшественнике, что он «...собрал в сравнительно непродолжительное время такой громадный материал, произвел столько любопытных и разносторонних наблюдений, что ему по праву принадлежит первое место в ряду многочисленных исследователей Туркестана новейшего времени».

Федченко во время всех путешествий по Средней Азии было собрано до 57 тыс. экземпляров животных, принадлежавших к более чем 10 тыс. видов из всех отделов животного царства, встречающихся в крае. Гербарий включил более 1500 видов — все в нескольких экземплярах.

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, ходатайствовавшее об издании труда Федченко, отмечало, что ученому удалось собрать действительно замечательный по интересу и обширности научный материал. «...Оно (общество — авт.) признает результаты Туркестанской ученой экспедиции как имеющими особо важное значение как для изучения отечества и для науки вообще, так и для обогащения естественно-исторических собраний

Московского университета обширными и оригинальными коллекциями, привезенными из вновь исследованного и богатого по своему интересу края».

Ученый не успел сам обработать собранные коллекции. Преждевременная трагическая смерть при исследовании швейцарских ледников прервала плодотворную шумную деятельность Федченко. Но память о беззаветно преданном науке ученом дорога не только в научных кругах. Ледник Федченко на Тянь-Шане — одно из привлекательнейших природных чудес — манит ученых, альпинистов, являясь данью благодарности выдающемуся путешественнику, посвятившему жизнь изучению «белых пятен» Тянь-Шаня и других регионов Средней Азии.

В ФЕРГАНСКОМ ОАЗИСЕ

Не каждый город весной так привлекателен, как Маргелан. Он особенно понравился ученому тем, что в его родной Прибалтике март — это время дождей и снега, солнца и прохладного ветра, а здесь во всей природе торжествовала весна, за ее порогом уже чувствовалось дыхание знойного лета...

Оставляя не без сожаления Маргелан (надо было спешить в восточные горные районы Ферганы), А. Ф. Миддендорф отправил письмо военному губернатору Ферганской области, в котором поделился планами своего дальнейшего путешествия по краю.

«...Я рассчитываю на первой неделе апреля осматривать окрестности Шаарихана, на второй — Оша и Узгена до гор и к концу этого месяца дойти на правом берегу Сыр-Дарьи до Майли. Там, в горах, я желал бы пробыть недели три, а потом через Наманган и Чуят вернуться в Ташкент. Кроме г-на Перру, переводчика и конюха сопровождать меня будет сын мой, которого ожидаю из Чиназа.

Г-н Савинов продолжал полный ряд наших метеорологических наблюдений каждый раз, когда г-н Перру сопровождал мне при разъездах вокруг Маргелана.

Считаю долгом своим указать на значительную пользу для первоначального изучения метеорологических особенностей края... если бы г-н Савинов мог быть откомандирован в Наманган для продолжения там сказанных наблюдений, в продолжении апреля и мая месяцев, до нашего приезда туда... В таком случае г-н Перру установит инструменты надлежащим образом и Намангане.

Ф. Миддендорф

О ташкентских дождемерах пока ничего не слышать. Позволю себе приложить посланный вслед за мною только что вышедший последний выпуск моего «Сибирского путешествия...»

Обстоятельства, которые привели на склоне лет Ф. Миддендорфа в «благодатную» Фергану, вкратце таковы. Вскоре после присоединения бывшего Кокандского ханства к России (1876 г.) встала настоятельная необходимость комплексного общегеографического исследования новой территории. Царские власти Русского Туркестана интересовались в первую очередь выяснением запутанных вопросов землепользования и неясных пока перспектив развития сельского хозяйства края. Получение их и было возложено по настоятельной рекомендации Русского географического общества на Александра Федоровича Миддендорфа (1815–1894 гг.).

К тому времени 63-летний почетный академик и старейший член Русского географического общества А. Ф. Миддендорф уже прославился своими исследованиями огромных неизведанных сибирских просторов. Участие в пандемических экспедициях 1842–1845 годов дало возможность собрать разнообразные и обширные материалы для четырехтомной монографии «Путешествие на север и восток Сибири», издание которой завершилось лишь во время поездок Миддендорфа по Фергане.

Седовласый ученый принял предложение туркестанских властей о проведении разносторонних исследований Ферганского оазиса с целью выяснения его сельскохозяйственных условий не без длительных размышлений и колебаний. Обширная программа исследований была столь же насыщенной, сколь сжатой по времени ее исполнения. А годы и подкрадывавшиеся болезни уже подтачивали его некогда крепкий организм.

В своих капитальных «Очерках Ферганской долины», явившихся результатом ферганского путешествия, Миддендорф откровенно писал, что хотя его издавна влекла Средняя Азия, но так как он начал стариться, то «только после долгого раздумья я ответил согласием на это предложение, сделанное мне через посредство вице-президента... Русского географического общества в Санкт-Петербурге П. П. Семенова».

Отчетливо понимая, что удовлетворить запросы туркестанской администрации, живя в болотистом труднодоступном уголке Эстонии, просто невозможно, Миддендорф сделал все для успешного выполнения предстоявшей ему задачи. Суть ее сводилась к тому, чтобы на основе изучения всей совокупности естественных условий и производительных сил Ферганы, а также сложившихся там экономических отношений, дать верное заключение о хозяйственной будущности края и, по словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, наметить линии «здоровой экономической

⁵ Том VII. В. М. Плеских

политики местной администрации по отношению к разнородному населению Ферганской долины».

9 января 1878 года он выехал из столицы России. В спутники он избрал своего 17-летнего сына Макса, посильно помогавшего ему в исследованиях, опытного ботаника С. М. Смирнова и гражданского инженера Перри. Уже во второй половине февраля Миддендорф, дороживший каждой минутой, прибыл в Ташкент. Здесь беседы со знатоками края и местными практическими деятелями, сбор на месте различных материалов и особенно карт районов предстоящих поездок, отбор помощников (в их числе был и упомянутый в письме Миддендорфа служащий Ферганского областного правления Савинов), а особенно переводчиков и проводников, по возможности «хорошо знающих русский язык», во многом предопределили правильный выбор маршрута и небезуспешное начало исследований сельского хозяйства Ферганы.

В марте ученый был уже в г. Новом Маргелане (теперешний г. Фергана). Отсюда, из нового административного центра области, Миддендорф с некоторыми из своих спутников (сыном, переводчиком, конюхом и несколькими джигитами) совершил ряд верховых маршрутов по Ферганской долине, объехав в течение весны и начала лета почти всю ее равнинную часть.

И коренные жители края, с которыми общительному ученому везде как-то удавалось «найти общий язык», и местная администрация оказывали ему радушный прием, всячески помогая в его начинаниях. В обнаруженном нами документе от 12 апреля 1878 года начальникам Ошского, Андижанского и Наманганского уездов предлагалось оказывать тайному советнику Миддендорфу всестороннее содействие при его поездках и исследованиях. «1) Волостным и аксакалам давать ему необходимых проводников и, где надо, то приказывать последним провожать его и лично. 2) Принять меры, чтобы при отдаленных поездках г-на Миддендорфа,

в особенности в горы и на нашу восточную границу, его сопровождал, когда это по местным обстоятельствам нужно, казачий конвой... и 3) Вообще позаботьтесь, чтобы г-н Миддендорф и его спутники были всегда в полной безопасности от всех случайностей».

Маршруты путешественников пролегали не только по скрытым в зелени садов, долинным кишлакам, мемам дехканских полей и соседствующими с ними бросовыми неорошенными землями. Дважды Миддендорф пересекал пустынные равнины Центральной Ферганы, выезжал и в предгорья, побывал в южных киргизских кочевьях.

Казачий конвой и излишняя мелочная опека со стороны туркестанской администрации не столько способствовали работе ученого, сколько стесняли его. И Миддендорф постарался поскорее отделаться от навязчивого и беспокойного эскорта, на который с опаской косились местные жители. 18 апреля из кишлака Избасхан Миддендорф иронически пишет главе местной администрации — уездному начальнику: «Покорно благодарю. Урядник явился ко мне с десятью казаками. Сожалею, что Вы так изволили беспокоиться. Генерал обещал мне освободить меня вовсе и благонадежно от подобной свиты, при которой я себя чувствую арестантом. Киргизы ваши прекрасный народ и мои друзья. Впрочем, я завтра уже не буду в пределах Вашей власти, и если случится сообщение с Наманганом, то покорнейше прошу сообщить г-ну уездному начальнику, что я предпочту тотчас же вернуться в Ташкент, нежели видеть хоть одного казака в моих следах».

15 апреля небольшой экспедиционный отряд Миддендорфа выехал из Андижанского уезда в Наманган. Тотчас же андижанский уездный начальник отправил донесение, в котором не без удивления писал губернатору: «Во время объезда по волостям Андижанского уезда он (Миддендорф) вынес приятное впечатление и в письме ко мне киргизов моего уезда назвал прекрасными людьми и даже его друзьями»(!).

Второе сообщение было послано им начальнику Наманганского уезда о скором появлении в его пределах путешественника, образ действий Миддендорф поставил эпиграфом своих будущих «Очерков Ферганской долины».

Итак, позади почти три месяца напряженных ежедневных трудов, утомительные верховые маршруты по Фергане и предгорьям, предварительные, но тщательные исследования естественно-экономических условий хозяйства Ферганы. А впереди — приведение в систему записей и наблюдений, практические предложения, задуманная книга. 3 мая 1878 года Миддендорф отправил последнее письмо военному губернатору Ферганской области, в котором более всего сквозит его забота о продолжении начатых Савиновым наблюдений над климатом края.

«Изменившиеся обстоятельства, — писал А. Ф. Миддендорф, — побуждают меня сократить мое пребывание в Фергане с тем, чтобы мне возможно было сводить уже теперь главнейшие из моих наблюдений. Переписка по таким делам ни к чему не ведет; еду в Ташкент, останавливаясь лишь в Биш-Арыке и Махраме.

Здесь г-н Савинов с полным успехом продолжал свои наблюдения. Ими нам дана возможность сличения некоторых климатических особенностей, которыми центральная площадь отличается от периферических поясов Ферганы...

Дождемеры теперь опоздали своим приездом, но это не помешает их употреблению, так как г-н Савинов вполне в состоянии их установить и организовать необходимую цепь сравнительных наблюдений.

...Я не переменял ничего относительно положения г-на Савинова и поручил ему продолжать до конца мая исполнение наблюдений. Для этого я оставляю у него мои собственные инструменты и также пиргелиометр».

По мнению ученого, успешные метеорологические наблюдения «...оказали бы значительную услугу не только науке, но также применению ее и решению практического

вопроса в сельскохозяйственном отношении... продолжение начатых наблюдений г-ном Савиновым приблизит нас к единице климатических наблюдений, т. е. к исследованию всех четырех времен года».

Миддендорф сделал первую серьезную попытку научно объяснить происхождение, определить и описать практическую ценность почв Ферганской долины, в их числе и самых плодороднейших — громадных лёссовых залежей. Относительно их хозяйственного освоения он имел свои конкретные предложения, с которыми и ехал в Ташкент.

В наши дни почвоведы признают, что им, в частности, правильно понимался процесс засоления почв. По авторитетному заявлению академика В. А. Обручева, заслуживают внимания объяснения ученого об эоловом генезисе первичного лёсса Ферганы. Интересны и мысли ученого о причинах появления сыпучих песков.

Миддендорфа особо интересовали возможности рационального использования природных ресурсов пустынь и полупустынь для скотоводства. Пески, засыпающие оазисы, по его резкому, но справедливому отзыву, — «это результат бессистемного хозяйствования, безрассудного искоренения растительности всеми средствами... У нас есть достаточно средств бороться против такого опустошения, и мы обязаны применять эти средства, мы обязаны своевременно взяться за них, иначе вскоре будет уже слишком поздно».

Ряд практических рекомендаций ученого по расширению сети ирригационных сооружений был осуществлен только в советское время. Суммированные географом наших дней Н. И. Леоновым, они сводились к тому, чтобы провести генеральное нивелирование всей Ферганской котловины; сделать возможной переброску воды из рек более многоводных в маловодные; увеличить использование вод «буйного» Нарына и «менее значительной» Кара-Дарьи; соорудить водохранилище для пополнения водных запасов

на период полива полей; строить шлюзы для регулирования подачи воды; использовать с помощью насосов для орошения подземные воды, сбросные воды; приступить к орошению и освоению срединной части долины — Центральной Ферганы.

Миддендорф справедливо полагал, что «правильное понимание и познание столь своеобразной страны и ее жителей», как Ферганы, возможно лишь путем постепенного и длительного их изучения. Недаром он собирался еще приезжать сюда для исследований в течение трех лет в разное время года. Но обстоятельства складывались неблагоприятно: с одной стороны, его торопили с ответами на запросы местных деятелей Туркестана, с другой, — пошатнувшееся здоровье ученого не позволило ему в последующие годы возобновить поездки в Фергану.

Поэтому он и поставил своей целью дать монографическое описание Ферганской долины, стремясь объяснить исторически сложившиеся в ней сельскохозяйственные условия взаимодействием истории физических изменений и хозяйственной деятельности коренного населения. Со свойственным автору талантом он, спустя пятилетие, представил ученому миру первое и наиболее полное описание Ферганы. Оно получило блестящие отзывы современников, в том числе и известного геолога-исследователя Средней Азии И. В. Мушкетова. Признавая «Очерки» Миддендорфа одним из лучших географических сочинений своего времени, Мушкетов считал, что этот труд достоин быть «настольною книгою не только для каждого исследователя Ферганы, но даже для всякого гражданина этой богатой области».

Только ученому с таким широким кругозором, глубокими и разносторонними познаниями, какими обладал Миддендорф в области географии и геологии, зоологии и животноводства, ботаники и агрономии, топографии и метеорологии, медицины и этнографии, оказалось под

силу написать солидное естественноисторическое исследование, охватывавшее столь различные отрасли знаний.

Вслед за общегеографической характеристикой района и его абсолютной высоты автор «Очерков» описал различные типы, состав и происхождение ферганских почв — галечных, солончаковых и песчаных пустынь, лёсса — и удобрения. Столь же обстоятельно охарактеризованы им и климат, а далее — способы обработки полей и их орошение, набор основных сельскохозяйственных растений и лесное хозяйство, типы земледельцев, характер скотоводства, вопросы переселения и т. п. В книге мы находим многие исторические и этнографические данные о крае и его народонаселении. Ученым рассматриваются организационные вопросы хозяйственного освоения края и, наконец, в заключение дается общий обзор политико-экономических условий Ферганы, вошедшей в состав России.

Не менее ценны и многочисленные авторские примечания, а также приложения к «Очеркам». Среди них — анализы собранных многочисленных образцов лёсса, солей, фосфоритов и горных пород. Приводятся немаловажные извлечения из дел Ферганского областного правления конца 70-х годов XIX столетия, ряд из которых уже утерян (об условиях орошения и водоснабжения населения, разрушительных наводнениях и селях, о возможностях колонизации, состоянии лесов и лесоразработок, урожайности местных важнейших сельскохозяйственных культур), а также некоторые статистические данные. Здесь же отдельная статья профессора К. Шмидта с анализами вод и почв Ферганы.

Сам же автор скромно писал о своей работе так: «Полагаю, что лишь немногие будут искать в этом труде наставительного рецепта и благодетельного эликсира, и очень многие постараются продолжить мои наблюдения и оправдать мои взгляды, или же опровергнуть их фактами. Правильное понимание и познание столь своеобразной страны

и ее жителей создается лишь медленно, наши же соединенные усилия должны быть сосредоточены на монографическом описании Ферганской области, к чему невольно побуждает и замкнутость положения и своеобразность условий этой прекрасной долины».

Кратковременная поездка Миддендорфа по Фергане (каких-то 10–11 недель) позволила ему собрать немало исторических сведений, целую россыпь которых можно встретить и на страницах его «Очерков». Ценны для познания былой истории края и его населения — оседлого и кочевого — достоверные сведения о положении эксплуатируемых кокандскими феодалами народных масс, а также об угнетении китайскими властями Кашгара местных киргизов, их желании и настоятельных просьбах о принятии в русское подданство,

Миддендорф, побывавший во многих местах Ферганы после присоединения территории Кокандского ханства к России, считал предшествующий ханский гнет особенно тяжелым для народа. «Собирали со всего, с чего было возможно, обирая народ до нитки... — писал он. — Были обложены сбором: камыш, хворост, колючки. Наконец, установили налог на право пользования водой каналов, проведенных трудами того же населения, с которого взимали этот налог».

Говоря о времени ханского господства, ученый подчеркивал, что, например, в горных окраинах ханства лесным промыслом занимались лишь бедняки из киргизов. В качестве строевого леса брали преимущественно толстые стволы арчи. Можжевельник и кустарник пережигали на уголь, который продавали в городах и кишлаках. Из-за трудностей по доставке толстых деревьев и больших расстояний, отсутствия дорог их употребляли лишь на ханских постройках. На рынке лес облагался базарным сбором (такджан).

В своих странствиях по Фергане Миддендорф, видимо, встречался и с бежавшими сюда от жестоких притеснений маньчжуро-цинских властей восточно-туркестанскими выходцами. Кашгарские киргизы, видя положительные последствия присоединения Ферганы к России, стали обращаться к туркестанским властям с просьбами о принятии их в российское подданство. Нередко эти петиции были следствием восстаний уйгуров и киргизов против местных эксплуататоров, нестерпимо тяжелого гнета и произвола цингов. Миддендорф приводит одно из характерных писем, полученных в конце мая 1876 года от представителей киргизов, бежавших в Русский Туркестан из Кашгарских пределов. Вот его перевод:

«Токсаба Рахим-Бай жестоко притеснял нас и посеял между нами распри, которые кончились для нас несчастьем. Поэтому мы прибегаем к защите властью белого падишаха, желаем отныне сделаться его подданными и быть приписанными к Ошскому уезду. Мы передаем это прошение с полною надеждою, что наша просьба будет уважена и рассчитываем на то, что после получим от ошского уездного начальника разрешение для беспрепятственного проживания».

За этой челобитной последовала вторая — на имя генерал-губернатора.

«Милостивейшему ярым-падишаху (полуимператору) от волостных старейшин (повелевающих над 10 аулами) киргиз-кипчакских родов... Просим Вас, чтобы и на нас также распространился закон, которым пользуются киргизы и казахи в уездах Верненском, Токмакском, Каракольском, Аулиеатинском, и мы будем верными подданными Белого царя и его особы. Во времена Худояр-ханамы претерпели много неприятностей и насилий. Надеемся, что с нас не будут взимаемы зекет, херадж, танад и другие налоги.

Да будет Аллах доволен Вами и да умножит наше счастье!».

Наивная просьба, наивные желания! Но стремление к лучшим условиям жизни было естественно, особенно в сравнении с типично средневековым деспотизмом цинских правителей.

Внимательный исследователь прошлого найдет в «Очерках» интересные материалы о состоянии хозяйства оседлого и кочевого населения Ферганы, в частности, об усилении тяги киргизских кочевников-скотоводов к оседанию и земледелию, о культурно-хозяйственных связях между ферганскими узбеками и киргизами, о явственном социальном расслоении населения, в том числе среди южных киргизов, и многих других социально-экономических явлениях и противоречиях в жизни этой колониальной окраины Российской империи.

В книге есть данные о втягивании киргизского хозяйства в товарные отношения и развитии неземледельческих промыслов. Но основным занятием южно-киргизского населения, правильно подчеркивал ученый, оставалось, как и в предшествующий присоединению края период, скотоводство. Существенным подспорьем к нему служило и распространявшееся земледелие.

Миддендорф отмечал, что у кочевников пастбищный район принадлежит всему племени, «поэтому рядом с этим первоначальным заведением существует также круговая порука в уплате податей, но вместе с тем и право общины отбирать земельные участки».

Многие сцены хозяйственного быта и жизни южных киргизов, нарисованные автором, отличаются документальной точностью и исторически достоверны. «Хозяйство кочевников начинается на общинных землях, на них же отдельные номады переходят к земледелию, захватывая участки земли в личное пользование на тот срок, пока продолжается возделывание на них хлебов, — пишет он. —

Но как только является надобность в орошениях, возложенных целым обществом, тотчас начинается разделение сообща устроенной оросительной области на частные, интенсивно обрабатываемые участки, которые, следовательно, поступают в прочное личное владение».

Для современных исследователей истории и хозяйства края, приводимые на страницах «Очерков», подробные описания служат ценными первоисточниками.

Наблюдая кочевое скотоводческое хозяйство, исследуя его основы и рассматривая возможные перспективы, Миддендорф приходит к выводу, что оно исторически себя изживает. «Ясно само собою, заключает ученый, — что у большинства кочевническое хозяйство положительно приходит к концу». Выход из создавшегося положения он видит в обращении к земледелию. Этот переход, по наблюдениям ученого, начинался почти всегда так: богатые киргизы-манапы начинают обрабатывать земли руками совершенно обедневших людей — игенчи, которые работали почти за один хлеб насущный. Правда, сначала они следовали за своими владельцами стад в их перекочевках и возвращались к полям лишь в определенное время года. Они регулярно переходили от одного девственного участка к другому после ослабления плодородия почвы. Многие занимали обильно удобренную землю под зимними стоянками. И уже гораздо позднее полная оседлость постепенно начинает уступать место перекочевкам. Но этот процесс идет под давлением нужды. В связи с этим, замечает Миддендорф, весьма интересно проследить за изменениями значения слова «игенчи», которое употребляется в двояком смысле: как «бедняк» и вместе с тем «земледелец».

Следует особо отметить, что ученый считал необходимым оказание материальной поддержки со стороны государства беднейшей части киргизских скотоводов-кочевников при мучительных для них условиях перехода к оседлости, зачастую в связи с потерей скота. Проводимые властями

крестьянская колонизация и переселение должны быть организованы «на основании самого точного знакомства с природою страны и потребностью кочевников, уже давно занявших известные земли...» Необходимо, — подсказывал Миддендорф администрации края, — чтобы переселение проводилось в исполнение с наибольшей осмотрительностью и спокойствием.

На его долю выпало первым сказать «свое слово об естественных условиях Ферганы по отношению к ее сельскохозяйственной обстановке». И в этом — непреходящая заслуга Миддендорфа в истории изучения Средней Азии, в этом и научно-практическая ценность его «Очерков».

Но, как установил наш современник профессор Н. И. Леонов, автор научной биографии ученого, книга Миддендорфа о Фергане, к сожалению, была издана лишь один раз — в 1882 году в количестве 500 экземпляров. Из них 300 было отправлено в Ташкент в распоряжение канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Это и помешало «Очеркам Ферганской долины» Миддендорфа стать «настойной книгой» для всех ферганцев, как того хотелось И. В. Мушкетову.

Естественно, что экспедиция Миддендорфа должна была помочь растущей русской буржуазии в экономическом освоении края и послужить интересам царизма. И сам Миддендорф — сын своего класса — служил интересам последнего. Однако результаты его исследований вышли далеко за рамки классовых интересов дворянства и русской буржуазии.

Так, проницательный ученый правильно судил о том, что главная перспектива хозяйственного освоения Ферганы заключается во всемерном развитии орошения (в частности, как средства против распространения песков), увеличении пахотного клипа и развитии такой интенсивной и важной технической культуры, как хлопок. Хлопководство, по его мысли, могло придать огромную ценность Фергане — этой

поистине среднеазиатской жемчужине, а ее жителям — трудолюбивым, издревле искусным земледельцам — сослужить значительную пользу.

Практически эти рекомендации Миддендорфа по вопросам хозяйственного прогнозирования края и его советы по развитию ирригации Ферганы не были исчерпаны до революции, они претворяются в жизнь трудом и волею тружеников сельского хозяйства Советских республик Средней Азии.

После поездок по Фергане Миддендорф, проводя свои последние годы почти безвыездно в эстонском имении Хелленурме (Гелленорме), мысленно не раз путешествовал по ее равнинам и горам. Тем более радостно было получить в 1881 и 1886 годах весточки о полюбившемся ему крае: одно из сочинений И. В. Мушкетова, в котором затрагивался поднятый в свое время Миддендорфом вопрос о происхождении ферганского лёсса, и «Геологическую карту Туркестанского края, составленную в 1881 году горными инженерами Г. Д. Романовским и И. В. Мушкетовым, преимущественно на основании личных наблюдений, производившихся с 1874 по 1880 год» (Спб., 1884). Оба чрезвычайно любопытных документа выпукло характеризуют облик Миддендорфа как ученого и человека, поэтому и приводятся целиком.

«Письмо акад. *Миддендорфа И. В. Мушкетову*.
Гелленорм близ Дерпта 13 апреля 1881 год.

Милостивый государь *И. В. Мушкетов*.

Обрадовали старика-отшельника красным яичком. Естествоиспытатель-путешественник дорожит случаем повторительно возвращаться к местам разысканий его для поверки и пополнений. Вам это удалось в необыкновенной степени и я, если бы не радовался, то завидовал бы Вам. Но Вы воспользовались Вашим преимуществом с такою

добросовестностью и таким знанием и с такою усидчивостью при обработке, что истому любителю человеческих научных знаний нельзя не радоваться. Кругозор обширных Ваших исследований не оставляет ничего желать.

По причине недуга моего, находясь в наклонной плоскости старческой дряхлости, не в состоянии вдаваться в частности Ваших рассуждений и отчасти осуждений. Благодарю искренно за правдивое и гуманное направление.

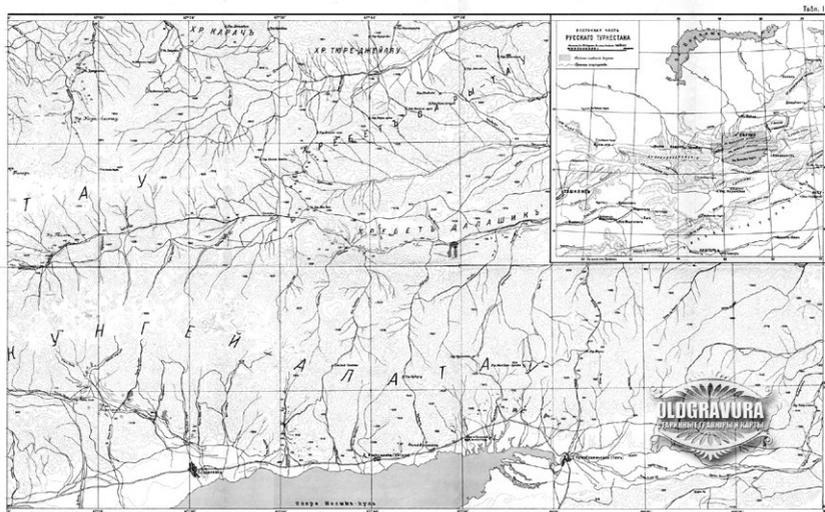
Не могу, однако, не указать на страницу 486-ую. Как же нам иначе объяснить происхождение этих лёссовых столбов и обрывов, содержащих бессомненные признаки подводного происхождения, если не промывами? Невероятно ли, что в дальние времена Ферганская долина находилась в сомкнутом состоянии? Тут, конечно, лишь одно только будущее генеральное нивелирование решит наши сомнения.

Еще раз благодарю Вас за внимание и желаю Вам счастливо кончить Ваш капитальный, позвольте сказать, вполне академический труд и дожить без дурных последствий от многотрудных путешествий до старости лет, менее тягостных, чем ныне мои.

Примите, милостивый государь, уверения отличного моего уважения *А. Ф. Миддендорф*».

Квитанция-уведомление Миддендорфа о получении им «Геологической карты Туркестанского края 1881 года» со словами Миддендорфа: «С особенною признательностью и удивляясь достигнутым подвигам, А. Ф. Миддендорф уведомляет сим о получении высланного Геологическим Комитетом 1-го экземпляра Геологической карты Туркестанского края 1881-го года». Подпись получателя — «А. Ф. Миддендорф», мая 4-го дня 1886 года. Гелленорм.

Путешествие в Фергану явилось предпоследним странствием Миддендорфа-путешественника, первооткрывателя неизведанных тогда еще земель нашего Отечества, а его «Очерки» — заключительным и заметным вкладом

Геологическая карта Туркестанского края 1881 года

в историю отечественной науки и культуры. Его имя четырежды увековечено на карте мира среди других славных фамилий наших соотечественников, — в их числе мыс Миддендорфа на северном острове Новой Земли и одноименный залив на полуострове Таймыр. Оно дорого и народам Советского Востока как память о замечательном ученом-натуралисте, гуманисте и патриоте нашей Родины.

ВРАЧ, АРХЕОЛОГ, ЭТНОГРАФ

Питомцы медицинского факультета Московского университета служили по гражданскому и военному ведомствам империи в самых различных ее местностях. На долю Федора Владимировича Пояркова (1851–1910 гг.) выпало начинать свою службу военным врачом в далеком Семиречье. Двадцатидевятилетний выпускник обладал хорошей профессиональной подготовкой и, еще будучи старшекурсником, работал в военно-санитарных частях русской армии, сражавшейся в 1877–1878 годах за освобождение Болгарии. Прошедший ко времени окончания курса наук (1880 г.) суровую школу бедности, Поярков вынес из университетских стен и прогрессивные стремления, и отрицательное отношение к различным идеалистическим течениям. В своем окружении он выделялся большой эрудицией, любовью к гуманитарным наукам и русской классической литературе. Его любимыми поэтами были Кольцов, Никитин, Некрасов и особенно Пушкин, поэзию которого он тонко чувствовал, Благоговея перед личностью Белинского и Герцена, Добролюбова и Чернышевского, он старался привить понимание их литературно-критического наследия и своим детям.

По убеждениям Поярков считался народником-семидесятником. Любопытно, однако, что в его багаже, где едва ли не большую часть занимали книги, находился также Марксов «Капитал», переведенный на русский язык Г. Лопатиным и Н. Даниельсоном и изданный в 1872 году в Петербурге. Отнюдь не являясь ни марксистом, ни глубоко идейным народовольцем, Поярков относился к числу тех интеллигентов разночинцев, для которых их «народничество»

Ф. В. Поярков

выражалось не в утопических социальных мечтаниях, а в действенной работе среди народа. Недаром, по отзывам близко знающих его современников, жизненным девизом Пояркова было — «помогать народу». А для этого даже у военного врача на Востоке имелось широкое поле деятельности. Токмакский учитель и краевед Василий Петрович Ровнягин вспоминал позже: «Это служение чувствовала та народная беднота, которая и днем и ночью шла к Федору Владимировичу со своими болезнями и горем. Вряд ли кто уходил без облегчения и утешения. Ехал народ к Ф. В. издалека — с болезнями застарелыми».

Примечательна одна старая семейная фотография. На ней сам Поярков, тридцатилетний, но с окладистой бородой мужчина, а на обороте его рукой написаны строки: «Духом свободный, хотя бы в цепях были руки, я никого

⁶ Том VII. В. М. Плоских

о спасении своем не молю; верю в разум, надеюсь на силу науки и человека, откуда бы ни был, люблю». Стихотворение было в 70-х годах напечатано в «Русском слове», но имя автора не запомнилось. Да и само стихотворение, видимо, пришлось восстанавливать по памяти. Но нравилась заключенная в нем мысль, выражавшая чувства и настроения самого Пояркова.

После Кульджи и Токмака, где Поярков служил в военных лазаретах, он переехал в Пишпек и прожил там до 1900 года. Около 16 лет жизни, много сил и здоровья отдал он избавлению от болезней населения Киргизии, одинаково уважительно относясь к солдату и крестьянину, русскому, дунганину или киргизу, среди которых у него было много знакомых. В Пишпек он близко сошелся с А. М. Фетисовым и фельдшером В. М. Фрунзе. Дружили семьями — старшие и дети. Впоследствии, уже после смерти В. М. Фрунзе — отца нашего славного земляка и будущего советского полководца Михаила Васильевича Фрунзе, Федор Владимирович в своей книге «Последний эпизод дунганского восстания» воздаст должное своему другу, посвятив ему несколько признательных строк: «...Василий Михайлович Фрунзе, несмотря на свое скромное служебное положение, был человек всегда отзывчивый к нуждам ближнего и всегда во всякое время шел на помощь и помогал как умел и как мог словом и делом; он оставил по себе добрую память среди крестьян и киргизов. По своему природному уму и знаниям он (В. М. Фрунзе — авт.) стоял выше многих из окружающих его и занимавших более высокое, чем он, общественное и служебное положение.... Прежние друзья и приятели, раньше заискивавшие в нем, а теперь дослужившиеся всякими правдами и неправдами до титулярного и даже до надворного, отвернулись и понесли всякую небылицу и нелепость на человека, что отразилось на его службе, другие же просто начали вторить в унисон более сильным... Доведенный до отчаяния,

оскорбленный и гонимый, он должен был бежать из того общества, которому так долго служил и отдал лучшие годы своей жизни... Разбитый нравственно и разоренный материально, переживая страшные душевные муки, он умер одиноким вдали от родных и немногих Добрых знакомых».

Поярков всячески поддерживал семью покойного друга. Он поощрял дружбу своего первенца с его товарищем по гимназии — Мишей Фрунзе, к которому относился с большой симпатией, разрешая пользоваться своей обширной библиотекой, передавая ему «поклон» в письмах.

Можно предполагать, что среди марксистской литературы, с которой в юности познакомился верненский гимназист Михаил Фрунзе, был и поярковский экземпляр «Капитала».

Живя в Токмаке и Пишпеке, Федор Владимирович часто выезжал в различные места Киргизского края. Он был буквально поражен обилием археологических памятников, встречавшихся там и сям в Чуйской долине и в Прииссыккулье. Рядом, под Токмаком, он обнаруживает комплекс несторианских захоронений с надгробными эпитафиями, открывает ряд скоплений каменных изваяний («каменных баб» и балбалов), собирает коллекцию черепов из древних могил и окрестностях Иссык-Куля. Очень результативно производит археологические разведки в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине. Ряд материалов Пояркова был в свое время опубликован в информационных и газетных статьях, а также научных журналах, но подавляющая часть его заметок, пожалуй, осталась в рукописях и еще ждет своего изучения.

Одну из первых небольших рекогносцировочных поездок на Иссык-Куль Федор Владимирович совершил летом 1887 года. В путь его звало желание посмотреть археологические памятники на южном берегу озера, особенно камни с надписями, которые, по словам киргизов, имелись в урочище Ак-Терек, Иссык-Куль и прилегающие к нему

местности, писал Поярков, — в антрополого-археологическом отношении представляют интерес громадной научной важности. Найденные памятники древности прольют свет на историю культуры отдаленного прошлого времени и, по всей вероятности, послужат связующим звеном с данными, добытыми в других местах, и при том отстоящих друг от друга на значительном расстоянии...»

Поярков решил обогнуть озеро с юго-западной стороны. Дорога мало радовала глаз: унылая, однообразная местность, песчано-каменистое побережье да редкие кусты облепихи. Бросалось в глаза обмеление озера. В пути он как-то разговорился с одним стариком-киргизом, который сообщил, что здесь живет уже четвертое их поколение. За это время вода в Иссык-Куле отступила от прежних берегов на семь-восемь верст.

Перед Ак-Тереком исследователь обнаружил два кургана и неподалеку от них каменное изваяние.

Народ, оставивший это наследие своего творчества, имел определенное представление о законах искусства. Над головой «бабы» — а это было мужское изваяние — высечен полукруглый ободок, в правой руке — меч, в левой — чаша. Опрошенные жители не смогли сказать ничего определенного по поводу каменной скульптуры, даже назвать ее первоначальное местоположение.

Ак-Терекское ущелье оказалось сравнительно легко доступным, но добраться в его ответвление — в ущелье Дувана, где собственно и должны были находиться камни с надписями, оказалось не так-то просто. Долго пришлось подниматься вверх по усеянной дресвой и галькой тропе. Наконец, впереди заметно выделились три громадных валуна. С течением времени надписи выветрились и быстро снять их оказалось делом невозможным. Надписи очень напоминали письма, в свое время скопированные Ч. Валихановым на Тамгалытас в Иллийской долине.

Киргизы, тонские жители, сообщили Пояркову о наскальных надписях за р. Тон, где имеется еще какая-то очень древняя высокая стена. Даже их предки помнят, что она выглядела так же. В Тюп пришлось ехать старым уже заброшенным почтовым трактом. Пейзажи вдоль дороги постепенно менялись, стала разнообразнее растительность. Легендарная стена в долгожданной Тонской долине оказалась защитным сооружением многовековой давности, но какому народу могла принадлежать она — Поярков определить не мог.

В наше время киргизские археологи провели исследование Тонской долины. Выяснилось, что большое городище с цитаделью Хан-дюбе существовало в X—XII веках, когда вся Северная Киргизия входила в состав государства Караканидов. После ознакомления с городищем Поярков смог записать лишь следующее: «Из осмотренных мной в разное время некоторых мест на Иссык-Куле, я должен сказать, что долина р. Тон для археолога и антрополога должна представлять большой интерес, здесь находится много могил, очевидно древних, некоторые из них выложены камнями, следы других едва заметны. По наружному виду эти могилы отличны друг от друга, надо полагать, что они принадлежат разным народам. В северо-восточном углу долины р. Тон находится четырехугольная крепость, обнесенная со всех сторон высоким земляным валом. В крепости этой находится значительных размеров высокий курган». Нельзя не удивляться, что лишь при визуальном осмотре Ф. В. Поярков сумел высказать правильное предположение о характере данных памятников.

День уже склонялся к вечеру, началась гроза. Проливной дождь сразу вымочил всех до нитки. Пришлось спешно искать укрытия в соседнем аиле. Гостеприимный хозяин юрты оказался к тому же прекрасным знатоком народных исторических преданий. Однако о ближайших

археологических памятниках и он не мог сказать ничего определенного. Некоторый свет на них могли пролить надписи на двух камнях, обнаруженные Поярковым. Но сам он прочесть их не смог, хотя и высказал предположение, что они очень похожи на северо-иссыккульские. Поярков направил их для исследования в Археологическую комиссию в Петербург.

В 1889 году Поярков отправляется в новую «археологическую экскурсию» по Токмакскому уезду и к берегам Иссык-Куля. Теперь его в первую очередь интересовали древние города, тем более, что в литературе о них имелось довольно много упоминаний, а среди населения ходили упорные слухи о подводных городах. Они возбуждались время от времени отдельными находками, выброшенными штормовыми волнами.

Он тщательно обследовал башню Бурана, возвышающуюся южнее Токмака. Это был внушительный архитектурный памятник, относящийся ко времени караханидов и возведенный семь столетий назад, видимо, в столице некогда могущественного государства. Разрушенный свод, выщербленное восьмигранное основание, попорченный временем орнамент не могли «забить» впечатление о монументальности все еще величественного памятника.

Молодой спутник Пояркова по поездке — киргизский джигит — рассказал ему одну из легенд, слышанных им от деда. А затем (как отмечает советский археолог А. Н. Бернштам) в Археологическую комиссию вместе с описанием башни Бурана поступает чуть ли не первый ее архитектурный обмер с чертежами, выполненными тушью и акварелью.

Поярков стремился также обратить внимание своих ученых коллег на многочисленные каменные изваяния, разбросанные по всему Прииссыккулью, в Чуйской и Чон-Кеминской долинах. Одни из них были сдвинуты от своего первоначального местоположения и, видимо, довольно

далеко, а некоторые все еще были не тронуты и стояли рядом с курганами или в окружении поставленных на ребро под прямым углом друг к другу плит.

Изваяния по степени обработки были разными, начиная от самых грубых форм до утонченных, почти портретных скульптур, что свидетельствовало о высокой степени культуры кочевников, авторов этих своеобразных статуй. Еще и сейчас внимательный путник, проезжающий по приисыккульским ущельям, нет-нет да и встретит эти каменные изваяния.

В свое время в одном из своих писем, датированном 28 мая 1889 года, Поярков писал: «Изучение человека в его прошлом и настоящем я ставлю для себя высокой задачей, которую по мере своих слабых сил и средств стараюсь осуществить». Пытливый ум, беспокойный характер, жажда новых открытий не позволяли ему усидеть дома в свой летний отпуск. И Федор Владимирович упорно стремится в поле, в горы, производит раскопки, фиксирует памятники глубокой седой старины. Его неизменно продолжают занимать каменные изваяния — эти немые стражи и свидетели былой мощи кочевых племен, страстей, разгоравшихся здесь тысячелетие тому назад.

Поводом для очередной поездки послужил рассказ старого и доброго знакомого — учителя русско-туземной школы Большого Токмака В. П. Ровнягина. Недалеко от почтовой станции Джиль-Арык он увидел с полсотни каменных изваяний. Поярков срочно 22 июля 1899 года выехал в ущелье в сопровождении своего постоянного спутника-киргиза, служившего ему и переводчиком. Тем более, что поездка вполне согласовывалась с намеченными им уже ранее планами исследования этого района. Действительно, в ущелье оказалось 48 каменных баб, а судя по сохранившимся отдельным углублениям, можно заключить, что некогда изваяний здесь было намного больше. Наняв в Токмаке рабочих из проживавших там киргизов, Поярков шесть

дней производил раскопки и собрал интересный археологический материал.

Поиски новых скоплений каменных «баб» привели его в долину Чон-Кемин. И здесь их оказалась целая галерея, к тому же, по словам местных жителей-киргизов, они встречались и в прилегающих ущельях. Пришлось пробыть здесь еще семь дней. Но свободное от службы время истекло, а предстояло еще посетить Джумгальскую долину и Сон-Куль...

В Кочкорку прибыли в середине августа. Девятидневные раскопки в урочищах Баш-Куганды, Уч-Су, Учжур, Сары-булак дали оригинальные материалы по древнекочевым племенам Тянь-Шаня. Несколько новых изваяний удалось обнаружить и на Сон-Куле. Приходилось, однако, спешить с возвращением. Перевал после Сон-Куля оказался с очень крутым спуском. К тому же на самой вершине пошел снег с градом, скользкие склоны пугали даже бывалых путешественников. Движение ночью было опасным, зато нелегкий путь немного сокращал дорогу в Кочкорскую долину — путники выгадывали по крайней мере один день. На обратном пути делали небольшие остановки для раскопок. По дороге к Кастеку, по левому берегу Чу, неожиданно встретился «целый город» каменных изваяний и один каменный столб. Поярков насчитал справа от дороги 73 и слева — 23 «бабы». Но не было никакой возможности не только забрать их с собой, но даже все описать.

К сожалению, позже большинство этих изваяний исчезло. И только по запискам энтузиаста археологии Пояркова, врача-антрополога, археолога и этнографа, инициативного краеведа, сегодня мы можем судить, какое огромное культурное наследие в форме каменных изваяний оставили после себя тюрки.

20 сентября 1897 года Поярков возвратился домой и приступил к исполнению своих основных обязанностей — врача Пишпекского местного лазарета.

Впоследствии Поярков опубликовал ряд серьезных работ по этнографии киргизов и дунган, получивших положительную оценку крупных отечественных востоковедов, используемых в настоящее время советскими исследователями. Не имея возможности путешествовать, он много содействовал успеху ботанической экскурсии летом 1903 года вокруг Иссык-Куля и по Тянь-Шаню, совершенной его сыном Эрастом и Михаилом Фрунзе с товарищами. А по службе его — прямого и честного труженика — недолюбливало начальство, тем более, что когда в тюремное отделение лазарета попадали верненские революционные демократы (Константин Бендюков и др.), он старался подольше задержать их там, чтобы как-то облегчить участь узников. Радовало одно — его не забывали ни П. П. Семенов-Тянь-Шанский, ни В. В. Бартольд, ни Д. Н. Анучин, ни В. И. Роборовский «и иже с ними» друзья по науке, с которыми он состоял в дружеских связях или поддерживал научные контакты и переписку. Да еще отводил душу на «общественной ниве». Правда, с его отъездом из Пишпека, основанное при его участии к 100-летию юбилею со дня рождения А. С. Пушкина, Общество вспомоществования нуждающимся учащимся несколько ослабело. Но зато в областном центре он принимал близко к сердцу дела Общества вспомоществования бедным учащимся в верненских русских учебных заведениях. Поярков, ратовавший за создание русско-туземных школ и сети лечебных заведений для киргизов, казахов и дунган, в противовес фанатической пропаганде проповедников ислама, выступил одним из инициаторов создания «Общества ревнителей просвещения» в Верном, открывшего бесплатную библиотеку-читальню для горожан (после поражения первой русской революции этот очаг просвещения для народа был закрыт властями, а среди конфискованной литературы оказались книги и брошюры основоположников научного коммунизма и видных деятелей международной социал-демократии). Вплоть до самой

смерти его не покидал интерес к науке, истории и культуре среднеазиатских народов, который, по словам академика В. Ф. Миллера, питался у таких добровольных тружеников науки «главным образом глубоким сочувствием к жизни низших слоев народа» и «высокогуманным отношением... к инородческому населению России».

ВЗЯТ НА ПОРУКИ...

«Привлеченный к дознанию по обвинению в распространении противоправительственных изданий сын отставного подпоручика Виктор Иванович Лойцнер не признавал себя виновным, объяснил, что нелегальные издания... принадлежат ему, обвиняемому; откуда они попали к нему, объяснить не пожелал...

Для пресечения обвиняемому способов уклонения от следствия и суда он с 29 января по 28 февраля 1904 года содержался под стражей в Пржевальской тюрьме, а затем отдан на поруки.

Будучи заключен под стражу в Пржевальскую тюрьму, Виктор Лойцнер содержался в одной камере с Пржевальским, мещанином Василием Дудниковым, крестьянином Павлом Демуриным и крестьянином Павлом Усенковым. По показанию этих лиц, Лойцнер рассказывал им, что он в Саратове был участником народных беспорядков, цель которых — установление в России республиканского образа правления. Лойцнер объяснял им преимущества этого образа правления перед монархическим, говорил, что не следует платить податей и отбывать воинскую повинность.

На основании вышеизложенного сын отставного поручика Виктор Иванович Лойцнер обвиняется в том, что: 1) в ноябре и декабре 1903 года в Пишпеке распространял путем передачи другим лицам противоправительственные издания, из коих в одних порицается установленный законом основной образ правления («Речь Гольдблата», «Пауки и мухи»), в других высказывается дерзостное неуважение верховной власти («Мирской ходок»), а в третьем содержится возбуждение к ниспровержению общественного

строю («Варшавянка»).., и 2) в феврале 1904 года, содержась в Пржевальской тюрьме, в разговорах с другими арестантами, порицал установленный основными законами образ правления...

Вследствие этого... Виктор Иванович Лойцнер подлежит суду Ташкентской Судебной Палаты».

Приведенным обвинительным актом двадцатипятилетний В. И. Лойцнер — один из первых революционеров, распространителей социал-демократической литературы в Киргизии, предавался в руки царских карателей для суда.

Уроженец Тифлиса, Виктор Иванович рано вступил в революционное движение. В 1902—1903 годах он активно участвовал в демонстрациях и забастовках саратовских рабочих, за что подвергался преследованиям царских властей. Судьба забросила его в Среднюю Азию. Но и здесь он, связавшись с ташкентскими социал-демократами, занимается распространением нелегальной литературы в Пишпеке, Пржевальске и других городах. В одном из секретных документов по его делу сообщалось: «Лойцнер навлекает на себя подозрение в распространении чрез корреспонденцию с разными лицами антиправительственных прокламаций, которые он получает от разных лиц. Частно известно, что эти прокламации он получает из г. Баку в посылках».

За всей корреспонденцией Лойцнера был установлен тщательный надзор, к нему подсылали провокаторов, делали негласные обыски на Пржевальской заимке и даче его родителей на берегу Иссык-Куля. В результате — приведенный обвинительный акт и новый арест.

Кстати, дача, в которой проживал этим злополучным летом Лойцнер, находилась неподалеку от дачи генерала в отставке, но более известного, своими научно-краеведческими устремлениями Ярослава Ивановича Королькова (1843—1933 гг.). Находясь уже в тюрьме, Лойцнер писал своей жене — Анастасии Чеботаревой, чтобы та сходила к Королькову и попросила взять его на поруки.

18 февраля 1904 года Пржевальский городской пристав Хахалев составляет официальный протокол, из которого видно, что к нему явились «отставной генерал-майор Ярослав Иванович Корольков и крестьянин Владимирской губ. Иван Кудрявцев и заявили, что они желают взять на поруки обвиняемого по 2 ч. ст. 252 У.У.С. Виктора Лойцнера с денежною ответственностью, первый в сумме двадцати пяти рублей и второй ста двадцати пяти рублей. При этом генерал-майор Корольков добавил, что он сего февраля послал прокурору Верненского окружного суда телеграмму с просьбой отдать Лойцнера ему на поруки.

Вследствие этой просьбы по окончанию следствия В. И. Лойцнер и был освобожден из тюрьмы на поруки».

Можно полагать, что контакты отставного генерала и ссыльного революционера случайными не были. Еще служа в Варшаве, этот прямой и честный офицер, женившийся на внучатой племяннице А. С. Грибоедова, нередко вызывал недовольство свободомыслием и связями с демократически настроенными людьми. Потому-то «для пользы службы» он оказался в далекой Средней Азии, а потом и на Дальнем Востоке едва ли не на положении полусосланного...

Природная любознательность и кипучая энергия, беспокойная служба в пограничных районах Семиречья, а главное горы, не дали ему увязнуть в затягивающей тине офицерского быта и армейского строя. Он страстно полюбил Иссык-Кульский край, куда был переведен в 1881 году командиром горной батареей. С этого времени и началось изучение им Прииссыккулья — интереснейшего в физико-географическом отношении района Киргизии. Внимание Ярослава Ивановича сразу же привлекло большое своеобразие климатических условий Иссык-Кульской котловины, а живописность нового края, его разнообразнейшая флора и фауна увлекали Королькова всю жизнь.

В 1881 году Корольков основал в г. Пржевальске метеорологическую станцию, первоначально походную, а затем

и стационарную — единственную в Прииссыккулье — и с сентября начал систематические наблюдения за изменениями температуры, давления воздуха, осадками, силой и направлением ветров.

Многолетние данные, собранные Ярославом Ивановичем на метеостанции Пржевальска и во время постоянных разъездов по Семиреченской области, позволили ему написать в разные годы несколько обобщающих работ: о ветрах, дующих в районе г. Пржевальска, осадках Иссык-Кульской котловины, климате Прииссыккулья. Предложенные Корольковым деление и наименование ветров по местным географическим названиям (например, «сан-таш» — ненастный ветер, дующий с восточной части котловины от перевала Сан-Таш) сохранились и до наших дней. Метеорологические измерения Королькова немало способствовали изучению климатологии Прииссыккулья и имели большое научно-практическое значение. Метеорологическими данными Королькова пользовались многие путешественники и экспедиции, проходившие в 90-х годах прошлого века через Пржевальск. Они повсеместно приводились в трудах различных исследователей, описывавших климат данного района Киргизии.

Деятельность Ярослава Ивановича как географа-климатолога нашла признание среди научной общественности России уже в конце 80-х годов XIX века. Так, по рекомендации видных русских путешественников В. И. Роборовского, близко знавшего его, и Б. Л. Громбчевского Корольков удостоился избрания 19 апреля 1889 года на общем собрании Русского географического общества его действительным членом. Удостоверение Королькова — действительного члена РГО — от 9 марта 1890 года за подписью П. П. Семенова-Тян-Шанского хранилось у его покойной дочери Л. Я. Стрельбицкой и внучки М. Н. Любимовой в г. Пржевальске.

Примечательна дружеская помощь, оказанная Корольковым ученым, путешественникам и участникам русских и зарубежных экспедиций, посещавшим в дореволюционный период Пржевальск или отправлявшимся отсюда в далекие просторы Центральной Азии. Он принял самое деятельное участие в подготовке и снаряжении центрально-азиатских экспедиций П. М. Пржевальского, М. В. Певцова и В. И. Роборовского. Ярослав Иванович снабжал их метеорологическими данными, делился своими топографическими съемками удобных для переходов высокогорных перевалов, помогал в подборе проводников и переводчиков из числа знакомых ему местных жителей, содействовал в найме лошадей и т. п. Неизгладимый след в жизни Королькова оставили две встречи с Пржевальским, после смерти которого он принял трогательное участие в заботах по увековечению памяти великого путешественника на месте его кончины. Он взял на себя труд по составлению и отправке телеграмм со скорбной вестью, выступил на похоронах, участвовал в выборе места для памятника и содействовал его сооружению. Благодаря заботам Ярослава Ивановича у могилы и памятника Пржевальского был посажен небольшой парк из тополей, окруженный живой изгородью из карагача.

Корольков довольно плодотворно занимался исследованием ледников Тянь-Шаня и Джунгарского Ата-Тау.

Отчет Королькова по смотру некоторых тянь-шаньских ледников летом 1899 года сослужил хорошую службу науке, русской гляциологии. Дело обстояло так. В середине июля 1899 года Корольков с ветврачом казачьего полка С. Е. Дмитриевым, бывшим уже неоднократно на ледниках, подпоручиком Б. П. Кореевым — орнитологом — направились на ледники Тянь-Шаня. С ними шли фельдшер, переводчик и киргиз-помощник. Путешественники побывали на ледниках в верховьях р. Чичкан (что означает

мышь — казахи и киргизы находят, что вода этой реки подобна бегу мыши); в верховьях р. Ак-Су, впадающей в Иссык-Куль, верховьях р. Западного Кемина.

Корольков сделал несколько серий снимков Чичканских ледников. «Во время пребывания на ледниках я, — писал он, — собрал небольшие коллекции: ботаническую, несколько представителей жесткокрылых, несколько образчиков каменных пород. И кроме того мною велись некоторые метеорологические наблюдения. С. Е. Дмитриев вел детальные записи исследований этих ледников и собрал большую коллекцию камней, которая после обработки должна была быть доставлена И. В. Мушкетову. Б. П. Кореев с помощью буссоли наносил схему ледника. Вместе прошивали линию, причем редко удавалось сделать три шага, не провалившись по колени в снег». С ледника на ледник пробирались верхом по горным тропам, временами подвергаясь опасности свалиться в ледяную пропасть. Скрывались от дождя и снега в юрте кочевника, где всегда был горячий чайник и откуда не уходили голодными.

В конце июля небольшой экспедиционный отряд был уже на Иссык-Куле — в Пржевальске. В Уй-Тале их опять ждали свежие верховые лошади, на которых доехали до одной из трех речек Урюкты. Здесь переночевали в юрте и утром на другой день, переехав вброд вторую и третью Урюкты, перевалили через горный отрог. По ущелью р. Большой Ак-Су направились на ледники Южной Ак-Су.

К вечеру 28 июля приехали, остановились неподалеку от морен. Поскольку юрту с собой не захватили, то пришлось расположиться на воздухе. Топлива на месте не было, но сопровождавшие отряд киргизы вскоре привезли порядочное количество колючек тьюе-куйрук — верблюжьего хвоста, действительно напоминавшего его своим видом. Спать пришлось под открытым небом, завернувшись в кошмы. Ночью холод давал себя знать, и на другое утро отправили джигита за юртой. Чем выше поднимались

по леднику, тем труднее становилось идти. Снежный покров становился толще, трещины преграждали дорогу. То и дело останавливались, хотя и спешили, чтобы успеть еще засветло перевалить за Северную Ак-Су и выйти на Кемин, где должны были быть киргизские аулы. Значительную часть подъема и весь спуск с перевала пробирались узенькою тропинкою по каменной осыпи». Корольков сделал метеорологические измерения и замеры ледника. В полдень провесили поперек ледника линию четырьмя кольями и определили движение ледника за сутки. «Заканчивая настоящий отчет, — скромно писал о своих исследованиях Корольков, — я считаю необходимым высказать, что смотрю сам на работу как на рекогносцировку, дающую некоторые указания для более обстоятельных исследований».

В конце 1902 года, после почти двухлетнего отсутствия, Корольков вновь поселился в г. Пржевальске. Перед этим, тяготясь военной службой, он вышел в отставку и посвятил всю дальнейшую свою жизнь исследованиям природы горного края. Помимо постоянных наблюдений на метеостанции за климатическими условиями г. Пржевальска, время от времени Ярослав Иванович excursionирует с научными целями в Тянь-Шань. Так, в июле 1903 года он совершил ботаническую excursionию в ущелье Джеты-Огуз совместно с видным исследователем флоры Средней Азии В. И. Липским, знакомившимся тогда с растительностью северного склона хр. Терской Ала-Тау.

В июне 1907 года Русское географическое общество выдало Королькову следующее свидетельство на право научных исследований: «Предъявитель сего действительный член... Русского географического общества генерал-майор Ярослав Иванович Корольков в течение лета 1907 года намерен производить по Семиреченской области научные поездки как с общегеографическими целями, так и специально с энтомологическими, зоологическими, ботаническими и пр.

⁷ Том VII. В. М. Плоских

Совет... Русского географического общества, весьма заинтересованный в этих экскурсиях г-на Королькова, обращается с усерднейшей просьбой ко всем тем лицам и учреждениям, с коими г-ну Королькову доведется вступить в сношения при исполнении принятой им на себя задачи, а равно на пути следования к месту назначения и обратно, оказывать ему законное покровительство, возможное содействие...

В удостоверение вышеизложенного выдано г-ну Королькову настоящее свидетельство за гербовой печатью... Русского географического общества сроком по 31 декабря сего 1907 года».

Так, уже в 64 года от роду, ученый при содействии Русского географического общества предпринял поездку по горным районам Семиречья с общегеографическими целями, а также для сбора зоологических и ботанических коллекций.

Помимо прочных связей Королькова, установившихся с конца 80-х годов XIX века с Русским географическим обществом и его видными деятелями, им поддерживались многолетние научные и деловые контакты с Петербургским ботаническим садом, прервавшиеся лишь с началом первой империалистической войны. Во время научных экскурсий по горам Тянь-Шаня и прежних частых служебных поездок (маршруты Королькова по краю составляли многие тысячи километров) он умело сочетал проведение метеорологических измерений, топографических съемок со сбором ценных гербариев и семян местной флоры, которые отправлял в Петербургский ботанический сад. Он также записывал киргизские легенды, коллекционировал археологические древности Иссык-Куля.

В конце прошлого века г. Пржевальск, хотя и был уездным центром, представлял собой один из довольно глухих городков на восточной колониальной окраине Российской империи. Характеризуя дореволюционный быт и нравы

русского провинциального общества в Киргизии, Пржевальский корреспондент газеты «Туркестанские ведомости» писал в 1894 году: «В настоящее время нами сильно овладела скука; единственное развлечение составляют карты. Доказательством того, что мы скучаем и не знаем, куда девать время, может служить чрезвычайный успех какого-то захудалого цирка», пробывшего в Пржевальске около месяца. Военно-чиновничья верхушка города отличалась пристрастием к пьянству. На этом сером фоне обывательской жизни Корольков, который пытался заниматься культурно-просветительной работой, выглядел «чужаком». Здесь при его помощи были организованы драматический кружок и духовой оркестр, музыкантов для которого он лично готовил. Любительские постановки музыкально-драматических пьес при участии Королькова постепенно приобрели популярность среди местной интеллигенции. Благодаря поддержке Королькова в городе организуются общественная библиотека-читальня — одна из старейших в Киргизии, а также положено начало основанию музея Н. М. Пржевальского (открытого уже в советский период).

Корольков был свидетелем событий в Прииссыккулье, связанных с национально-освободительным восстанием киргизского народа в 1916 году. В показании мировому судье 3-го участка Пржевальского уезда о причинах и ходе восстания в уезде он нарисовал объективную картину безудержных захватов киргизских земель царскими чиновниками-колонизаторами, жестокой эксплуатации киргизской бедноты местным кулачеством и православным духовенством, а также как очевидец описал самый ход и ряд драматических событий восстания, с большим неодобрением отзываясь о случаях расправы и самосуде над восставшими киргизами и дунганями.

«На киргиз вообще (казахи и кара-киргизы) я привык смотреть как на народ добродушный, гостеприимный, незлобивый... — свидетельствовал в своем показании

судебному следователю 2 октября 1916 года Корольков. — Мною сделано верхом лишь по горам Семиречья более 14-ти тысяч верст. Всюду меня принимали хорошо. Всюду я находил ночлег и всегдашнюю готовность поделиться имеющейся пищей. Никогда я не ездил по горам вооруженным. Моя шапка всегда была надета на сопровождавшем меня джигите.

Что касается отношений между русским населением и киргизами, могу сказать, что в общем они были хороши, хотя неустойчивость политики нашей по вопросу землепользования и даже неудачная постановка самого вопроса этого, вплоть до времени издания «Степного положения», приводили нередко к кровавым расправам, в которых страдательной стороной являлись киргизы».

В письме временно исполняющему должность начальника Пржевальского уезда В. П. Колосовскому от 22 ноября 1916 года в обстановке разгула репрессий царских карателей против повстанцев Корольков твердо выразил свое отрицательное отношение к планам царских властей в Туркестанском крае о поголовном выселении киргизских трудящихся в наказание за участие в восстании 1916 года из Иссык-Кульской долины в бесплодные горы Нарынского края и пески Прибалхашья. Он рассматривал эти жестокие репрессивные меры как «суровое наказание», указывая, что одним из последствий выселения киргизов из давно обжитых ими мест явится полный упадок экономики и торговли в Прииссыккулье (тем самым «будет достигнуто, — писал в этом письме Корольков, — полное оскудение края и на водворение нормальной жизни в нем потребуются десятки лет», а «уничтожением торговли обездоливается и весь уезд»). При этом Корольков отмечал, что «виновных в происшедших беспорядках (имеются в виду погромные антирусские выступления, спровоцированные в 1916 году бай-манапской верхушкой в отдельных местах Пржевальского уезда. — авт.), кроме влиявших

из-за границы, следует искать лишь среди почетных киргизов, среди главарей...» Что же касается трудящейся массы киргизов, то их «следует водворить на свои места...» Это смелое по тем временам выступление Королькова в защиту киргизов еще более расположило к нему коренное население.

С установлением власти Советов в Пржевальске Ярослав Иванович оказался в рядах той лучшей части старой русской интеллигенции, которая стала на путь активного сотрудничества с народом. В одной из публичных лекций еще в 1924 году он так выразил свое кредо, обращаясь к новой трудовой советской интеллигенции: «...Более чем какому-либо народу нам, русским, любящим горячо свою родину, надо подготовить и себя и родину свою знаниями естественных наук, в том числе химии и физики. Не может быть никакого сомнения в том, что среди нашей молодежи, которая, как я имел возможность наблюдать, горячо стремится к приобретению знаний вообще, стремление к приобретению их, под влиянием сознания той пользы, которую приложение знаний этих к жизненным потребностям принесет родине, должно по меньшей мере удесятеряться.

Я позволю себе... подчеркнуть, что упомянутое стремление к приобретению знаний среди нашей молодежи, я наблюдал как среди представителей мужского, так и среди представительниц женского пола, и от всей души горячо желаю стремлению этого дальнейшего развития как ко благу самой молодежи, так и ко благу и величию нашей родины».

Публикуется по изданию:

В. М. Плоских В. Я. Галицкий. Тропою первопроходцев. — Фрунзе: Кыргызстан, 1973.

Часть вторая

**Последний приют
Н. М. Пржевальского**

(к 175-летию со дня рождения)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят, если наугад ткнуть пальцем в любую точку глобуса, там обязательно есть место, где похоронен какой-нибудь известный путешественник. Одно из таких мест находится в крайней юго-восточной точке Иссык-Кульской области Кыргызстана, близ города Каракола. Там, на берегу озера, спит вечным сном красавец богатырского телосложения, российский дворянин старинных дворянских корней. Член многих географических обществ XIX столетия, отважный исследователь Центральной Азии. Бравый офицер русской армии, не любивший военную службу. Любимец фортуны, но не любитель азартных игр. Один из завидных женихов в России позапрошлого века, но убежденный холостяк...

Трудно перечислить все достоинства и странности этого человека, великого ученого и скитальца Николая Михайловича Пржевальского. Еще больше осталось о нем неизвестного. Этим наш герой похож на самое любимое им место в Евразии, Иссык-Куль. Человек-загадка, похороненный возле озера-загадки... Последнее желание Н. М. Пржевальского быть погребенным здесь, коллега и друг путешественника Петр Петрович Семенов назвал поступком былинного русского богатыря. Его могила теперь — указатель пути в Неведомое, куда так рвутся сердца настоящих исследователей. Тайна ведь всегда была двигателем прогресса. Как в свое время сказал Ю. Н. Рерих, «...беспредельность возможного манит не знающий покоя человеческий разум».

Последователи в веке двадцатом продолжили дело Николая Михайловича, которому он так безоглядно пожертвовал радости своей земной жизни. Но и нам в XXI веке есть, над чем потрудиться на стезе Н. М. Пржевальского. Потому

как Иссык-Куль, «лазурное око планеты», по-прежнему не спешит открывать людям все свои тайны. В течение тысячелетий он встречал и провожал бесчисленные караваны с китайским шелком и индийскими пряностями, у порога дальних путей в Европу, через Небесные горы. Впоследствии, когда человечество освоило морские пути, Великий Шелковый Путь стал манить не купцов, а научно-исследовательские экспедиции в сердце Центральной Азии, оставшейся до конца XIX века «белым пятном» на карте.

Книгу, которую вы держите сейчас в руках, можно считать вкладом в изучение подвижничества русских ученых в культуре Средней Азии, дело весьма благородное и актуальное.

Текст нашего исследования построен по принципу сквозного хронологического анализа многих событий жизни Н. М. Пржевальского и раскрывает картину многогранной научно-творческой биографии этого ученого и путешественника. Несмотря на то, что о нем опубликовано немало статей и книг, исчерпывающие описания путешествий этого исследователя недоступны массовому читателю по причине их дороговизны, редкости и объема. Наша работа представляет собой вторую попытку восполнить этот досадный пробел. Надеемся, она станет столь же удачной, как и первая, предпринятая коллективом наших авторов в 2005 году. Тогда книга В. Плоских и Д. Мамбеталиевой «Н. М. Пржевальский. Иссык-Кульский мемориальный комплекс» была выпущена в Бишкеке издательством КРСУ.

Как и прежде, нынешнее издание подкреплено серьезным научно-исследовательским аппаратом и включает в себе бесценные записи Н. М. Пржевальского и его коллег — таких как, например, Н. М. Роборовский, В. И. Козлов и других.

Выражаем признательность сотрудникам мемориального комплекса «Н. М. Пржевальский» за предоставленные материалы и фотоснимки.

I

ВЕХИ БИОГРАФИИ

Двенадцатого апреля (по старому стилю — 31 марта) 1839 года¹, в Смоленской губернии, в семье отставного поручика, родился мальчик, названный Николаем. Село Кимборово, где он появился на свет, находится в четырех километрах от деревни Мурыгино, нынешнего Починковского района Смоленской области. В XIX же столетии там располагалось родовое гнездо старинного дворянского рода, к которому принадлежало семейство Пржевальских.

Во времена Русско-Ливонской войны один из его предков, ротмистр казачьих войск Корнило Анисимович Паровальский² (по другим данным — воин Великого Княжества Литовского Карнило Перевальский³) отличился на стороне русских при взятии Полоцка, за что был произведен в дворяне, получив роскошный герб — «Серебряные Лук и Стрела, повернутые вверх на Красном Поле». Внук Корнилы, Михаил, пошел по стопам своего легендарного деда. Уйдя в отставку, он женился на дочери одного из смоленских помещиков Елене Алексеевне Каретниковой, обосновался в своем родовом имении «Отрадное», расположенном рядом с поместьем жены.

Недолго пришлось отставному поручику Михаилу Кузьмичу наслаждаться семейной жизнью и отцовством. Он умер, когда его сыну было семь лет. Так что, воспитывали

¹ *Мурзаев Э. М.* Н. М. Пржевальский. М.: Географгиз, 1953. С. 23.

² *Плоских В. М., Мамбетова Д. Н. М.* Пржевальский, Иссык-Кульский мемориальный комплекс. Бишкек: КРСУ, 2005. С. 5.

³ *Юсов Б. В.* Н. М. Пржевальский. М.: Просвещение, 1985. С. 12.

Н. М. Пржевальский

ребенка не отец, а строгая и требовательная мать, а также дядя — заядлый любитель охоты, рыбной ловли, да всяких рассказов о путешествиях. Так перст судьбы заложил в будущем исследователе любовь к дальним странствиям, страсть настоящего охотника и рыболова. Не раз потом он говорил своим ученикам, что путешественником надо родиться. «Рос я в деревне дикарем, — вспоминает впоследствии Николай Михайлович о своем детстве, — воспитание было самое спартанское: я мог выходить из дома во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала стрелял из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет с 12-ти получил отцовское ружье»¹.

¹ Всемирный путешественник. Путешествия Н. М. Пржевальского. Составил по подлинным сочинениям Зеленин А. В. СПб., 1899. С. 25–26.

Несмотря на строгость материнского воспитания, мальчик рос драчуном и забиякой, за что воспитатели неоднократно пороли его розгами. Был даже случай, когда за какой-то возмутительно дерзкий поступок Колю хотели исключить из гимназии. По убедительной просьбе матери, мальчика лишь выпороли. Что удивительно, впоследствии Николай Михайлович был горячим сторонником наказания розгами. Он даже говаривал в беседах с товарищами: «если бы меня не высекли, а исключили, из меня вышел бы повеса из повес»¹. Несмотря на свой непоседливый и буйный характер, учился Коля неплохо. Обладая феноменальной памятью, буквально схватывал школьный материал на лету. При этом сдавал на высший бал даже задания по ненавистной ему математике.

В 16 лет юноша решил продолжить дело своих предков: окончив в 1855 году Смоленскую гимназию, определился унтер-офицером в Рязанский пехотный полк. Получив там офицерский чин, юноша перешел в 28-й пехотный Полоцкий полк. Затем в 1861 году поступил в Николаевскую военную академию.

Там будущий путешественник особенно усердно изучал географию, геодезию, зоологию и ботанику, другие естественные науки. Занимаясь по 16 часов в сутки, он впоследствии мог цитировать слово в слово целые страницы научных трудов. По словам Фатеева, товарища Николая Михайловича по академии, с ним друзья проделывали порой следующий опыт: Пржевальский предлагал раскрыть какую-нибудь знакомую ему книгу на любой странице и прочитать вслух одну или две строки, а затем уже продолжал говорить наизусть целые страницы, нисколько не отступая от текста сочинения. Такими цитированными по памяти книгами были, например, работы Костомарова

¹ Всемирный путешественник... С. 25–26.

«Северорусские народоправства», Мори «Физическая география моря», Митчелла «Небесные светила» и др.

Первая научная работа Н. М. Пржевальского — «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» получила восторженные отзывы в ученом кругу, заработав на одном из собраний Русского Географического общества 46 голосов из присутствовавших 56. За этот и другой труд, «Воспоминания охотника», 5 февраля 1864 года он, в возрасте 25 лет, был избран действительным членом Императорского Русского географического общества.

Незадолго до окончания академии в Николае проявились две самых заметных впоследствии черты его характера — азарт и отвага. Когда в мае 1863 года в Польше вспыхнуло восстание, в Академии объявили, что желающие участвовать в боевых действиях будут выпущены на льготных условиях, без экзаменов. Н. М. Пржевальский оказался в числе немногих курсантов, решившихся на такой шаг. С первых же дней войны он был назначен адъютантом полкового командира. Вскоре молодой офицер заслужил уважение сослуживцев, видевших в нем человека безукоризненно честного, искреннего, с теплым сердцем и всегда готового прийти на помощь товарищу.

Несмотря на столь блестящее начало, военная карьера будущего путешественника не прельщала. Еще во время службы в Белецком, затем — в Полоцком пехотном полку, Н. М. Пржевальский с разочарованием признается в своих дневниковых записях: «прослужив 5 лет в армии, потаскавшись в караул и по всевозможным гауптвахтам и на стрельбу со взводом, я, наконец, ясно осознал необходимость изменить подобный образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где можно было бы тратить труд и время для разумной цели»¹.

¹ Всемирный путешественник... С. 25

Такой «разумной целью» всегда была для Николая Михайловича стезя путешественника, исследователя мест, куда не ступала нога ученого. В декабре 1864 года он был назначен взводным офицером и преподавателем в юнкерское училище в Варшаве. Там молодой географ систематизировал ранее приобретенные знания и вполне состоялся как преподаватель: лекции Н. М. Пржевальского пользовались столь огромным успехом, что его коллеги жаловались, что тот отбивает у них учеников. При этом успешный наставник был беспристрастен: порой ставил единицу и даже ноль своим самым любимым воспитанникам. «Не буду ли я вам, юноши, смешон и жалок после такой уступки?.. — говорил в подобных случаях он. — Вспомните прекрасные слова: “Я знаю один народ — человечество, один закон — справедливость”»¹.

Больше всего Николая Михайловича тогда занимала мечта пуститься в дальний и опасный путь по африканским саваннам, к подножию Килиманджаро, в гости к кровожадным бушменам. Будучи преподавателем истории и географии в Варшавском юнкерском училище, Пржевальский изучал эпопею африканских путешествий и открытий. Знакомился с зоологией, ботаникой, сильно завидовал Ливингстону и Беккеру. Тогда же он составил учебник географии, изданный впоследствии в Пекине.

Банальная нехватка средств на дорогостоящее путешествие определила дальнейшую миссию Н. М. Пржевальского как великого географа XIX века — отправиться в противоположном направлении, к неисследованным просторам Сибири и Средней Азии. Настольной книгой ученого на долгие годы стали «Картины природы» Гумбольдта, «Азия» Риттера, другие исследования азиатских просторов. Дебют же карьеры Николая Михайловича как путешественника длился с 1868 по 1869 годы, когда он

¹ В сердце Азии: Памяти Н. М. Пржевальского. СПб., 1914. С. 4.

отправился в Уссурийский край собирать коллекцию орнитолога. Там путешественник проявил не только исследовательский пыл, но и свой беспокойный характер: благодаря своему настойчивому, решительному характеру он преодолел противодействие китайских чиновников и сопротивление местных жителей, иногда доходившее до открытых нападений и стычек. В итоге, усмирил местные племена хунхузов, совершавшие дерзкие нападения на жилища русских поселенцев. За это получил в Николаевске-на-Амуре чин капитана и был переведен в Санкт-Петербург, в Генеральный штаб, где вскоре написал две прекрасные статьи в журнал Русского географического общества¹ и талантливую книгу «Путешествие в Уссурийском крае». Русское географическое общество оценило исследовательский талант ученого серебряной медалью. Наверняка любой карьерист и любитель спокойной жизни счел бы такой исход прекрасным началом чиновной карьеры. Но не таков был Николай Михайлович!.. Будучи хорошо образованным натуралистом, Пржевальский был в то же время прирожденным скитальцем, предпочитавшим одинокую степную жизнь всем благам цивилизации.

Надо сказать, также равнодушен был Н. М. Пржевальский к чинам, званиям и наградам, отдавая всего себя лишь одной страсти — исследовательской работе. Это, впрочем, не помешало ему стать впоследствии кавалером Орденов Святого Станислава 3-й ст. (1866 г.) и Святого Владимира 3-й ст. (1881 г.), австрийского Ордена Леопольда и Кавалерского креста (1874 г.), а также почетным членом и обладателем десятка золотых, серебряных медалей географических обществ разных стран².

¹ Юсов Б. В. Н. М. Пржевальский... С. 74.

² Пржевальский, Николай Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Дом Пржевальского. г. Каракол

Не мешало бы нам обратить внимание и на богатырскую статью Николая Михайловича. Его рост был 199 см, а вес почти 120 кг. Такая комплекция, при роскошных усах и офицерских погонах, наверняка была тайным предметом воздыхания многих барышень. Почему же, спросите вы, у этого красавца не было дамы сердца? Здесь придется признать, что женского общества Н. М. Пржевальский всегда избегал. Даже мама его за это часто корила, резонно полагая, что финал убежденного холостяка — одинокая старость. На такой упрек у сына был всегда следующий ответ: «я уйду в экспедицию, жена будет плакать: брать же я ее с собой не могу. Когда окончу последнюю экспедицию, буду жить в деревне, охотиться, ловить рыбу и разрабатывать свои коллекции. Со мною будут жить мои старые солдаты, которые мне преданы не менее, чем была

⁸ Том VII. В. М. Плоских

бы законная жена»¹. Как-то раз, уже будучи уважаемым ученым и преподавателем, Николай Михайлович получил приглашение давать уроки некой юной особе, дочери генерала. Пржевальский ограничился тем, что послал ей свой учебник по географии, подписав его словами «Долби, пока не выдолбишь».

Так и умер Н. М. Пржевальский холостяком, правда не совсем старым и не одиноким. В 1888 году, в возрасте 49 лет, он предпринял свое очередное путешествие через Самарканд к русско-китайской границе. Там, во время охоты в долине реки Кара-Балта, выпил речной воды, от чего заразился брюшным тифом. По дороге в г. Каракол почувствовал себя плохо, а по прибытии совсем слег и через несколько дней скончался. Был похоронен на берегу озера Иссык-Куль. Выполняя последнюю волю покойного, место для его праха выбрали ровное, на восточном обрывистом берегу озера, между устьями рек Каракол и Карасуу, в 12 километрах от Каракола. Говорят, по причине твердости грунта, солдаты и казаки копали могилу в течение двух дней. Сейчас это последнее пристанище путешественника — одна из местных достопримечательностей Иссык-Кульской области Кыргызстана. Уважение к заслугам великого исследователя было оказано еще в советские времена, когда в течение нескольких десятилетий г. Каракол назывался Пржевальском.

Сохранились и места, бывшие Николаю Михайловичу далеко не последним приютом. Одним из таких памятных мест являются меблированные комнаты И. Ц. Лошевича в Санкт-Петербурге, где в 1881 году останавливался путешественник. В Подмосковье его любимым жилищем было сохранившаяся до настоящего времени усадьба в селе Константиново, ныне Домодедовского городского округа

¹ Всемирный путешественник... С. 26.

Московской области. В 1882 году эта усадьба переходит во владение родного брата Николая Михайловича, Владимира. Впоследствии семья Пржевальских владела этим домом до 1917 года. В Кыргызстане же подобными апартаментами путешественника был Дом Кариженского в г. Караколе, расположенный там по адресу ул. Джамансариева, 156.

Таков, вкратце, жизненный путь великого исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Перед тем, как будем рассматривать его заслуги подробнее, еще раз вспомним яркую черту его характера — азарт. Николаю Михайловичу, говорят, везло в игре в карты. Обычно он брал с собой не более 500 рублей. При этом выигрывал 1000 и уходил. Например, за зиму 1868 года выиграл в общей сложности более 12000 рублей, после чего выбросил в реку Амур игральные карты и больше уже никогда не играл. Выигранный капитал путешественник добавил к весьма скудным казенным средствам, выделенным на его первую экспедицию...

II

ЧЕТЫРЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Прежде чем начать наш рассказ об открытиях великого путешественника, напомним, что объект его исследований, Центральная Азия, — не только перекресток великих цивилизаций. Это и место удивительного климатического разнообразия. Здесь вы найдете и субтропические степи, и горные тундры, альпийские луга и коварные пустыни, и даже двухъярусные реки, ущелья глубиной до нескольких километров. Каскады водопадов, ледники, покрывающие плоские горные вершины... Но в XIX веке большую часть географических карт этого восхитительно разнообразного своим климатом региона занимало огромное белое пятно. В достоверных сведениях об этом Богом забытом месте остро нуждались в то время не только ученые, но и политики. Как сетовал на неверные представления российских чиновников о Центральной Азии в одном из своих писем Николаю Михайловичу давний его друг, востоковед и российский дипломат Николай Федорович Петровский, «донесения... нравящиеся тем, кто не имеет о Китае никакого понятия, приносят положительный вред: лучше ничего не знать, чем знать криво. Питаю надежду на Вас сильную, что заблуждение это Вы поколеблете...»¹.

Н. М. Пржевальскому предстояло заполнить географический пробел своими открытиями, чем он и занялся с рвением, свойственным непоседливой, пылкой натуре...

¹ Из переписки Н. Ф. Петровского с Н. М. Пржевальским / Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана. Документы, материалы, исследования. Бишкек, 2004. С. 9.

Во время первого центрально-азиатского путешествия, длившегося с 1870 по 1873 годы, Пржевальский прошел пустыню Гоби, считавшуюся до того времени вовсе «непроходимой». Ландшафт зыбучих песков пустыни «украшали» крутящиеся столбы соленой пыли да валяющиеся повсюду кости лошадей, мулов, верблюдов. Полдень порой казался сумерками, от сильного ветра постоянно болела голова. Воду, из которой путники варили чай, приходилось черпать из мутных соленых озер. Так, российскому дворянину, выросшему во вполне обеспеченном доме, пришлось оставить всякую брезгливость.

Невыносимо жаркие дни и холодные звездные ночи экспедиция проводила в напряженной научно-исследовательской работе, собирая бесценные сведения по топографии местности, метеорологии и многим другим отраслям знания. При этом команде исследователей, в составе всего-навсего четырех человек, приходилось порой даже отражать нападения разбойников. Однажды банда более чем из ста человек перекрыла единственную тропу через перевал, намереваясь захватить путников и поживиться их добром. «Мы, четверо русских, решились или пройти, или погибнуть. Но с оружием в руках, а не позорной смертью барана, которого разбойники потащили бы на виселицу... И прошли», — вспоминает впоследствии об одном из таких приключений Н. М. Пржевальский¹. Личным оружием Николая Михайловича во время этой поездки была винтовка Штуцер 12 калибра, заказанная им в Лондоне у лучшего ствольщика того времени Чарльза В. Ланкастера.

Так, изнуренные двумя с лишним годами экспедиции, невымытые, в изорванных фуражках и одежде, в сапогах с подшитыми шкурами вместо подошв, путешественники

¹ The word traveller. Travels of Przhevalskiy N. M. Made on the basis of original essays by Zelenin A. V. Spb, 1899. P. 402.

пришли в Ургу. Оттуда они добрались до г. Кяхты. Затем — до Иркутска, Москва, Петербурга.

В период с 1870 по 1873 годы отряд Пржевальского прошел по горам и пустыням Монголии и Китая в общей сложности более 11800 км, исследовав при этом почти 5700 км. Прежде всего, исследователи сделали два неопценимых для науки того времени вывода:

- пески Гоби представляют собой не возвышенность, как предполагали многие, а впадину с холмистым рельефом;
- горы Нань-Шань не хребет, а горная система.

Важным результатом экспедиции стало также подробное описание пустынь Гоби, Ордоса и Алашани, высокогорных районов Северного Тибета и открытой Пржевальским котловины Цайдама. Впервые на карте появились ее 20 с лишним хребтов, семь крупных и ряд мелких озер.

Кроме того, участники путешествия собрали богатейшую коллекцию охотничьих трофеев. «Я сам, — говорил Николай Михайлович, — в первый раз видал в таком блеске свою коллекцию. Одних птиц лежало 1110, кроме того, 35 шкур больших животных и проч.»¹.

По возвращении на родину, Н. М. Пржевальского ждали поздравления и награды. В январе 1874 года Географическое общество присудило путешественнику Константиновскую медаль. А 9 февраля 1874 года Николай Михайлович показал свою зоологическую коллекцию австрийскому императору Францу-Иосифу. Император долго и внимательно ее рассматривал. По окончании осмотра пожаловал Пржевальскому кавалерский крест ордена Леопольда. 21 марта коллекцию Пржевальского смотрел также и российский император Александр II. Государь настолько заинтересовался,

¹ The word traveller... P. 402.

что признал необходимым купить ее для музея Академии наук. Коллекция позже была приобретена на средства государственного казначейства.

Литературно-научным итогом экспедиции стала изданная Географическим обществом двухтомная книга Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов» (1875–1876), переведенная впоследствии на английский, французский и немецкий языки.

Несмотря на головокружительный успех и внимание высшего света, Николая Михайловича вновь влекло к неисследованным просторам Азии. К тому же не только ученые, но и политики нуждались в сведениях, которые могли бы в перспективе усилить позиции России в регионе — потому как там активизировался ее главный конкурент по освоению материка — Британская империя. Как обеспокоенно отмечал в одном из своих писем Николаю Михайловичу его друг, дипломат Н. Ф. Петровский, «те местности» активно стали посещаться «...с неизвестными целями англичанами»¹.

Пржевальский вскоре разработал план своего второго путешествия на два года в Тибет. План получил положительные отзывы министров военного и иностранных дел и Совета Географического общества. В свою очередь, августейший председатель Географического общества, Великий князь Константин Николаевич добился выделения на экспедицию Пржевальского сумму из средств государственного казначейства².

Так началось второе путешествие Пржевальского в Азию. Длилась экспедиция три года — с лета 1876 по декабрь 1879 годов. Ее участники, миновав пустыню Такла-Макан,

¹ Из переписки Н. Ф. Петровского с Н. М. Пржевальским / Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана... С. 17.

² In the heart of Asia (In memory of Przhevalskiy N. M.). SPb., 1914. P. 10.

достигли берегов озера Лобнор, нанеся его на карту. При этом было сделано открытие, что этот водоем, который ранее другие путешественники упоминали как соленый, оказался пресноводным. И находился он не там, где был отмечен на более ранних географических картах. Потому Пржевальского даже пытались впоследствии обвинить в том, что он просто-напросто не был на озере. Лишь позднее удалось доказать, что Лобнор перемещается по обширной впадине между двумя хребтами — меняя свои очертания и состав воды, поскольку зависит от течения впадающих в него рек. На протяжении XIX века озеро несколько раз кардинально менялось, пока совсем не исчезло...

В ходе той же экспедиции была открыта гора Алтындаг и «передвинута» граница Тибетского нагорья на 300 км к северу. Затем путешественники отправились в Джунгарию, пустыню на западе Китая. Она известна своими жаркими сухими ветрами, монгольскими самумами или тебадами, смертельно опасными для караванов. Говорят, что верблюды, чувствуя приближение такого ветра, режут, падают на колени и пытаются зарыть головы в песок.

Детально изучив в Джунгарии берега озера Лобнора, Н. М. Пржевальский направился в обратный путь, к городу Кульджа. Там он получил письма от своей мамы. Поздравив сына с чином полковника, женщина сообщила сыну печальное известие о кончине его любимого дяди. Со столь печальным грузом на душе Николай Михайлович приступил к самой ответственной и многообещающей части своего путешествия, отправился в Лхасу. Этот город — столица Тибета и святая святых ламаизма — еще в первой половине XIX века был местом, куда путь европейцам был заказан. Незадолго до экспедиции Пржевальского в святой город вторглась армия Британской империи, нарушив тем самым вековое табу. Вслед за военными в интереснейшее место материка потянулись ученые. Николай Михайлович мечтал в числе первых побывать в Лхасе, опередив

тем самым своих коллег-англичан. 28 августа 1877 года он записал в своем дневнике: «Еще раз пускаюсь я в далекие пустыни Азии. Идем в Тибет и вернемся на родину года через два. Сколько нужно будет перенести новых трудов и лишений!».

К сожалению, не исполнилась мечта великого русского путешественника. По пути в Лхасу он захворал какой-то кожной болезнью, о которой сам он писал так: «По выходе из Кульджи я заболел вздорной, но нестерпимой болезнью: у меня сильный зуд. Несомненно, мы где-нибудь заразились от дурной воды, причиной могла также быть соленая пыль, постоянно стоявшая в воздухе Лобнора». Больной вынужден был прервать экспедицию, отправившись на лечение. Так, 20 декабря 1877 года он оказался в г. Зайсане, проделав маршрут общей длиной более 4000 км. Выздоровление шло очень медленно. Лишь в начале 1878 года Пржевальский записал в своем дневнике следующее: «Завтра, наконец, мы выступаем из Зайсанского поста. Избавляемся от тюрьмы, в которой сидели три месяца. Радость неопишуемая». В этот день он получил от брата Владимира печальную телеграмму: «18 июня прошлого года мама скончалась».

Помимо горькой вести, Н. М. Пржевальский получил предписание не ходить в Китай и возвратиться в Петербург. Он воспользовался возможностью побывать в родных местах и поклониться праху дорогого человека. Оставив верблюдов и все снаряжение экспедиции в Зайсанском посту, он отправился в Санкт-Петербург, чтобы в начале 1879 года вновь двинуться в Тибет.

По прибытии в Петербург Николай Михайлович узнал, что ему присуждена еще за прошлую экспедицию золотая медаль Парижским Географическим обществом и большая золотая медаль имени Гумбольдта от Берлинского Географического общества. Награда была учреждена обществом по случаю юбилея Гумбольдта. Примечательно, что первым, кто удостоился ее получения, был Пржевальский.

Председатель общества, барон Рихтгоффен, в своей брошюре, разбирая деятельность своего российского коллеги, восторженно отзывается о его географических подвигах. Сделанная Пржевальским съемка нижнего течения Тарима и озера Лобнора совершенно изменила то, что прежде было известно об этих местностях. Исследования Пржевальского заставляли существенно изменить прежние воззрения и естественно, что его смелые выводы встретили критику ученых, опирающихся на китайские источники и на различные теоретические соображения. Так, Рихтгоффен, исходя из того факта, что равнины, окружающие Лобнор, пропитаны солью, находил невозможным согласовать с этим показание Пржевальского, что вода в исследованном им озере — пресная. Впрочем, оппонент не решился открыто опровергать мнение коллеги, ограничившись осторожной критикой его с теоретической точки зрения.

Рихтгоффен воздал должное другому научному достижению Пржевальского — его описанию Алтынтага, заявив, что оно представляет собой одно из самых замечательных открытий. Подводя итоги результатам двух путешествий Николая Михайловича в Центральной Азии, ученый заявил, «что одним человеком наши знания о Центральной Азии значительно расширены»¹.

Приехав в родную деревню, Николай Михайлович оставил все занятия и посвятил лето полному отдыху и поправке здоровья. В конце сентября 1878 года он приехал в Петербург и убедился, что вопрос о его новом путешествии весьма актуален. Географическое общество пригласило ученого прочесть лекцию о путешествии на Лобнор. Лектор, при взрыве оглушительных аплодисментов, закончил свою лекцию заявлением, что, поправив здоровье, готов вновь идти в Тибет.

¹ The word traveller... P. 451—452.

Вопрос об этой экспедиции к тому моменту в правительстве был решен положительно. Россия нуждалась в сведениях о малоизученном регионе, как и ее конкурент по освоению материка, Британская империя. В одном из писем Николаю Михайловичу дипломата Н. Ф. Петровского из Центральной Азии читаем следующее: «здесь то и дело шмыгают англичане; на днях, один за другим, приехали из внутр. Китая в Индию двое: Bellor и Young-Husband (последнее имя, кажется, вымышленное). Оба были у меня, оба военные; путешествуют «для своего удовольствия», останавливаясь в городах всего по несколько часов (!). На вид — порядочные олухи и невежды — ровно ничего не знают. Для какой цели посылаются — решительно недоумеваю»¹.

Председатель Географического общества, Великий князь Константин Николаевич, лично ходатайствовал об ассигновании средств на поездку.

«Нельзя не признать, — сообщал он в своей служебной записке министру финансов, — что одним из главных деятелей нашего времени на поприще изучения Центральной Азии является полковник Пржевальский. Его ученые заслуги высоко оценены всеми русскими учеными учреждениями, увенчаны рядом самых почетных наград на Западе, и без сомнения заслуживают всякого поощрения и поддержки со стороны правительства»².

Так, в 1879 году Н. М. Пржевальский начал третье путешествие по Центральной Азии, названное им «Первым Тибетским». Он вынужден был ограничиться лишь изучением окрестностей истоков Желтой и Голубой рек, берущих свое начало в Тибетском нагорье, — потому как

1 Из переписки Н. Ф. Петровского с Н. М. Пржевальским / Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана... С. 24.

² The word traveller... P. 452–453.

путешественникам приходилось не раз отбиваться от нападений местных разбойников. Николай Михайлович потом вспоминал, как почти каждое утро на рассвете слышался топот копыт. Но достаточно было нескольких выстрелов, и противник поворачивал назад. А по Тибету разносились слухи о русских, что они трехглазые, могут насыпать бури, снег и болезни.

С этого времени за Пржевальским в Тибете закрепилась слава великого «хубилгана», т. е. «святого»: «один великий святой Запада идет в Лхасу, чтобы познакомиться с Далай-ламою — великим святым Востока»¹. Местное население теперь не давало путешественникам прохода, надоедая просьбами разных благословений.

«Обаяние нашего имени, — рассказывал впоследствии Николай Михайлович, — превосходило всякое вероятие. Так, идя в Тибет, мы оставили в Цайдаме лишний мешок с продовольственными запасами, и местный князь, принимая его на хранение, с радостью говорил нам, что этот мешок будет теперь стеречь весь его хошун от разбойников-тангутов»². И действительно, когда через три месяца путешественники возвратились, то князь этот встретил их с величайшею благодарностью: оказалось, что за все время в его хошуне не показывался ни один разбойник и грабежи совершенно прекратились, так как тангуты боялись вместе с монгольским добром захватить и вещи, оставленные русскими³.

Кроме ореола святости и сверхъестественности Пржевальскому присвоен был также титул доктора, могущественного исцелителя всяких болезней. Поводом к такому мнению у местных жителей послужило собрание путешест-

¹ The word traveller... P. 344.

² Там же. 344.

³ Там же. 345.

венниками растений, а впоследствии несколько случаев удачного лечения лихорадки хинином окончательно укрепили за ним славу великого доктора, и к нему постоянно являлась масса страдающих всевозможными недугами¹.

До Лхасы оставалось всего 240 км. Но Далай-лама и власти Китая воспрепятствовали русским посетить «священный» город. «Трудно описать, — говорит Николай Михайлович в письме к посланнику в Пекине, — с каким грустным чувством повернул я в обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, более счастливый путешественник, докончит неоконченное мною в Азии...»².

Во время этого путешествия он прошел около 8 тысяч км и произвел съемку более 4 тысяч км пути через совершенно неисследованные европейцами районы Центральной Азии. Он нашел два новых вида животных, в том числе и знаменитую «лошадь Пржевальского». Помощник Пржевальского В. И. Роборовский собрал огромную ботаническую коллекцию: около 12 тысяч экземпляров растений 1500 видов.

Собранная в ходе экспедиции зоологическая коллекция, переданная вскоре в музей Императорской Академии Наук России, состояла из 60 видов млекопитающих (в их числе — 200 шкур с черепами), 220 видов птиц (ок. 1200 экз.), 11 видов рыб (до 100 экз.), 20 видов земноводных и пресмыкающихся (до 80 экз.) и около 200 видов насекомых. Гербарий экспедиции, включающий в себя ок. 700 видов растений, поступил в Императорский ботанический сад³.

Главным итогом трех экспедиций Н. М. Пржевальского стали принципиально новые карты Центральной Азии.

¹ The word traveller... P. 345.

² Там же 345.

³ Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг. СПб., 1895. С. 13.

Свои наблюдения и результаты исследований ученый изложил в написанной им в 1883 году книге «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки».

Возвращение в столицу из Тибета в октябре 1880 года было воистину триумфальным. Чествование превзошло все возможные ожидания...

Родной город Пржевальского — Смоленск — преподнес ему грамоту с присвоением звания почетного гражданина. Императорский Московский университет избрал его почетным доктором зоологии и затем, в том же году, он был избран почетным членом Императорского Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербургского Общества естествоиспытателей, Уральского Общества любителей естествознания, Венского, Итальянского и Дрезденского географических обществ и Северо-Китайского отделения Королевского Азиатского общества в Шанхае. Пржевальский благодарил все эти общества, в особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль. «Принимая с благоговейным чувством, — писал он президенту, — столь лестную награду, тем более для меня ценную, что она исходит от ученого общества, плодотворная деятельность которого обнимает обширные страны того же азиатского материка, я прошу вас, милостивый государь, передать членам Королевского географического общества в Лондоне искреннюю мою признательность за столь высокую оценку моих посильных исследований в малоизвестных странах Центральной Азии»¹.

В феврале 1881 года на заседании Императорской Академии наук академик А. А. Штраух заявил, что Николай Михайлович Пржевальский принес в дар Зоологическому музею богатую коллекцию позвоночных животных, привезенную им из последнего путешествия. «Со времени

¹ The word traveller... P. 79.

основания музея никто еще не приносил ему такого ценного и единственного в своем роде подарка», — писал Штраух президенту Академии графу Литке¹. Для ознакомления публики с результатами путешествий Пржевальского была инициирована выставка привезенных из экспедиции коллекций. Экспозиция привлекла многих посетителей, а также внимание императорской семьи. Императрица изъявила желание, чтобы Николай Михайлович в нескольких беседах сообщил Наследнику Цесаревичу главнейшие результаты своих путешествий по Средней Азии. Пржевальский принял это приглашение и до начала лекций преподнес Его Величеству коллекцию птичек, художественно расположенных на дереве.

Страсть к охоте и сокращение лесов в окрестности Отрадного подталкивали Николая Михайловича приобрести себе имение подальше от железной дороги. Он больше чем прежде не выносил многолюдные места, и чаще чем прежде его душа просила «тихий уголок для отдыха среди природы». «Дайте мне, — говорил он, — такой медвежий угол, в который цивилизация не скоро дойдет»².

Вскоре Николай Михайлович приобрел личное имение Слобода в Поречском уезде. Приятели с улыбкой замечали, что с покупкой имения ему недостает только хорошей хозяйки и что ему теперь следует жениться. Николай Михайлович отвечал на это категорически: «Нет! Не изменю я до гроба тому идеалу, которому посвящена моя жизнь. Написав что нужно, снова махну в пустыню, где при абсолютной свободе и у дела по душе, конечно, буду стократ счастливее, нежели в золоченых салонах, которые можно было бы приобрести женитьбой»³.

¹ The word traveller... P. 79.

² Там же. 82.

³ Там же. 82.

«Грустное, тоскливое чувство овладевает мною всякий раз, как пройдут первые порывы радости по возвращении на родину... Истинному путешественнику невозможно забыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить вновь променять удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь».

В 1883 году Пржевальский отправился в свое четвертое путешествие. Кроме соратника и друга, В. И. Роборовского, он взял в помощники 20-летнего вольноопределяющегося Петра Кузьмича Козлова, ранее конторщика пивоваренного завода. В этом молодом человеке Николай Михайлович увидел прирожденного исследователя и, как показало время, не ошибся...

От г. Кяхты, в мае 1884 года путешественники отправились в г. Дзун — в долгий и опасный путь по пескам Тарима и Алашаня, по горам Цайдама и Тибета. Там на них дважды нападали тангуты, нередко обманывали монголы. С лицемерной враждебностью относились к ним китайские власти.

Несмотря на все трудности, экспедиция выполнила свою задачу и завершилась 7 ноября 1885 года в г. Караколе. Итогом двухлетней поездки стало исследование 7815 километров неимоверно трудного пути.

«...Мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Как в прежние разы, так и теперь жалко, больно с нею расставаться, быть может надолго, если только не навсегда», — записал в ходе экспедиции в своем дневнике Николай Михайлович¹.

¹ The word traveller... P. 119–120.

По возвращении в Петербург Н. М. Пржевальский был произведен в генерал-майоры, везде его встречали с восторгом, везде приглашали прочитать лекции: в Главном штабе, Городской думе, Академии Генерального штаба.

Интерес к путешествию Пржевальского увеличивался с каждым разом. Друзья и знакомые также не оставляли его в покое, и Николай Михайлович вскоре начал тяготиться Петербургом. «Пребываю еще в Питере, — писал он А. М. Лушникову, — и мучаюсь, несказанно; не говоря уже про различные чтения и официальные торжества, мне просто невозможно пройти ста шагов по улице — сейчас же узнают и начинают писать разные истории с разными расспросами, приветствиями и т. п. Искренне благодарю за ваше письмо и за поздравление. Только речь о генеральше, вероятно, останется без исполнения... В Центральной Азии у меня много оставлено потомства, — не в прямом конечно, смысле, а в переносном: Лобнор, Кукунор, Тибет и проч. — вот мои детища»¹.

29 декабря 1886 года в день торжественного годового собрания Императорской Академии наук Пржевальскому была преподнесена золотая медаль, выбитая в его честь. На лицевой стороне медали изображен портрет путешественника, с надписью: «Николаю Михайловичу Пржевальскому. Императорская Академия Наук», а на обороте слова: «Первому исследователю природы Центральной Азии 1886 г.», окруженные лавровым венком.

«Есть счастливые имена, — сказал непременно секретарь академии К. С. Веселовский, — которые довольно произнести, чтобы возбудить в слушателях представление о чем-то великом и общеизвестном. Таково имя Пржевальского... Имя Пржевальского будет отныне синонимом

¹ The word traveller... P. 132.

бесстрашия и энергии в борьбе с природой и людьми, и беззаветной преданности науке».

«Вот прекрасный некролог для меня и готов, — повторял Пржевальский под сильным впечатлением этой речи, — теперь я знаю, что скажут после моей смерти...».

В 1888 году увидела свет последняя работа Пржевальского «Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета, и путь через Лобнор по бассейну Тарима».

В июле 1888 года Пржевальский в последний раз приехал в свою любимую Слободу. Он составил подробную инструкцию для управляющего и сделал необходимые хозяйственные распоряжения. Утром 5 августа, не сказав никому ни слова, с опущенной головой, Николай Михайлович вышел через террасу в сад, побывал в любимой хатке, обошел все знакомые места, порою останавливался, словно прощался с родной слободской природой: на глазах у него были слезы... Тяжело расставался с заболевшей няней и с родными, тепло простился со всеми присутствующими, затем вышел на террасу и на одной из колонн написал красным карандашом: «5 августа 1888 г. До свидания, Слобода! Н. Пржевальский». Затем под ним подписались его неизменные спутники Роборовский, Козлов, Телешов, Нефедов. Сев в свою любимую тележку без рессор, Николай Михайлович тронулся в путь, и когда озеро Сапшо стало скрываться, он встал, обернулся назад и сказал: «Ну, теперь прощай, мое озеро!»¹.

В Москве Николай Михайлович получил телеграмму о кончине няни Макарьевны. «Роковая весть, — писал он Е. С. Денисову, — о смерти Макарьевны застала меня достаточно уже подготовленным к такому событию. Но все-таки тяжело, очень тяжело... Ведь я любил

¹ *Kozlov P. K.* In the Asian scopes. M.: Molodaya Gvardia, 1974. P. 149.

Макарьевну, как мать родную... Тем дороже для меня была старуха, что и она любила меня искренно... Прощай, прощай, дорогая! — так и скажите от меня на ее могиле»¹. Начался последний путь ученого к берегу далекого лазурного озера в Средней Азии, где скиталец обрел свое вечное пристанище...

За четыре путешествия Н. М. Пржевальского по Центральной Азии он и его сподвижники собрали фантастический объем научных материалов не только по географии, но и по ботанике, зоологии, геологии, этнографии и истории. В архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге в настоящее время хранятся богатые уникальные рукописи ученого, в том числе 18 его дневников, 16 записных книжек, черновые наброски отчетов, путевые заметки и переписка с учреждениями различных стран и сподвижниками, касающиеся множества отраслей знаний². Многие из этих раритетов ни разу не публиковались. Вполне возможно, их пожелтевшие страницы таят немало неожиданного и интересного, терпеливо ожидая исследователя.

¹ *Kozlov P. K.* In the Asian scopes... P. 149.

² *Колесников А. А.* Фонд Н. М. Пржевальского в архиве Русского Географического общества // Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана. Документы. Материалы. Исследования / ред. А. А. Колесников, В. М. Плоских. Бишкек, 2004. С. 69–71.

III

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ — В ВЕЧНОСТЬ ИСТОРИИ

Как известно, умереть Н. М. Пржевальскому было суждено в 49 лет, на пике взлета своих сил и возможностей, полным творческих планов ученым. Близился к завершению 1888 год. На это время географ намечал одну из самых грандиозных своих поездок вглубь Центральной Азии. Экспедиция под его началом прибыла в Пишпек, чтобы там как следует подготовиться к трудной и опасной экспедиции.

Болезнь и кончина

Надо сказать, страсть Пржевальского-охотника стала здесь для него роковой. В Пишпеке и в Караколе того времени путешественнику не нравилась скученность глинобитных домиков — единственного возможного типа строений для недавно образованных русских селений. О таких местах в своих дневниковых записях путешественник оставил следующую запись: «здесь... мрачно, гадко и выйти некуда; по улицам же шляться я не люблю. Надо посмотреть место за городом, ближе к горам, там поселимся в юртах, по экспедиционному. Оттуда можно сходить и на охоту, в ущелье, устроить облаву на диких коз; тянь-шаньская коза должна быть интересна...»¹.

¹ Козлов П. К. В азиатских степях. М.: Молодая Гвардия, 1974. С. 149.

Погода в октябре 1888 года в Семиречье была по-летнему солнечной. Исследователь Азии не удержался от вожделенной прогулки за дичью по нетронутым камышам долины реки Чу. Однажды, 5 октября, изнемогая от жары, путешественник отведал там сырой воды. Как выяснилось позже, эти места были заражены брюшным тифом. Внезапно заболев смертельным по тем временам недугом, Николай Михайлович попал в Каракольский военный лазарет, расположенный на окраине города. Но 15 октября он имел уже нездоровый вид и впервые пожаловался на нездоровье. Приглашать доктора он не соглашался. «Не в первый раз это, — говорил он, — и так пройдет»¹.

Меньше чем через неделю, 20 октября (по новому стилю — 1 ноября) 1888 года, в 9 часов утра он скончался². Так, на берегу лазурного озера завершился земной путь великого исследователя Центральной Азии.

Несмотря на то, что время пребывания в Кыргызстане Пржевальского было недолгим, оно не прошло для науки бесследно. Ценным артефактом для географов и краеведов стали его меткие, хотя и фрагментарные наблюдения о различных природных явлениях в горном крае, содержащиеся в отчете о Центрально-азиатской экспедиции за 1888 год, в дневниках 1885 и 1888 годов. Таковы, например, описание района перевала Бедель, хребта Какшаал-Тоо, строки о зимующих на Иссык-Куле птицах, жаркой осени и богатых дичью берегах реки Чу, а также точные для своего времени определения высот пунктов, встречах с крестьянами в Токмоке. Также интересно наблюдения путешественника,

¹ В память о Н. М. Пржевальском: Публикации Русского Географического общества. СПб, 1889. С. 46.

² Романовский Г. Д. Сборник документов, Ташкент, 1961. С. 43.

сделанные им о горной вершине, названной впоследствии пиком Победы¹.

У Пржевальского были и широкие замыслы о разнонаправленных исследованиях. Многие неосуществленные планы великого путешественника впоследствии были реализованы его сподвижниками В. И. Роборовским, П. К. Козловым, М. В. Певцовым. Маршруты их проходили в том числе и по землям, составляющим ныне территории Кыргызстана. В трудах этих исследователей встречаются сведения о древностях Семиречья, беглые заметки об экономике края, некоторые заметки, характеризующие образ жизни и нравы местного населения края. Они привлекают внимание многообразием и тонкостью путевых наблюдений о фауне и флоре, местном населении.

М. В. Певцов — достойный наследник Н. М. Пржевальского

Одним из наиболее заметных продолжателей дела Н. М. Пржевальского в Центральной Азии был его давний друг и соратник, один из членов Императорского Русского Географического общества, полковник М. В. Певцов. Он, вскоре после кончины друга, снарядил экспедицию, в состав которой вошли неизменные спутники Николая Михайловича В. И. Роборовский и П. К. Козлов. К числу экспедиторов тогда присоединился видный геолог К. И. Богданович, уже заявивший в то время о себе своими плодотворными геологическими исследованиями в Закаспийской области. При этом численность представителей нижних

¹ Гавриленков В. Русский путешественник Н. М. Пржевальский. М., 1974. С. 62.

чинов конвоя была сокращена с 22 до 12 человек¹, да и сама задача экспедиции была ограничена обозрением горного хребта Кунь-Луня и северной окраины высокого Тибетского нагорья, на пространстве приблизительно от верховья реки Керии до озера Лобнор. При этом экспедиция должна была пересечь по пути туда и обратно Китайский Туркестан по двум неисследованным направлениям, а также по возможности исследовать восточные склоны горных массивов, отделяющих Китайский Туркестан от Русского и дающих начало верховым рекам системы Тарима и Лобнора.

Экспедиция завершилась к 1 января 1891 года пересечением ее участниками государственной границы. Через двое суток, 3 января, экспедиция прибыла на Зайсанский пост. К тому моменту путешественники исследовали около 9600 верст маршрута, определив географическое положение 50 пунктов. В 10 из них они сделали геомагнитные измерения около 350 высот. Кроме того, собрали довольно подробные сведения по общей географии и этнографии края.

Осенью 1891 года поездка завершилась успешно. Тогда, 2 октября, в ходе торжественного Общего Собрания Императорского Русского Географического общества М. В. Певцова приветствовали речью. Виновник торжества при этом сделал интересный доклад о ходе и результатах вверенной ему экспедиции. Позже результаты исследований были обработаны и изданы в двух томах. Второй из этих фолиантов, принадлежащий уже упомянутому нами К. И. Богдановичу, вышел в 1893 году. Первый же том, тщательно выверенный самим М. В. Певцовым, вышел в весьма изящном издании в 1895 году, аккуратно к юбилею общества².

¹ Битюков Г. С. Великий путешественник и географ Н. М. Пржевальский. Фрунзе, 1962. С. 60.

² Гавриленков В. Русский путешественник... С. 135.

Памятник Н. М. Пржевальскому

Выполняя последнюю волю усопшего, его друзья выбрали для могилы ровное место на восточном обрывистом берегу озера Иссык-Куль, между устьями рек Каракол и Карасуу, в 12 км от г. Каракол. Были также изготовлены два гроба: один деревянный, а другой железный — для внешней стороны, приготовили в батарее и убрали их материей и галуном. Местные дамы сделали прекрасный венок из искусственных цветов и возложили его на гроб; солдаты сделали огромный венок и гирлянду из ели, которую так любил покойный. Два раза в день служились панихиды, которые обыкновенно посещались всей интеллигенцией Каракола. Похороны состоялись 27 октября (8 ноября) со всеми почестями при участии почти всего населения города, окрестных деревень и сел: провожавших было много, и все, даже дамы, шли пешком...

Горестная весть о смерти Н. М. Пржевальского молнией облетела весь образованный мир, вызвав скорбь и боль в сердцах людей разных континентов. «Смерть скосила одного из великих людей XIX века»¹, — говорилось в некрологе о кончине путешественника.

Почти через полгода после смерти путешественника, 11 марта 1889 года, Государь Император распорядился переименовать г. Каракол Семиреченской области в город Пржевальск. Позже, в советские времена, генсек И. В. Сталин, несмотря на несогласие ряда его соратников, оставит это название, подтвердив тем самым дань уважения к памяти великого русского путешественника.

Больничный барак госпиталя, в котором скончался Николай Михайлович, был назван баракком «генерал-майора

¹ Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана: документы, материалы, исследования / под ред. А. А. Колесникова, В. М. Плоских. Бишкек: КРСУ, 2004. С. 75.

Памятник Н. М. Пржевальскому. г. Каракол

Пржевальского». В бараке этом, против того места, где умер путешественник, прибита медная доска с надписью «Здесь скончался генерал-майор Пржевальский 20 октября 1888 года в 9 часов утра»¹.

Вскоре начальство Омского военного округа представило проект памятника, состоявшего из пирамиды в 15 сажень высотой. Одновременно с этим товарищ и друг покойного,

¹ *Дубровин Н. Ф.* Н. М. Пржевальский: Биографический очерк. СПб.: Военная типография, 1890. С. 472.

генерал-майор А. А. Билдерлинг, представил свой проект памятника, удостоившийся 21 января 1889 года особой похвалы Его Величества и Высочайшего утверждения¹.

П. К. Козлов, В. И. Роборовский

Достойными продолжателями трудов Н. М. Пржевальского стали также В. И. Роборовский и П. К. Козлов, довершившие ликвидацию «белого пятна» на карте Центральной Азии, известные далеко за пределами нашей страны. Бывшие спутники Н. М. Пржевальского имели хорошую подготовку и опыт учителя, и могли делать самостоятельные маршруты. Благодаря пытливому и любознательному характеру, они рано пристрастились к географическим путешествиям. В то время в ореоле мировой славы был русский путешественник по Центральной Азии Н. М. Пржевальский. Газеты и журналы были полны сообщениями о его географических открытиях. Его портреты печатались почти во всех периодических изданиях. Молодежь с восторгом читала увлекательные описания путешествий Пржевальского, и не один юноша, читая об открытиях и подвигах этого замечательного путешественника, загорался мечтой о таких же подвигах.

И молодой В. И. Роборовский загорелся идеей принять участие в экспедиции, организованной исследователем. Всеволоду Ивановичу повезло: он встретил своего гимназического товарища Ф. Л. Эклона, который был спутником Пржевальского в Лобнорской экспедиции. Эклон представил Роборовского Николаю Михайловичу. Во время первой встречи с известным путешественником 23-летний прапорщик пехотного полка Роборовский был настолько

¹ Дубровин Н. Ф. Н. М. Пржевальский: Биографический очерк... С. 474.

взволнован и смущен, что даже не смог заговорить о том, что волновало его больше всего — о своем желании попасть в состав экспедиции Пржевальского. И только во время одной из следующих встреч он с трепетом в душе сказал Николаю Михайловичу о том, что счел бы для себя величайшим счастьем сопутствовать ему в экспедиции.

Вместо ответа Пржевальский стал рассказывать о трудностях путешествий, рисуя их в нарочито мрачных тонах, присматриваясь к реакции молодого военного. По прошествии нескольких месяцев, после многочисленных встреч и бесед, 22 декабря 1878 года Пржевальский сказал Роборовскому: «Я с Вами хорошо познакомился, долго и различно испытывал Вас, желая узнать Ваш характер, и убедиться, какое дело, какие именно занятия могут быть поручены Вам и, в конце концов, решил взять Вас с собою»¹. Так Всеволод Иванович стал постоянным участником экспедиций Пржевальского в Центральную Азию. Уже во второй своей экспедиции (в четвертой экспедиции Пржевальского) Роборовский стал ближайшим помощником своего учителя. После второй экспедиции Роборовский серьезно занялся научной подготовкой. Много времени он проводил в библиотеках и залах Зоологического музея, в Ботаническом саду, консультировался у ученых-специалистов — он хотел как можно лучше подготовиться к самостоятельным поездкам, обещанным Пржевальским в следующей экспедиции.

В 1892 году в малоисследованные области Средней Азии было решено снарядить две экспедиции. В состав одной экспедиции вошли Г. Н. Потанин, М. М. Березовский и В. А. Обручев. Руководство же второй экспедицией было поручено В. И. Роборовскому. В план экспедиции В. И. Роборовского входило исследование Люкчунской котловины,

¹ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. Фрунзе, 1983. С. 25.

составление естественноисторических коллекций, метеорологические наблюдения, сбор гербариев и фаунистических коллекций, этнографические наблюдения и др. В состав экспедиции кроме самого Роборовского и его ближайшего помощника Петра Кузьмича Козлова входили второй помощник начальника экспедиции, а также переводчик с китайского, губернский секретарь Вениамин Федорович Ладыгин, восемь нижних чинов и двое вольнонаемных.

Во время перехода по Тянь-Шаню продолжительные дожди и низкие температуры заставляли страдать и людей, и животных. Невзирая на трудности, экспедиция продвигалась вперед, собирая по пути коллекции и проводя постоянные наблюдения. Чем дальше продвигались путешественники, тем тяжелее становились переходы по неприступным горам, среди снега и льда, при температуре воздуха — 30—35 градусов ниже нуля и сильно разреженном воздухе.

При этом, едва путники достигали новых мест, все страдания забывались, и чувство восторга охватывало их. П. К. Козлов вспоминал, например, как он и Роборовский любовались с высоты горного перевала «чарующими снеговыми вершинами хребта «Седой дедушка» Амнэ-мачин, многочисленными ущельями, вверху скованными ледниками, а внизу наполненными шумом водных каскадов, обрамленных густой растительностью, под сенью которой скрывались интересные звери и птицы». Во многих необыкновенных местах побывали путешественники и еще много оставалось впереди, но... В ночь на 28 января (поновому стилю — 10 февраля) у Роборовского случился инсульт. Ему было тогда всего-навсего 39 лет. Дело экспедиции, однако, не останавливалось. Козлов ходил на экскурсии и знакомился с обитателями лесов окрестных ущелий. В. Ф. Ладыгин знакомил больного Роборовского с флорой окрестных гор, принося сухие зимние образцы. На восьмой день болезни Роборовского экспедиция повернула в обратный путь. Несмотря на трудности, цель экспедиции была

достигнута. В течение 30 месяцев она проделала огромный маршрут по местам, где еще не ступала нога европейца-исследователя. Топографической съемкой она охватила 28 тысяч километров пути¹.

Итогом поездки стали вывезенные из Центральной Азии богатые коллекции животных, птиц, насекомых, переданные вскоре в Императорскую Академию наук. Помимо того, путешественники привезли завидный гербарий растений, сдав его в Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад. Обработку этих экспонатов производил сам Роборовский под руководством академика С. И. Коржинского. Другим трофеем стала коллекция горных пород, отправленных для обработки в Иркутск геологу и горному инженеру В. А. Обручеву. Кроме того, участники экспедиции привезли образцы старинного письма, монет, книг, рисунков, гончарных изделий, украшений, добытых из развалин древних городов Турфанской котловины. Привезенные им свитки уйгурских рукописей настолько заинтересовали Академию наук, что для детальных исследований была отправлена на место партия специалистов².

В Санкт-Петербург Роборовский и Козлов прибыли в начале 1896 года 13 (по новому стилю — 25) января они были представлены Государю Императору в Зимнем дворце. Государь расспрашивал о путешествии и поздравил Роборовского с получением капитанского звания. Все участники экспедиции были награждены медалями и орденами, а также денежными премиями.

За научную и экспедиционную деятельность Роборовский получил высшую награду Русского Географического общества — Константиновскую медаль и серебряную медаль Пржевальского.

¹ *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта... С. 48.

² *Шнитков В. Н.* Из воспоминаний натуралиста. М., 1958. С. 54.

Н. М. Пржевальский
в «Записках революционера» П. А. Кропоткина

Русского князя П. А. Кропоткина, теоретика анархизма, рядовой читатель знает, как бунтаря и нигилиста, одну из заметных фигур революционного движения XIX—XX столетий.

Между тем, в научных кругах хорошо известно имя «другого» Кропоткина — почетного члена Императорского Российского Географического общества, путешественника и естествоиспытателя, много сделавшего для развития ряда наук. Например, оригинальная идея о межвидовом сотрудничестве животных, изложенная в одном из его научных трудов¹, представляет собой антитезу теории естественного отбора Ч. Дарвина и опровергает тем самым мнение, что наш мир — театр военных действий всех против всех.

Обширные познания П. А. Кропоткина в биологии, геологии и этнографии служили подспорьем его необычной вере. Петр Алексеевич верил, что все мы изначально добры, умны и справедливы. И потому когда-нибудь сможем обходиться без государства, церкви и финансовых воротил². Такую уверенность князь, по его личному признанию, почерпнул в общении с народом во время своих путешествий, предпринимаемых в поисках научных фактов. Надо сказать, что он очень любил путешествовать — особенно по местам, которые обошла цивилизация. И в этом был схож с самым знаменитым российским путешественником конца XIX века — Николаем Михайловичем Пржевальским.

Помимо того, П. А. Кропоткин презирал условности, был заядлым охотником, холостяком и удивительно простым

¹ *Кропоткин П. А.* Записки революционера. Т. I. СПб., 1906.

² *Кропоткин П. А.* Этика. М.: Наука, 1990. С. 78.

в общении, что тоже роднит его с Н. М. Пржевальским. Но как, спрашивается, два столь похожих человека могли не стать, если не друзьями, то хотя бы приятелями...

И действительно, они были приятелями. Об этом Кротопкин пишет в своей книге «Записки революционера»¹. Несколько страниц этого труда, далекого от естественнонаучных изысканий, Петр Алексеевич посвящает Пржевальскому. Вот что, например, вспоминает о нем Кротопкин: «Был я также хорошо знаком с Пржевальским или, точнее Пшевальским, как следовало бы произносить это польское имя, хотя сам он любил выставлять себя «настоящим русаком»². Далее автор утверждает, что энтузиазм его приятеля к исследованию Центральной Азии «был в такой же мере результатом его страсти к охоте на всевозможную, редкую и крупную дичь — гуранов, диких верблюдов и лошадей — как и желания посетить новые, неизвестные еще земли». В подтверждении этого П. А. Кротопкин приводит весьма интересную особенность Н. М. Пржевальского как рассказчика: «когда его убеждали рассказать что-нибудь об его путешествиях, он скоро прерывал свой рассказ восторженным восклицанием: «А что там за дичь! Какая охота!» И он с энтузиазмом принимался рассказывать, как прополз какое-то расстояние, чтобы подобраться на выстрел к кулану»³.

А вот малоизвестный факт. Если верить изложенным в «записках» воспоминаниям Кротопкина, Николай Михайлович порой даже баловался биржевыми спекуляциями. При этом рассказчик признается, что Пржевальский занимался столь странным для путешественника делом совсем не для развлечения, а чтобы заработать на этом

¹ Кротопкин П. А. Записки революционера... С. 13

² Там же. С. 13.

³ Там же.

деньги и прибавить их к достаточно скудным средствам, выделяемым государством на его экспедиции.

Автор «записок» также воздает должное богатырскому здоровью и аскетизму Н. М. Пржевальского. Как пишет Петр Алексеевич, «по крепкому здоровью и по способности выносить суровую жизнь горного охотника, Пржевальский был идеальным путешественником. Такая жизнь была ему по душе»¹.

Теперь — немного о том, чем были П. А. Кропоткин и Н. М. Пржевальский непохожи друг на друга. В отличие от Петра Алексеевича, космополита и убежденного анархиста, Николай Михайлович, скорее всего, верил в позитивную роль армии и государства в деле просвещения азиатских народов, приобщения их к благам цивилизации. Без этого путешественник Пржевальский вряд ли мог бы стать генералом и служить верой-правдой Российской империи, будучи не только ученым, но и военным разведчиком.

Идеал Кропоткина-пацифиста, убежденного в том, что с кем угодно можно «договориться», не прибегая к силе оружия, косвенно изложен в «записках» следующей его ремаркой о Пржевальском: «Первое свое путешествие он сделал в сопровождении всего трех товарищей, и в ту пору он постоянно был в самых лучших отношениях с инородцами. Но когда впоследствии его экспедиции стали принимать более и более военный характер, Пржевальский, к несчастью, стал больше полагаться на силу своего вооруженного конвоя, чем на миролюбивые сношения с инородцами. Я слышал от хорошо осведомленных людей, что если бы он не умер в начале Тибетской экспедиции, — так отлично и так мирно оконченной его спутниками: Певцовым, Роборовским и Козловым, — он, вероятно, все равно не вернулся

¹ *Кропоткин П. А. Записки революционера...* С. 13.

бы из нее в живых»¹. Таким вот пессимистичным был возможный финал жизни великого путешественника, с точки зрения известного анархиста.

А что если судьба позволила бы Кропоткину и Пржевальскому встретиться не в одном из светских салонов Санкт-Петербурга, а во время опасного и трудного путешествия? Могли бы они в такой ситуации сдружиться, стать друг другу соратниками по научной работе? Вопрос этот, полагаем, совсем неоднозначен и под силу он только внимательному и беспристрастному исследователю биографий этих двух великих людей.

«Неудача» Н. М. Пржевальского с лошадью

Заядлый охотник и коллекционер, великий русский путешественник Николай Михайлович Пржевальский за свою недолгую жизнь открыл несколько десятков зверей и птиц, неизвестных ранее науке. Тем не менее, когда говорят о его открытиях в зоологии, обычно вспоминают лишь лошадь Пржевальского. Но самое поразительное то, что эта коренастая приземистая лошадка, обитавшая некогда на просторах от Гоби до Тянь-Шаня, можно сказать, не очень удачный эпизод охотничьих походов Николая Михайловича.

Историю с поимкой лошади Пржевальского он вообще не любил вспоминать, так как путешественнику не удалось самому подстрелить — и тем более, поймать редкую лошадь. Ее шкуру, ставшую вскоре чрезвычайно ценным экспонатом Императорского Русского Географического общества, тот добыл несколько иным способом...

¹ *Кропоткин П. А. Записки революционера... С. 14*

¹⁰ Том VII. В. М. Плоских

Дело было в один из бесконечных дней третьей экспедиции Н. М. Пржевальского. Пробираясь через пески пустыни Гоби в Тибет, путники стойко терпели зной и удручающее однообразие ландшафта. И тут, перевалив через бархан, они увидели нечто диковинное: табун похожих на пони лошадок, крепких, большеголовых. Рыжевато-желтых, с жесткими «щетками» коротких грив и темными «чулками» на ногах... Тонкие хвосты с пышными кисточками делали их похожими на осликов. Вот так пони среди безлюдных песков!

Николай Михайлович знал, что делать при виде незнакомого науке животного — недаром по пятам за экспедицией шел караван верблюдов, навьюченных шкурами, скелетами и рогами. Привычным движением вскинул Пржевальский свой штуцер, нажал на курок и... осечка.

Несмотря на то, что спусковой крючок ружья щелкнул совсем тихо, вожак табуна встрепенулся, заржал, и вся ватага редких лошадок умчалась прочь. Какой настоящий охотник смирится с такой неудачей?.. Так, неспешная и обстоятельная до этого момента экспедиция превратилась в многодневную погоню за диковинным экземпляром. День за днем, неделю за неделей гнался Николай Михайлович на своем верблюде за табуном по волнистой пустыне Джунгарской Гоби. Но чуткий вожак лошадок не подпускал охотника даже на расстояние выстрела. Пока путешественник гнался за строптивыми скакунами, он успел изучить многие их повадки. Например, увидел однажды, как кобыла забила своими копытами волка, рискнувшего напасть на ее жеребенка. Ай да «пони»! Сколько смелости и прыти в этой невзрачной коренастой лошадке...

Так и не далась Пржевальскому «его» лошадь. Однажды тот все-таки смог подобраться к ней на расстояние выстрела — приблизительно на 500 метров. Неслышно волоча по песку свой штуцер, путешественник вскинул

ствол, но чуткий вожак вновь сумел предупредить табун об опасности.

Напрасно товарищи пытались уговорить Николая Михайловича не тратить драгоценное время экспедиции на погоню, хотя резон для этого был серьезный: в пустыне приближался сезон песчаных буранов. Перспектива попасть в один из них означала для членов экспедиции верную смерть. Даже столь веская причина не останавливала охотника...

Заставить его не продолжать погоню помог случай. Товарищ путешественника Федор Эклон обнаружил шкуру диковинной лошади в жилище одного из местных кыргызов. За две пригоршни крупной дробы владелец отдал шкуру новому владельцу. Тот, не подозревая, что за этот «подарок» уже заплачено, на радостях одарил кыргыза ружьем. И в этом он был прав, потому как привезенная экспедицией в Санкт-Петербург шкура вызвала не только фурор в научных кругах, но и прославила ученого в веках. Ведь во время погони Николай Михайлович успел описать не только внешний вид неизвестного науке животного, но и его повадки.

В итоге вышло, что Пржевальский открыл единственную в мире дикую лошадь. Американский мустанг не в счет: его предки, как известно, были обычными ездовыми лошадками, завезенными европейцами на континент. Вскоре лошадей Пржевальского заинтересовались дарвинисты, полагая, что она и есть недостающее звено между доисторическим осликом и резвым скакуном бронзового века. Правда, в XX столетии ученые выяснили, что эта лошадь — никакой не родственник ослу: даже число хромосом у них разное, а сходство ее хвоста с ослиной кисточкой при близком рассмотрении оказалось обманчивым. Но в XIX веке этого не знали. Поэтому все были довольны, кроме самого Н. М. Пржевальского. Его самолюбие охотника осталось

уязвленным: не удалось первооткрывателю подстрелить дикую лошадь — не говоря о том, чтобы привезти домой парочку ее живых экземпляров.

Это сделали за ученого уже в XX веке. И, надо сказать, вовремя, так как к тому времени в дикой природе почти не осталось лошади Пржевальского. Последний ее экземпляр видели в Джунгарской Гоби в 1968 году. Выяснилось, что в неволе такая лошадка размножается неохотно. Первое потомство принесла в СССР кобыла по имени Орлица, подаренная правительством Монголии К. Ворошилову. Почти все нынешний особи, а их в зоопарках мира насчитывается около тысячи, — потомки той самой Орлицы.

Время от времени лошадь Пржевальского пытаются выпустить на волю то в Монгольский национальный парк Хустан-Нуру, то в китайский заповедник Тахин-Тал... И у нас в СНГ, на Украине, недавно предприняли такую попытку — выпустили парочку лошадей в чернобыльскую зону отчуждения. Отразится ли радиация на генотипе животного — большой вопрос. Но, по крайней мере, браконьеры лошадям там не грозят...

IV

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Имя Николая Михайловича Пржевальского, знакомое с детства не только любителям путешествий, безусловно, не было бы столь известным, не оставь он после себя записи о своих исследованиях. К счастью, это бесценное наследие сохранилось и радует своим обилием продолжателей дела великого путешественника. Наиболее известны среди таких документальных свидетельств опубликованные еще при жизни автора описания его знаменитых путешествий по Уссурийскому краю (1867—1869) и по Центральной Азии (монгольское путешествие 1870—1873 гг., лобнорское и джунгарское путешествия 1876—1879 гг., первое (1879—1880) и второе (1873—1885) тибетские путешествия). Все эти отчеты увидел свет благодаря Императорскому Русскому Географическому обществу (ИРГО), почетным членом которого был герой нашего повествования. Оно сыграло величайшую роль в его судьбе как ученого. Именно благодаря его членству в этой уважаемой организации мир узнал о величайших открытиях первого исследователя Центральной Азии. В трудах общества публиковались отчеты и результаты о проделанных путешественником экспедициях. Впоследствии, как мы знаем, в честь Н. М. Пржевальского была даже выбита его именная золотая медаль...

Теперь — о менее известных широкому кругу читателей записях Пржевальского. Огромное количество таких и до настоящего времени продолжает оставаться неизученным и неопианным. Большая часть таких документов и материалов не только не публиковалась, но даже не была приведена в научный оборот. А между тем, выход в свет

уникальных работ Николая Михайловича, его дневников, путевых заметок и черненных набросков могло бы по-новому представить личность выдающегося ученого.

В этом отношении особый интерес представляют материалы фонда Н. М. Пржевальского в архиве главного наследника ИРГО – нынешнего Русского географического общества.

Расскажем теперь об одном из подразделений этого общества, Фонде Н. М. Пржевальского, находящемся ныне в Русском географическом обществе. Он включает в себя три описи. Первая содержит труды по географии, орнитологии, ботанике, климатологии, метеорологии, геодезии, а также дневники, записные книжки, отчетные докладные записки, рапорты и другие материалы. Всего там 248 единиц хранения датированных 1860–1989 годами¹.

К числу неизвестных и малоизвестных работ Н. М. Пржевальского, безусловно, можно отнести и его рукописи «Заметки по геологии и астрологии» (1864 г.), «Заметки о ботанике» (1866 г.), «Русские и корейские поселения на реке Беле Хэ» (1867 г.), а также «Материалы по библиографии Китая, Тибета и Монголии» (1885 г.) и лекции ученого, прочитанные им в Варшавском юнкерском училище в период 1866–1867 годов².

Помимо 18 дневников и 16 записных книжек Н. М. Пржевальского, часть из которых была опубликована еще при жизни автора, большой интерес исследователя не могут не представлять многочисленные наброски, записки, конспекты путешественника, касающиеся самых различных отраслей знаний.

¹ Н. М. Пржевальский и русские исследователи Кыргызстана: документы. Материалы. Исследования... С. 185.

² История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества / сост. Семенов П. Л. Ч. III. Отдел V. СПб., 1896. С. 145.

Среди таких записей в фондах архива сохранились рукописи фундаментальных отчетов Н. М. Пржевальского в Главный штаб «Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края» (1869 г.), «О современном состоянии Восточного Туркестана» (1877 г.).

К слову, в отдельном исследовании, не входящем в цели нашей работы, содержится интересная рукопись, раскрывающая личность Н. М. Пржевальского в несколько непривычной для широкого круга его почитателей ипостаси военного разведчика. Таковы пять глав его секретной записки «Новые соображения о войне с Китаем»¹.

Фонд содержит немало писем — как самого Николая Михайловича, так и адресованных ему посланий. Всего в хранилище насчитывается 334 адресата. В их числе П. П. Семенов, генералы Л. Драгомилов и Г. Колпаковский, консул в Кашгаре Н. Петровский, фельдмаршал Д. Милютин, начальник Главногр штаба Н. Обручев и многие другие выдающиеся люди того времени. Особую ценность представляет собой опись № 2, где содержатся 322 письма от разных лиц и учреждений. В этих небольших по объему, но чрезвычайно ценных записях Николай Михайлович раскрывается таким, каким его впоследствии характеризует другой известный исследователь Центральной Азии, Юрий Николаевич Рерих, причисляя Н. М. Пржевальского к плеяде смельчаков, «бросивших вызов Природе, ради новых открытий и новых знаний»².

Немалый интерес также представляет переписка путешественника с графическими обществами в Берлине, в Вене, Лондоне и Париже. Отдельным блоком выступают

¹ Отечественные экономико-географы XVIII–XX вв. / под ред. Н. Н. Баранского, Н. П. Никитина, Ю. Г. Саушкина. М., 1957. С. 176.

² *Рерих Ю. Н.* Экспедиция академика Рериха в Центральную Азию // Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия : статьи, лекции, переводы. Самара, 1999. С. 37.

письма Н. М. Пржевальского к учреждениям и отдельным лицам, написанные им в ходе ряда путешествий. Сохранилась также произведенная в период 1870–1883 годов весьма интересная переписка Николая Михайловича с Военным министерством и Главным штабом армии России. Есть в фонде также несколько десятков писем от матери путешественника и его братьев.

Впечатляет обилие посланий между Н. М. Пржевальским и его товарищами по путешествиям. Так, например, сохранилось 15 писем П. К. Козлова, 14 писем В. И. Роборовского, 36 писем казака П. Телешева, а также М. Усольцева, П. Чебаева, Ф. Эклона, А. Юсупова и поручика Н. Ягунова, других офицеров и представителей нижних чинов, сопровождавших выдающегося исследователя в его странствиях.

В описи под № 3 собраны черновики телеграмм, писем и докладных записок Пржевальского в разные учреждения и к отдельным лицам. Они насчитывают 73 адреса. Достаточно интересны написанные в период с 1875 по 1881 года письма в Академию наук и докладная записка по поводу путешествия в Тибет, а также рапорты в Главный штаб армии.

Полагаем, особого исследовательского внимания достойна переписка Николая Михайловича с генерал-адъютантом Г. Даниловичем, воспитателем детей императорской фамилии. Среди таких посланий есть черновик письма на имя Николая II, тогда еще цесаревича, с которым, как известно, путешественник имел теплые и дружеские отношения.

Заслуживает нашего упоминания и солидная подборка подготовленных лично Пржевальским вырезок из русских газет и иностранных журналов. В этом разделе содержится также 12 рисунков В. И. Роборовского, спутника Пржевальского.

Есть среди документов и материалов более 100 диапозитивов фотографий, сделанных исследователем во время его путешествий.

Уникальные материалы фонда Н. М. Пржевальского в архиве Русского географического общества, разумеется, ждут новых исследователей. Они, полагаем, непременно поведают широкому кругу общественности новые факты жизни и деятельности великого ученого.

Что немаловажно, многочисленные дневники, письма и путевые заметки Николая Михайловича стали основательным научным фундаментом для новых научных открытий Средней Азии, которыми так богато представлен последующий XX век.

V

ИССЫК-КУЛЬСКИЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

В советские времена, когда власть старалась не вспоминать имена многих известных и уважаемых в дореволюционной России людей, имя Николая Михайловича Пржевальского стало редким исключением из этого правила. Такова дань заслуженного уважения и памяти великому ученому и путешественнику.

Кому-то из советских чиновников, возможно, и хотелось принизить историческую роль «царского генерала» Пржевальского, но значимость его миссии не вызывала сомнения. Была она защищена и непререкаемым долгие годы авторитетом: никто иной, как товарищ И. В. Сталин, в свое время распорядился, чтобы город Каракол был переименован в Пржевальск.

Впрочем, последующие советские руководители вполне признавали значимость Николая Михайловича в истории страны и края. Потому как в 1957 году — через четыре года после смерти «отца народов» — произошло не менее интересное событие, подтверждающее положительное отношение советской власти к заслугам Н. М. Пржевальского. Решением правительства Киргизской ССР был основан Мемориальный комплекс великого исследователя Средней Азии. С тех пор комплекс включает в себя могилу, памятник и музей известного ученого.

Открытие памятного места, дорогого для последователей и почитателей Николая Михайловича, состоялось 29 апреля 1957 года.

К 1960 году фонд музея уже насчитывал уже 386 экспонатов. У истоков его формирования был Краеведческий музей г. Пржевальска, передавший в 1957 году 8 трудов

ученого, изданных в период с 1883 по 1947 год, а также 30 фотокопий и фотографий. Кроме того, материал для пополнения фондов музея поступал из архива Географического общества СССР.

Через год после официального открытия комплекса музей пополнился 14 картинами художников Гладкова, Харламова, Васильева, а также изготовленными в Киргизской ССР чучелами животных и птиц. А в городе Ленинграде, в букинистическом магазине, сотрудники приобрели 10 раритетных книг. Так, собранный по крупицам музейный фонд составил более чем 1910 экспонатов.

Добавим, что наибольшую ценность для музея представляют личные вещи и подлинные фотографии путешественника, а также изданные еще в XIX веке труды его соратников и последователей — В. И. Роборовского, П. К. Козлова, Г. Н. Потанина, Г. Е. Грумм-Гржимайло. Например, фонд музея пополнился личными вещи Николая Михайловича, переданные его родственником Михаилом Владимировичем Пржевальским. В числе таких экспонатов — кожаный кошелек, малахитовый камень с факсимиле Н. М. Пржевальского, визитная карточка, записная книжка с карандашом, металлическая линейка, китайский перочинный ножичек, посылочный ящик с инициалами путешественника и сургучной печатью и др.

А супруга близкого друга и соратника Н. М. Пржевальского Н. К. Козлова, Елизавета Владимировна Козлова, подарила подлинные фотографии Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова, а также китайский курительный прибор и монгольскую металлическую пепельницу.

Теперь — о самом ценном экспонате музея, ружье, принадлежавшем путешественнику. В 1883 году, готовясь к четвертому путешествию в Тибет, он заказал для участников экспедиции несколько стволов огнестрельного оружия известному оружейному мастеру Василию Васильевичу Лежину — сыну Василия Лежина, выходца из Швейцарии,

который еще в начале столетия основал оружейную мастерскую в Санкт-Петербурге. К концу 1883 года мастер изготовил ружья для участников экспедиции, в том числе и для Пржевальского.

Части ружья покрыты великолепной гравировкой, выполненной в виде медальонов, на которых изображены головы лани, лисицы, гончей собаки и кабана. Под шейкой ложа, на хвосте спусковой скобы, имеются инициалы автора (В. Л.), номер оружия (№ 836) и инициалы Н. М. Пржевальского. Под прикладом на серебряном щитке красуется надпись: «Экспедиция Пржевальского».

Судьба раритета, пока он не стал экспонатом музея, такова. Возвратившись в 1885 году из экспедиции, Николай Михайлович подарил ружье начальнику охраны Г. Иванову. Затем оружие случайно попало в частную коллекцию уральского казака Ф. Стягова. Тот и представил его в 1891 году на Международной Московско-Парижской выставке редкого оружия.

Организаторы и посетители высоко оценили экспонат, чему стала свидетельством следующая деталь его нынешнего убранства. На ружейном прикладе сохранилась медаль, на которой написано по-французски: «Мир — Труд. 1891 год. Москва — Париж», изображены гербы Москвы и Парижа.

В 1919 году сын Стягова попытался вывезти ружье в Турцию, но оно было конфисковано и совершенно случайно попало в руки офицера грузинской гвардии. У него раритет перекупил коллекционер исторического оружия, впоследствии оружейный энциклопедист В. Е. Маркевич. Лишь в 1957 году музей приобрел у него эту бесценную реликвию.

Ныне экспозиция мемориального комплекса представляет собой внушительный по размерам выставочный павильон, площадью в 400 кв. м., состоящий из 10 разделов. Помимо посвященных непосредственно жизни и деятельности

Н. М. Пржевальского, есть разделы о жизни его сподвижников П. К. Козлова, В. И. Роборовского и др.

Помимо того, в экспозиции достаточно широко представлена фауна Кыргызстана.

Разумеется, центральным местом мемориального комплекса, вызывающим наибольший интерес посетителей, остается могила Н. М. Пржевальского. Напомним, что желание быть похороненным на берегу озера Николай Михайлович высказал незадолго до своей кончины. Как отметил впоследствии в своих записях его близкий друг П. К. Козлов, «идея, связанная с этим желанием, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. В русском народном творчестве сказочный русский богатырь желает быть похороненным на перепутье, как бы указывая своею могилою на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним»¹.

¹ *Козлов П. К.* Николай Михайлович Пржевальский. Первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913. С. 84.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. М. Пржевальский. Очерк современного положения Центральной Азии

Причины малолюдия этой страны. — Общая характеристика здешних народов. — Их малые задатки к прогрессу. — Непрочность китайского владычества. — Престиж России. — О войсках китайских. — Наши отношения к Китаю.

Причины малолюдия этой страны

На обширном пространстве Центральной Азии, раскинувшейся от крайних сибирских гор на север до Гималаи на юг, от меридионального хребта Большой Хинган и пограничных к стороне Гоби и Тибета хребтов Собственного Китая до Памира, западного Тянь-шаня и Тарабагатая на западе, всего на площади около 120000 кв. геогр. миль, ныне обитают, как известно, три главные народности: монголы на севере, тангуты или тибетцы на юге и туркестанцы на западе; спорадически еще живут здесь по оазисам китайцы и дунгане, а на западной окраине кое-где кочуют киргизы. Общее число всех этих народов, вероятно, не превосходит восьми—девяти миллионов¹ — цифра ничтожная

¹ По следующему приблизительному расчету: Монголия 3—4 милл., Тибет 1½ — 2 милл., Восточный Туркестан 2 милл., Чжунгария ½ милл., оазисы Восточного Тянь-Шаня и вдоль северной подошвы Нань-Шаня — 1 милл. Точных сведений о количестве населения этих стран не имеется.

сравнительно с обширностью описываемой страны. Но ее физические свойства роковым образом определяют такое малолюдие. За исключением немногочисленных оазисов, вкрапленных островками у подножия гигантских горных хребтов, здесь нет других мест для оседлой культурной жизни. Даже для кочевников с их стадами Центральная Азия дает сравнительно мало привольных пастбищ, и то только на своей северной да восточной окраинах. Все остальное, приблизительно $\frac{4}{5}$ общего пространства вышенамеченной площади, заполонила пустыня¹, в которой лишь кое-где ютится неприхотливый кочевник. Многие же части этой пустыни, каковы: нагорье северного Тибета, болота Цай-дама, сыпучие пески Тарима, Ала-Шаня и Чжунгарии, галечные или глинистые площади центральной Гоби и обширные солончаки в других ее частях, вовсе непригодны для человека.

Но если Центральная Азия часто представляет на целые сотни, даже тысячи квадратных миль, абсолютную пустыню, зато в местах, хотя мало-мальски возможных для обитания, она населена от времен глубокой древности. Весьма выгодные условия для скотоводства, как-то: сухой климат, отсутствие снега зимой и докучных насекомых летом, обилие соли в почве, кормная, хотя с виду невзрачная трава местами и хорошие пастбища, наконец сравнительно ничтожный здесь уход за скотом — все это еще в глубокой древности манило человека-дикаря отделиться пастушескому быту и в ленивой, но достаточно обеспеченной жизниномада искать возможного удовлетворения

¹ Необходимо строго различать термины «степь» и «пустыня», которыми так часто злоупотребляют. Гоби лишь на северной и восточной окраинах представляет собой степь; вся остальная ее площадь, с включением бассейна Тарима и Чжунгарии — пустыня. Нагорье Тибета, за небольшими исключениями, также пустыня, хотя иного характера, чем Гоби.

своих неприхотливых стремлений. Тем более, что среди таких условий и обстановки жизни не требовалось ни особенной энергии, ни особенных индивидуальных качеств. «Борьба за существование» являлась здесь более пассивной, чем активной, и притом укладывалась в неширокие рамки однообразной обстановки быта и однообразных физических условий природы. Вот почему в пустынях Центральной Азии, несмотря на баснословное местами обилие зверей, которых в древности, несомненно, было здесь еще больше, человек миновал первую ступень своего общественного развития, не сделался охотником, как в соседних лесах Сибири, но обзавелся стадами домашнего скота и в зависимость от него поставил все свое существование. Охота явилась затем как подспорье, или как развлечение, не более. Конечно, вначале занимались лучшие степные местности, а затем по мере размножения стад, равно как и самих номадов, — в виде ли их естественного прироста или прилива новых племен, — кочевая жизнь захватывала все больший район, не пренебрегала даже скудными угольками пустыни и расплылась по ней во все стороны. Но в те далекие от нас времена, как и теперь, особенно расплодиться кочевникам было невозможно, ибо не доставало корма для их многочисленных стад. Периодические выселения к западу, повальные болезни скота и войны, кончавшиеся беспощадным истреблением побежденных — вот те факторы, которые по временам возникали как роковая необходимость и приводили к возможной для существования норме кочевое население степей и пустынь Центральной Азии. Здесь и теперь все места, годные для пастбищ, заняты; подножный корм ежегодно поедается стадами кочевников и дикими зверями до последнего клочка; скудное население обширных пространств не может значительно увеличиться без ущерба для благосостояния многочисленных стад, а, следовательно, и самих номадов.

С другой стороны, в тех крохотных клочках-оазисах, которые разбросаны по Центральной Азии у подножия двух главных ее хребтов, Тянь-Шаня и Куэнь-люня, и представляют собою единственные уголки, годные для оседлой жизни, с глубокой древности все уже переполнено; каждый орошаемый клочок земли занят, ни одно ведро воды не льется даром; население давным-давно стало в уровень с производительностью почвы; прибавить лишних ртов нельзя. Возможны только, как и было в действительности, периодические истребления, а затем размножение вновь или занятие опорожненных мест пришельцами.

Таким образом, Центральная Азия, несмотря на свою громадную площадь, представляет весьма мало местностей, годных не только для оседлой, но и для кочевой жизни. Скучная цифра здешнего населения не может увеличиться значительно, ибо пустыня останется непригодною для человека навсегда.

Общая характеристика здешних народов

Народы, обитающие в той же Центральной Азии, несмотря на различие рас, языка, религии и образа жизни, представляют, как и другие азиатцы, много общего относительно своего характера, умственных и нравственных качеств. На всей духовной стороне человеческой природы здесь лежит одинаковая печать вялости, нравственной разнузданности и косности. Исключительные условия исторической жизни, в которой вековое рабство являлось главнейшим стимулом общественного строя, выработали у азиатцев в большинстве случаев отвратительное лицемерие и крайний эгоизм. Не менее выдающимися чертами характера служат также лень и апатия. Не говоря уже про номадов, вся жизнь которых состоит из полного

¹¹ Том VII. В. М. Плоских

ничего неделания, даже у жителей оседлых лень проглядывает во всем, что только не касается удовлетворения насущных потребностей жизни. «Время не деньги» — этот извращенный американский девиз проходит сплошь не только по Центральной, но и по всей Азии вообще. От пределов Сибири и Туркестана до глубины Тибета мы постоянно слышали у туземцев слова «потихе» и «по-маленьку», а никак не «поживее» или «поскорей». «Хорошие люди никогда не торопятся; это делают только люди дурные, как воры или разбойники при своих похождениях», не один раз говаривали нам монголы и тангуты. Сообразно такому складу понятий, везде среди азиатцев большим уважением пользуется апатичность и тупая лень, в особенности богатого человека¹. Таковы в огромном большинстве случаев монгольские или тангутские князья и даже киргизские бии, богатые купцы среди сартов и китайцев. Вообще азиатец в своем житейском идеале стремится достигнуть всевозможного — соединить благоденствие с отсутствием энергичного труда. Номады частью приблизились к разрешению такой задачи тем, что жертвуют в пользу лени удобствами жизни.

Из той же лени и пассивности характера вытекает отсутствие стремления к прогрессу и крайний консерватизм всех вообще азиатцев. В глазах их свобода не имеет ровно никакой цены. Известно, что в Китае даже нет слова для выражения понятия «гражданская свобода». Замечательно, что и народные вспышки в Азии проявляются обыкновенно лишь против отдельных личностей, так или иначе навлекших на себя негодование массы, но не против самого принципа деспотизма. Дикий азиатец инстинктивно сознает, что для его грубой природы истинная свобода

¹ Так, например, пешеход всегда в презрении у азиатца. По его понятиям такой человек настолько беден или дурно воспитан, что заставляет себя трудиться пешею ходьбой.

была бы гибелью, ибо у народов, неподготовленных к высокой государственной жизни, другими словами — варварских, общественные вольности легко могут превратиться в анархию.

Рельефную также черту характера азиатцев составляет, как выше упомянуто, их нравственная распущенность, которая еще сильнее проявляется здесь у народов оседлых. Да и вообще лишь на чувственной мерке основаны в Азии все отношения между мужчиной и женщиной; эта последняя — товар или рабочий скот, не более. Семейная жизнь построена на крайнем деспотизме мужа относительно жены и детей. Грубое удовлетворение физических желаний и страстей — главная задача жизни каждого азиатца. В основе характера этот человек — эгоист чрез край; свое «я» у него всегда на первом плане, высшие чувства чести, долга, нравственности здесь неизвестны; наоборот, лицемерие и хитрость считаются лучшими достоинствами человека.

В прирожденных умственных способностях, преимущественно в здравом смысле, нельзя отказать азиатцам, тем более оседлым жителям Центральной Азии. Номады, в особенности монголы, в этом отношении стоят гораздо ниже; притом их мыслительные способности о многом имеют чисто ребяческий характер. Но опять-таки, даже при хороших умственных средствах, азиатец употребляет свои дарования почти исключительно на мелкие житейские дела, так что человек способный делается здесь почти всегда только ловким проходимцем. Стремления к науке, жажды чистого знания у азиатца нет и в помине. Да и сама наука представляет здесь, как известно, преждевременно замороженный зародыш, у которого развился лишь один отпрыск — религиозные доктрины. Они-то и породили абсолютный фанатизм магометан и аскетическое ханжество буддистов. В Китае же, при исключительных условиях многовековой жизни этого государства, практически

выработался широкий атеизм. Зато на лучшей сравнительно почве китайского здравомыслия, еще в глубине веков, появились некоторые зачатки науки, но не обновляемые иноземными сношениями и, как результатом их, приливом новых знаний и опыта — остановились на полпути своего развития, или чаще остались лишь в зародыше и улеглись в мертвые, раз зауроченные, формы.

Отметив затем мимолетность впечатлений при отсутствии сосредоточенности вообще и прирожденную трусость, как характерные черты каждого из азиатцев, можно заключить довольно длинный перечень отрицательных качеств народов Центральной Азии.

Гораздо сокращеннее получится реестр похвальных проявлений умственного и нравственного склада азиатцев. При этом необходимо опять отличать жителей оседлых от кочевников. Если первые превосходят последних умственными способностями, то в свою очередь кочевники, в особенности монголы, имеют больше добрых сердечных качеств. Так, у кочевников семейная жизнь зиждется на более искреннем чувстве супругов, и отношения отца к детям намного мягче, чем у жителей оседлых. Кочевник вообще гораздо откровеннее и добродушнее; гостеприимство считается здесь священной обязанностью. Воровство у кочевников составляет редкое преступление, а честность в исполнении данного обещания строго соблюдается даже у разбойников тангутов. Проституция, эта язва цивилизованного общества, у кочевников вовсе неизвестна. В большинстве случаев богатый помогает здесь бедному, да и разница в быте того и другого не слишком велика при невозможности излишнего комфорта.

У оседлых жителей Центральной Азии, помимо гораздо лучших прирожденных умственных способностей, чем у кочевников, мирные домовитые склонности составляют весьма заметную черту характера. Такое качество, при полном отсутствии пьянства, обуславливает сравнительную редкость

не только крупных преступлений, но даже заурядных драк. Воровство здесь также мало распространено, в особенности среди деревенского населения, которое, как и у нас, гораздо нравственнее городского. Словно муравей копается оседлый азиатец на своем миниатюрном поле или в саду; кропотливая работа, не требующая излишнего напряжения физических сил, как раз по сердцу этому человеку. Он довольствуется сравнительно малым, не предъявляет жизни особых требований и счастлив по-своему, лишь бы оставаться в покое. Как у номадов, так и здесь старейшие пользуются полным уважением; их советы решают общественные дела. Вообще у азиатцев широкий деспотизм правителей уживается рядом с выборным началом общинного строя.

Их малые задатки к прогрессу

Если взвесить данные pro и contra вопроса о том — способны ли народы Центральной Азии к прогрессу в смысле восприятия и усвоения европейской цивилизации, то мне кажется, всего скорее можно прийти к отрицательному ответу. Обратившись сперва к номадам, не трудно заметить, что все условия их жизни, способностей и характера сложились как раз наперекор прогрессу. Дикая природа пустыни, нигде не дающая простора деятельности человека, наоборот, всюду приводящая его лишь к пассивной выносливости, выработала и закрепила вполне пассивный характер своего обитателя. Никогда и нигде от него не требуется здесь активной энергии: выносить постоянно холода, жару, бури и другие климатические невзгоды можно лишь пассивно; ездить по целым месяцам шагом на верблюде, терпеть при этом голод и жажду, можно также лишь пассивно; созерцать всю жизнь одну и ту же бесплодную пустыню нужно пассивно и т. д. При таких условиях жизни

энергичный характер не только не пригоден, но послужит даже во вред индивидууму — он скоро сломится, скоро погибнет в неподходящей для него борьбе. Как для всякой грубой работы, здесь нужен не острый резец, а тупое прочное долбило.

Невозможно также при столь неблагоприятной обстановке выработаться и умственным способностям человека. Нет к тому достаточных мотивов, нет почвы для упражнения, а, следовательно, и для развития ума. Вот почему номад от века был и есть по своим понятиям и способностям, в лучшем случае, ребенок, по большей же части чуть не идиот. В сфере раз зауроченной деятельности он проявляет инстинктивную сметку, но вне будничной обстановки, в большинстве случаев, теряет и эту ничтожную способность.

С другой стороны, у номадов нет стимулов, понуждающих к восприятию так называемых «благ цивилизации» и в самом строе их общественного быта. Кочевник почти без всякого личного труда достаточно обеспечен стадами, которые дают все необходимое для его неприветливой жизни. Произвол правителей, каковы князья, ханы и другие административные личности, здесь менее чувствителен, чем роковой деспотизм горькой нужды и тяжелого труда, неотразимо тяготеющих над рабочими массами государств европейских. Что же касается высоких даров науки и истинного знания, то ведь эти блага составляют достояние сравнительно немногих даже в странах самых образованных. Для массы они не могут быть доступны, ей перепадает лишь крохи со стола избранников.

Вообще позволительно не только сомневаться в возможности для номадов перехода в цивилизованную жизнь, по каким бы то ни было рецептам, но вернее даже утверждать полную непригодность этих племен к такой метаморфозе. Как баран не может быть выдрессирован наподобие легавой собаки, так и кочевник, умственно тупой, ленивый

и апатичный, не способен, по самому складу своей природы, переделаться в энергичного цивилизованного человека. В немногих исключительных случаях из него выйдет разве ворона в павлиньих перьях, не более. Да и к чему номаду лезть в омут цивилизованной жизни, если и теперь в своих пустынях он обитает счастливо по-своему? Никому он не мешает, ни от кого ничего не требует, живет исключительно в себе и для себя. Под общий уровень той мерки, которая называется европейской цивилизацией, не к чему, не для чего, да и невозможно подвести все без исключения народы. Каждому из них свое место, свой удел на общей арене человеческой жизни. Как в природе мы видим, что высшие организмы не исключают совместного существования организмов низших, так и в человеческой семье имеют неотъемлемое право на самостоятельную жизнь и старшие, и младшие братья. Излишняя опека первых над последними едва ли поведет к добру; известно, что «у многих нянек дитя нередко выходит уродом». Гораздо скорее цивилизация, вместо ожидаемых благ, принесет номадам одни беды — убьет их нравственно и не воскресит умственно. Живой тому пример можно теперь видеть в Центральной Азии, как на нашей, так и на китайской окраинах Монголии. Там и здесь монголы по своему характеру далеко не походят на обитателей более удаленных частей Гоби. Они заимствуют от своих соседей, прежде всего, дурные стороны жизни, безвозвратно теряют свою простоту и добродушие, но всецело сохраняют прежнюю лень и другие пороки, так что в конце-концов превращаются в никуда негодных вырожденков; личности же более способные обыкновенно делаются полными негодьями.

Обращаясь затем к оседлым жителям Центральной Азии, общая характеристика которых, как уже было выше замечено, в значительной степени приложима и к другим культурным народам того же материка, следует помнить, что по многим данным истории, нации, как и индивидуумы,

переживают сходные стадии развития от начала до конца своего существования. И как в единичном организме известный возраст определяет большую или меньшую напряженность различных его функций, так и в организме социальном, в зависимости от хода его развития и от внешних условий существования, проявляются и вырабатываются те или другие способности и склонности, определяющие собою историческую жизнь народа. Правда, не всегда и не везде такой закон идет обычным чередом. Набегающие извне случайности или внутренние недостатки уклонения нередко видоизменяют, сокращают или даже вовсе устраняют известный цикл народного развития, так же как и патологические изменения нарушают обычный ход индивидуального организма. Но несомненно, что возвращение к пережитым стадиям развития невозможно как для отдельных личностей, так и для целых наций.

При оценке с такой точки зрения общественного строя и характера культурных народов Центральной Азии, с достаточным вероятно можно сказать, что они весьма мало имеют шансов вступить когда-либо на путь европейской цивилизации. Непроходимая пропасть лежит между внутренним миром европейца и азиатца; они во всем чужды друг другу и едва ли когда могут сделаться родными братьями. Притом для переработки в новую жизнь нужны не дряхлые, а свежие, непочатые силы. Их-то и нет, не только у описываемых, но и у всех азиатских народов вообще. Как отживший свое старик неудержимо близится к концу, понемногу превращаясь в ребенка, так и культурные народы Азии, одряхлевшие умственно и нравственно, могут, так или иначе, продолжать свое пассивное существование, но им уже не возродиться¹.

¹ Вот что говорит Спенсер: «Когда несколько обществ, происшедших одно от другого, вели постоянно один и тот же образ жизни, то в последнем результате этого ряда обществ получается тип до такой

В несколько иных условиях находится только Япония, как государство морское. Но и там еще неизвестно, какие плоды принесет недавний крутой скачек по пути реформ, и примутся ли как следует чужеземные новшества. Китай же, многовековая замкнутость которого ныне так бесцеремонно нарушена европейцами, едва ли легко поддастся нововведениям, чуждым для него по своему духу и по своей почве. Правда, в Китае теперь вводятся европейские усовершенствования в области военной техники и военного устройства вообще, но ведь это касается лишь изменения одной стороны государственной жизни, вызванного притом настоятельно необходимостью самозащиты. Для пересадки же сюда других отраслей европейской культуры и цивилизации нужна будет такая всеобщая ломка, какую едва ли выдержат отжившему свое китайскому народу. Заветы старины, обычаи, понятия, общественный строй — словом, все, что дорого для этого народа и выработано многими веками его исторической жизни, все должно быть круто изменено. Терять придется слишком много, притом испытанное и дорогое; получать же взамен новое, чужое, да еще «варварское», по понятиям тех же китайцев. Кроме того, многие атрибуты европейской цивилизации сами по себе явятся болезненным, разлагающим элементом в самобытном складе Китайского государства. Не говоря уже про неминуемый подрыв сурового семейного строя, как главной основы государственной жизни Китая, введение сюда машинного производства породит многие миллионы нищих, лишенных нынешней ручной своей работы; железные дороги отнимут хлеб у миллионов возниц и носильщиков и т. д. Конечно,

степени прочно установившийся в своем цикле развития, зрелости и упадка, что для него становятся невозможными какие бы то ни было новые метаморфозы, так как всякий метаморфоз наталкивается здесь на слишком сильное сопротивление со стороны унаследованных стремлений к известному определенному строю». «Основания социологии», русский перевод, том. II, стр. 633.

найдутся новые занятия по разным отраслям технического производства, но они едва ли принесут достаточно работы для стольких упраздненных рук. В результате все-таки получится многочисленный пролетариат, более опасный, чем в Западной Европе, так как в Китае население переполнило страну и стало в уровень с возможной для нее производительностью. Единственный исход для подобного пролетариата будет эмиграция, но куда? Ведь тогда явится вопрос о выселении многих миллионов такого народа, который не ассимилируется с туземцами и где бы ни оселся, непременно заведет новый Китай.

Таким образом, для Китая является неразрешимая дилемма: или очертя голову броситься на переустройку самого себя сверху донизу, или оставаться при прежних традициях, парируя по возможности напор европейцев. Первое представляет мало шансов успеха; последний почти неотразим. Но как золотая середина между тем и другим стоит уже не раз испытанная тем же Китаем и современной Турцией система лавирования между подводных скал политики и умелое пользование взаимным недружелюбием опасных для себя наций¹. Тем более, что хитрости и криводушию не стать учиться китайцам. Пуская пыль в глаза своим либерализмом, где это нужно, подделываясь под тон той или другой, но выгодной для себя внешней политики, притворяясь другом с сильным и хорохорясь со слабым, словом, умело эксплуатируя и врагов и друзей, втихомолку же подсмеиваясь над теми и другими, Китай может еще долго существовать самобытно. Без конца станет он тянуть одну и ту же лицемерную политику и, всего вернее, в будущем изобразит для Европы нового «больного человека».

¹ Известно выражение Ли-Хунь-Чжана, вице-короля Чжилийской провинции и ныне самого популярного человека в Китае: «Яд нужно уничтожать противоядием, а иностранцев соперниками-иностранцами, натравливая их друг на друга».

Обращаясь еще раз к причинам, служащим тормозами для развития цивилизации, как у народов Центральной Азии, так и во многих других частях этого материка, следует указать на две господствующие здесь религии — буддизм и магометанство. Их тлетворное действие на массы пустило слишком глубокие корни и воздвигло слишком прочные преграды для успешной пропаганды христианства.

В самом деле, посмотрите на основные принципы обеих названных религий. Буддизм, как известно, проповедует учение о суетности и эфемерности всего существующего; говорить, что мир — иллюзия, а жизнь тяжелое бремя; что несчастье лежит в самом факте существования; что истинно только одно — нирвана, абсолютное ничто, такое состояние, которое не имеет отношения ни ко времени, ни к пространству, где исчезает всякая индивидуальность. Высшая задача жизни каждого человека по учению буддистов — стремиться к уничтожению всех личных желаний, чувствований, идеалов, словом, приготовиться к нирване, к небытию.

Магометанство своим основным положением «нет Бога, кроме Бога», хотя и заявило высокий принцип единого божества, как абсолютной причины всего существующего, но, в то же время, поддельваясь под склад характера и понятий своих последователей, развило поблажку чувственной стороне человека и ловко эксплуатировало его эгоизм учением о предопределении судьбы. При этом оно поставило непреложным догматом насильственное обращение иноверцев.

Таким образом, обе религии по существу своих учений прямо противоположны. Буддизм делает аскетизм высшей заслугой земной жизни человека, а в будущем, как награду, обещает полное личное уничтожение. Магометанство, наоборот, проповедует предназначение для каждого в жизни настоящей; в будущей же представляет наполненный гуриями рай, где чувственные наслаждения будут литься рекою.

Буддист индифферентен относительно иноверцев; он действует только примером и убеждением. Магометанство повелевает огнем и мечом обращать на поклонение пророку. Отсюда вытекает и различное историческое действие обеих религий: магометане, движимые фанатизмом, некогда покорили почти весь исторический мир; буддисты во имя своих верований ни разу не выступали на поприще истории. Одна религия требует меча и насилия; другая — кроткая, но в то же время едва ли не более опасная, в смысле подрыва энергии, труда и лучших стремлений человека. Следовательно, хотя и разными путями, но равно тормозящее прогресс действие обеих религий сходно: буддизм прямо является разглашающим элементом государственной жизни; магометанство, правда, цементирует слои общества, даже различные народности, но вне своих доктрин исключает всякое умственное развитие.

Перейдем теперь на более реальную почву.

Непрочность китайского владычества

Все три части Центральной Азии — Монголия, Восточный Туркестан с Чжунгарией и Тибет, ныне, как известно, подчинены Китаю. Помимо войск и административных чиновников, китайцы являются здесь как колонисты-земледельцы и как торговцы. Однако число тех и других сравнительно невелико, за исключением лишь оазисов вдоль северной подошвы Нань-Шаня, принадлежащих, впрочем, к собственно китайской провинции Гань-су. В пределах же инородческой Центральной Азии оседлое китайское население в значительном количестве встречается лишь на юго-восточной окраине Монголии; затем начинает ныне прибывать в оазисы северной подошвы восточного Тянь-Шаня, в особенности в Кульджинский край; кроме того, китайские земледельцы попадают в небольшом

количестве в западной Чжунгарии, близ городов Чугучака и Булунь-тохоя, в северо-западной Монголии близ города Улясутая, а также в окрестностях города Урги. Торговцы китайские встречаются всюду по Центральной Азии и в несколько меньшем числе в недавно покоренном Восточном Туркестане. Общее число всех китайцев, ныне пребывающих в Центральной Азии, можно положить лишь гадательно около 200 тысяч, если не принимать в расчет вышеупомянутых при Нань-Шаньских оазисах, довольно густонаселенных как природными китайцами, так отчасти и дунганями.

Нынешнее водворение китайского владычества в Центральной Азии совершилось, как известно, при царствующей теперь в Китае маньчжурской династии Цзинь. Монголия подчинена была в конце XVII века. Ей сохранено прежнее удельное устройство; только владетельные князья поставлены под строгий надзор китайских (маньчжурских сановников, назначаемых из Пекина¹). Здесь, в палате внешних сношений (Ли-фань-юань) сосредоточиваются все дела, касающиеся названной страны. Некоторые ее части, ближайшие к Собственному Китаю, переделаны несколько на китайский образец². Законы внутреннего управления монгольских княжеств (хошунов, аймаков) изданы китайцами в особом уложении. Общие дела каждого княжества решаются на ежегодных сеймах. Податей Китаю монголы не платят, только обязаны содержать местную администрацию и отбывать почтовую гоньбу. Кроме того, они наряжают своих людей в пограничные караулы, а в случае войны должны выставлять известный контингент конного войска.

¹ Такие сановники с большими или меньшими полномочиями находятся в городах: Урге, Улясутае, Кобдо, Калгане, Куку-хото и Синине.

² Таковы области Чень-ду-фу, Цахарь и Гуй-хуа-чень в юго-восточной Монголии.

Для упрочения своей власти над полудикими номадами Монголии, китайцы успешно практикуют систему задабривания здешних владетельных князей и высшего духовенства. Для первых, смотря по их степени, назначены постоянные, притом довольно значительные, оклады жалованья; кроме того, монгольские князья, при обязательных, однажды в три—четыре года, поездках ко двору в Пекин с подарками (лошади, верблюды) в виде дани, всегда получают от Богдохана подарки гораздо более ценные; наконец, за некоторых из важных монгольских князей выдают иногда замуж принцесс императорского дома. Духовенство в Монголии, составляющее большую силу, как по своему числу, так и по безграничному влиянию на народ, задабривается китайцами широким обеспечением его прав и привилегий, а также искательством, нередко униженным, китайских сановников пред высшими представителями здешней буддийской иерархии.

Затем о народе монгольском китайцы не прилагают ровно никаких забот; наоборот, в высшей степени его эксплуатируют совместно с теми же князьями и ламами. В особенности сильно отозвались на благосостоянии монголов грабежи дунган, усмирение китайцами того же дунганского восстания и недавние приготовления к войне с нами из-за Кульджинского края. Помимо истребованного для последней цели контингента войск, хотя и небольшого, но, тем не менее, обязанного снарядиться на свой счет, китайцы сильно разорили номадов произвольными налогами, как скотом, так и деньгами; передвижением солдат, для которых доставлялись подводы, а иногда и продовольствие; транспортировкой через пустыню войсковых тяжестей и частыми переездами различных чиновников¹. Кроме того,

¹ Китайские чиновники, проезжая по Монголии, не только не платят прогонов за забираемых лошадей и верблюдов, но на каждой станции, смотря по рангу чиновника, монголы обязаны ему доставлять

на Монголию в последнее десятилетие обрушались различные естественные невзгоды — то засухи летом, то слишком холодные и снежные зимы, результатом чего являлись падежи скота в больших размерах. Вообще номады много теперь обеднели, как по этой причине, так и вследствие произвола и усиленного угнетения со стороны китайцев. Народная масса в Монголии весьма против них раздражена, но до поры до времени ей приходится сдерживать и таить свою ненависть.

Над Тибетом китайцы устроили свой протекторат еще с XIII века нашей эры, расширили его со времени вступления на престол нынешней династии и упрочили с конца прошлого столетия. С этих пор в Лхассу назначается один или два китайских (маньчжурских) резидента, которые заведуют гражданскими делами всей страны. Кроме того, они наблюдают за действиями Далай-ламы и его собрата Тешу-ламы, или Банчинь-ирембучи, имеющего местопребывание в городе Шигатзе и, как известно, представляющего второе высшее лицо буддистской иерархии. Вместе с тем, Тешу-лама управляет собственной провинцией Цань, тогда как Далай-ламе непосредственно принадлежит провинция Уй и в то же время он считается политическим главой всего Тибета. На западе этого последнего лежит слабо населенная кочевниками провинция Нарн-Кхорсум, администрация которой назначается из Лхассы, а на востоке — провинция Кхам с главным городом Ча-му-то, где имеет местопребывание хутухта (важное духовное лицо), заведующий управлением этой провинции в зависимости от Далай-ламы. Весь же Тибет северный представляет дикую безлюдную пустыню.

Вместе с резидентами в Тибете содержится небольшой отряд китайских войск, расположенных в Лхассе

одного или несколько баранов, взамен которых обыкновенно вносятся деньги.

и в некоторых других пунктах. Однако главная опора китайского владычества в Тибете зиждется на хитрости и умелом пользовании престижем Далай-ламы. Его избрание, хотя и не гласно, вполне в китайских руках: утверждение же официально делается Богдоханом. Податей Китаю тибетцы не платят, но свое подчинение выражают торжественным посольством, которое назначается однажды в три года или в пять лет и отвозит в Пекин подарки Богдохану; в ответ получает также подарки, обыкновенно более ценные. При мирных склонностях тибетского народа, китайцы могут рассчитывать на довольно прочную здесь для себя власть, в особенности зорко поддерживая изолированность, как всей страны, так и самого Далай-ламы от пытливых поползновений европейцев.

Совершенно в иных условиях находится китайское владычество в сопредельном нам Восточном Туркестане, покоренном китайцами вместе с Чжунгарией в начале второй половины прошлого столетия. Обе названные страны образовали тогда два округа¹, составившие одно наместничество, во главе которого стоял облеченный высшей гражданской и военной властью китайский (маньчжурский) наместник, имевший местопребывание в городе Кульдже. Крупную администрацию края составляли также китайские чиновники. Ближайшее же управление населением оставлено было в Восточном Туркестане за туземными беками, из которых главные назначались китайскими властями и утверждались в своем звании из Пекина. Чжунгария получила военное устройство. Кочевое население в горах управлялось собственными биями, в зависимости от китайцев.

После передраг и безурядиц, предшествовавших и сопоставлявших завоеванию, даже почти поголовного избиения

¹ Тянь-Шань-нань-лу (Восточный Туркестан) и Тянь-Шань-пе-лу (Чжунгария).

чжунгар китайцами, страна отдохнула и оправилась в мирный период до 1825 года. С этого времени опять начинаются, именно в Восточном Туркестане, столь знакомые ему смуты, внесенные попытками ходжей¹ вернуть прежнюю свою власть и изгнать китайцев. Эти смуты, с переменным счастьем, как для китайцев, так и для мусульманских претендентов, но всегда с большими бедами для народа, тянулись до начала шестидесятых годов, когда наконец восстание дунган сокрушило китайскую власть в большей части застенных владений западного Китая. Китайцы уничтожены были тогда и в Восточном Туркестане, в котором по обыкновению наступают междоусобия. Затем возникает царство Якуб-бека, державшееся исключительно личными дарованиями и сильным характером этого последнего. После его смерти, в 1877 году, тотчас начинается борьба законного наследника кашгарского престола, старшего сына Якуб-бека, Бик-кулы-бека, с правителем Аксу, Хаким-хан-тюрей, и правителем Хотана, Нияз-беком. Между тем китайцы, незадолго пред тем возвратившие под свою власть отложившиеся части провинции Гань-су, затем взявшие города Манас и Урумчи, два главные пункта при Тянь-Шаньских дунган, пользуясь междоусобицей в Восточном Туркестане, беспрепятственно занимают эту страну, вплоть до Кашгара. Оставшийся победителем своих соперников, Бик-кулы-бек вынужден был бежать в наши пределы, и эфемерное царство, созданное Якуб-беком, рушилось.

Заняв так неожиданно удачно Восточный Туркестан, китайцы образовали из него по-прежнему особую область, которая, вместе с двумя другими, Или и Тарабагатаем, к северу от Тянь-Шаня и частью бывшей Гань-су (по восточн. Тянь-Шаню), составила, так называемую, Новую Линию (Шинь-чжанг). Затем по указу Богдохана, в конце

¹ Бывших владетелей Восточного Туркестана, ведущих свой род от Магомета.

¹² Том VII. В. М. Плоских

1884 года образована из притянь-шаньских земель новая, девятнадцатая по счету провинция под именем Гань-су-Синь-цзянь-шень или просто Синь-цзянь, с главным административным центром в городе Урумчи. В состав этой провинции вошли: Восточный Туркестан, области Или и Тарабагатай, а также округа: Карашарский, Урумчинский, Баркульский и Хамийский¹. Обе северные области, то есть Или и Тарабагатай, оседлое население которых составляют таранчи, сарты, китайцы, манткуры и дунганы, а кочевое — киргизы, торгоуты, чахары и остатки жунгар, имеют организацию военной колонии. В Восточном Туркестане в 1884 году введено гражданское управление по образцу внутренних областей Китая. Вся страна разделена на восемь округов, из коих четыре восточные — Карашар, Куча, Аксу и Уч-Турфан образуют одну область; другую же составляют четыре округа западные — Кашгар, Янги-Гиссар, Яркенд и Хотан. Управление этими областями вверено даотаям². Один из них, начальствующий над восточными округами, имеет местопребывание в Аксу; другой, которому подчинены округа западные, живет в Кашгаре. Этот последний ведает также и внешнюю торговлю Восточного Туркестана.

Начальниками округов и уездов состоят также китайские чиновники, в зависимости от которых находится местная мусульманская администрация. Более значительные ее представители — хаким-беки (уездные начальники) ныне систематически отстраняются от своих должностей, так что посредниками между китайскими властями и народом являются лишь мелкие, не получающие от казны никакого содержания, туземные чиновники и переводчики из окита-

¹ Управителем нового края ныне состоит сановник Лю-чжо-шай (Лю-дзинь-янь).

² Им присвоены некоторые, впрочем более номинальные, права над войсками.

ившихся мусульман. Те и другие, совместно с невежественными, погрязшими в наживе китайскими чиновниками — огульно от низших ступеней до высших — отстранили даже тень правды и закона от управляемого ими народа. Хотя для него оставлен мусульманский суд по шариаду, но это только мертвая буква, маска, прикрывающая абсолютный произвол и ужаснейшие беззакония.

Не лучше и податное устройство края. В то время как кочующие в горах киргизы, для обеспечения их сомнительной верности, освобождены вовсе от платы податей в пользу китайцев и отбывают лишь небольшие натуральные повинности, оседлое земледельческое население Восточного Туркестана несет всю тяжесть поземельных налогов. Эти налоги уплачиваются натурою, иногда деньгами по расценке, не сообразно ежегодному урожаю, но по раз установленной, притом весьма высокой, норме с известного количества земли, обрабатывается ли она или нет, все равно. Лица, не имеющие недвижимой собственности, равно как и торговцы, ничего в казну не платят. Земледельческий же класс, сверх вышеупомянутой подати отбывает натуральные повинности высылкой людей на казенные работы, доставкой перевозочных средств, нарядом джигитов (рассыльных) на службу и пр. При этом, как и при сборе податей, притеснения и взяточничество чиновников или переводчиков многократно увеличивают тяжесть самих повинностей. Наконец, единственный косвенный налог, существовавший в Восточном Туркестане, так называемый бадж, в размере 10% с цены продаваемого скота, китайцы распространили в 1885 году почти на все предметы, продаваемые на базарах. Таким образом, наложена новая тяжесть на земледельческий класс, который и без того уже отдавал по крайней мере 50% своего дохода на подати, взятки и разные другие вымогательства. Ко всему этому необходимо прибавить презрительное отношение китайцев к туземцам, нигде и никогда нескрываемое. Словом,

в Восточном Туркестане китайцы, как нарочно, сами отстраняют всякую возможность успокоения народа, следовательно, и упрочения своей здесь власти. Помимо причин вышеизложенных, ненависть религиозная и, вероятно, тайные происки бывших претендентов, также немало вооружают народ против его угнетателей. Недовольство всех классов общества растет постоянно, и нужен лишь небольшой благоприятный повод, чтобы накопившаяся злоба разрешилась всеобщим взрывом.

Таким образом, положение китайцев, как в Монголии, так и в особенности в Восточном Туркестане, весьма шаткое. Не умея привязать к себе чуждые народности мирным путем культуры и ассимилирования, китайцы должны опираться свою власть исключительно на хитрой, через край эгоистической политике, и на силе военной. Об этой последней будет рассказано ниже, а теперь поведем речь о нашем положении в той же Центральной Азии.

Престиж России

При всех четырех здесь путешествиях мне постоянно приходилось быть свидетелем большой симпатии и уважения, какими пользуется имя русское среди туземцев, за исключением лишь Тибета, где нас мало знают. Зато среди других народностей Центральной Азии их стремления к России достигают весьма высокой степени. Номады-монголы, дунганы, то есть китайские магометане и жители Восточного Туркестана, в особенности последние, питают сильную надежду сделаться подданными Белого Царя, имя которого наравне с именем Далай-ламы, является в глазах азиатских масс в ореоле чарующего могущества. С чаянием власти русской у тех же азиатцев сохраняется

твердое убеждение, что тогда для них наступит лучшая и более обеспеченная жизнь¹.

Замечательно и весьма важно, что ведь никто и никогда не агитировал в нашу пользу среди народов Центральной Азии; к такому результату привел сам ход событий. Невыносимый гнет китайской власти с одной стороны, а с другой, постоянные слухи о гуманном обращении с инородцами наших азиатских окраин, вот что создало нам доброе имя в глубине азиатских пустынь. В особенности много помогло нам в этом отношении покорение Туркестана и водворение возможной законности в странах, еще так недавно бывших ареною самого широкого деспотизма своих правителей. Понятно, что и жители Туркестана китайского, родственные нашим туркестанцам по происхождению, языку и религии, но в конец угнетаемые китайцами, не без основания стремятся к лучшей участи. Затем монголы, в особенности северные, давно уже знающие русских со стороны Сибирской границы, тяготеют к России опять-таки вследствие беззакония и произвола при китайском господстве. Наконец, дунганы, sporadически разбросанные по оазисам Центральной Азии и так еще недавно испытывавшие всю беспощадность китайского зверства, да и ныне сильно угнетаемые, ждут русских, как своих избавителей от тех же китайцев.

Вот некоторые факты в подтверждение вышесказанного.

Выше было говорено о безотрадном положении Восточного Туркестана под китайским владычеством. Вопиющие несправедливости, шпионство, взяточничество, тяжелые подати, произвол чиновников, словом, полное отсутствие законности в администрации и судье, составляют характерные черты здешнего китайского управления. Ни личность,

¹ Фактическим тому подтверждением служит недавнее выселение гаранчей в наши пределы из уступленного нами китайцам Кульджинского края.

ни имущество туземцев не обеспечены, каждый боится за завтрашний день. Невежественные китайские чиновники, совместно с переводчиками из окитаившихся мусульман, дают полный разгул своему бесчеловечью, жадности и скотским страстям. Затем пребывание китайских войск в крае служит не для успокоения его, но является неиссякаемым источником грабежей и всевозможных притеснений местного населения. Мы сами бывали свидетелями возмущающих сцен произвола, как, например, отбирания у туземцев не только китайскими чиновниками, но даже их слугами, последнего скота или какого-либо другого имущества, насилования жен и дочерей чуть не на глазах их родных, телесного наказания женщин, открытого грабежа солдат и пр. В то же время все земледельческое население страны обложено непомерными податями, которые взыскиваются беспощадно.

Понятно, что, как ни кротки по своему характеру жители Восточного Туркестана, они все-таки не могут мириться с подобным положением. Ненавистью к китайцам пропитаны здесь все слои населения, даже женщины, которые не один раз укоряли при нас мужей и братьев в их трусости относительно своих мучителей. Элементы восстания собраны в Восточном Туркестане через край, но, как неоднократно говорили нам сами туземцы, «у них нет головы, общего руководителя». В прежние времена такие личности являлись обыкновенно из соседнего Кокандского ханства, но там ныне водворена власть русская. Притом же разъединенность оазисов Восточного Туркестана, как относительно их географического положения, так и политической жизни, представляет несчастным туземцам в перспективе даже самого лучшего исхода восстания, то есть при полном уничтожении китайской власти — мало отрадную картину деспотического господства разных политических проходимцев и неминуемые междоусобия, словом, те же бедствия, только с иною приправою. Но среди этого

безотрадного хаоса в настоящем и будущем пробивается для злосчастных страдальцев светлый луч надежды на Россию, тем более, что у всех перед глазами живой пример нашего Туркестана, где власть русская в самый короткий срок явилась залогом спокойствия и благоденствия. Вот почему жители Восточного Туркестана постоянно мечтают о том, чтобы сделаться русскими подданными. В недавнее путешествие я убеждался в этом на каждом шагу. Всюду, несмотря на китайские запрещения, обитатели оазисов Восточного Туркестана старались нам услужить чем бы то ни было, всюду встречали нас как дорогих, желанных гостей. При этом открыто высказывали свою ненависть к китайцам и искреннее желание стать под скипетр Белого Царя. Местами, как было уже говорено, доходило до того, что мусульманские старшины просили меня отдать им приказание ныне же начать истребление китайцев. Про наше путешествие те же мусульмане говорили, что «теперь нас Белый Царь принимает», и смотрели на это событие как на подтверждение сильно распространенного в Восточном Туркестане предсказания какого-то святого, что в недалеком будущем страну эту покорят русские. «Вам стоит только дунуть, и китайцев здесь не будет», убеждали нас туземцы. «Русским даже мало воевать придется», добавляли они: «мы восстанем поголовно и сами истребим своих угнетателей, лишь бы после того нас не бросили на произвол судьбы»¹.

Кочевое население (кара-киргизы и кипчаки) Восточного Туркестана, обитающие в городах, окружающих с запада таримскую котловину, более индифферентно, по словам лиц специально с этим населением знакомых, к китайскому владычеству, ибо освобождено от платы податей и вообще

¹ Такое опасение закрадывается в виду уступки нами Кульджи китайцам. Эти последние ловко эксплуатируют факт своего бескровного приобретения, уверяя туземцев Центральной Азии, будто русские так бедны и жадны на деньги, что продают обратно свои завоевания.

живет гораздо вольнее; но и это население едва ли будет деятельно защищать китайцев. Гораздо вернее, что, в случае войны, оно воспользуется возможностью пограбить кого бы то ни было и, уступая силе, достаточно равнодушно отнесется к перемене подданства китайского на такую же зависимость хотя бы от России¹.

Подобно жителям Восточного Туркестана, дунганы², спорадически обитающие, как в оазисах Центральной Азии, так и в провинциях Собственного Китая, в особенности в Гань-су и Шен-си³, одушевлены ненавистью к китайцам, во-первых, вследствие своей религиозной розни, а затем, вследствие беззаконий и притеснений китайской администрации⁴. В особенности сильна эта ненависть среди дунган при-тянь-шаньских (Шихо, Манас, Урумчи и др.)

¹ Конечно, для необузданных кочевников прочная русская власть будет неприятнее слабой китайской. До сих пор наши кара-киргизы, кочующие в Тянь-Шане, вспоминая о прежних своих похождениях, подгулявши поют: «О, русский богатырь, связал ты наши руки, развяжи их хотя на время».

² О происхождении дунган или, как их называют китайцы хой-хой, в точности неизвестно. Иные ориенталисты производят их от уйгуров, некогда властвовавших в значительной части Центральной Азии; сами же дунганы нередко считают себя потомками арабов. Все дунганы магометане. Язык у них китайский. По наружному типу ныне мало отличаются от китайцев, но гораздо энергичнее и честнее этих последних, вообще лучше как люди.

³ Кроме того, магометан довольно много в Шен-си, Чжи-ли, Юнани и частью Сычуане. В самом Пекине их считается до 20000 семейств. Спорадически магометане разбросаны также и по восточным провинциям Китая. Общее число всех этих магометан неизвестно. Полагают, что в одном Северном Китае их до четырех миллионов.

⁴ В особенности после подавления недавней магометанской инсurreкции. Ранее ее положение магометан в Китае было гораздо лучше. Тем не менее, в последние три века они трижды производили крупные восстания: при падении Минской династии, затем сто лет спустя и, наконец, еще через сто лет, уже в наши времена.

и при-нан-шаньских (Су-чжоу, Гань-чжоу и др.) оазисов, как равно и во всей провинции Гань-су. Путешествуя здесь неоднократно в окрестностях города Синина, где скучены магометане, мы постоянно слышали от них горькие жалобы на невыносимый гнет китайской власти. Избавиться от нее ныне самим дунганам, ослабленным недавно продолжительною борьбой и местами поголовным избиением, решительно невозможно без посторонней помощи. Всякая попытка в этом роде приведет еще к худшим бедствиям. Вот почему дунганы смотрят на соседнюю Россию, как на возможную свою избавительницу, или, по крайней мере, союзницу в борьбе против китайцев. Можно ручаться, что в случае войны нашей с Китаем, мы найдем самых надежных сподвижников в дунганах. Уже и теперь они неоднократно нас спрашивали: «скоро ли русские станут воевать с Китаем?», а затем добавляли: «пусть к нам придет хотя одна сотня русских, сию же минуту мы восстанем поголовно против китайцев». Те же самые речи слышали мы и от солдат-магометан, составляющих значительную часть китайских войск в Восточном Туркестане. Весьма вероятно, что подобная к нам симпатия, быть может только в меньшей степени, существует и в северных провинциях Китая среди тамошних магометан. Хотя положение их лучше, но все же религиозный фанатизм и сочувствие к страданиям своих западных собратьев делают этих магометан скрытыми, до поры до времени, врагами китайцев.

Монголы, в особенности северные, достаточно знакомые с русскими, как с соседями по границе, в свою очередь также очень недолюбливают китайцев и, наоборот, весьма к нам расположены. Этому причиной, главным образом, то обстоятельство, что китайцы, подчинив себе Монголию, для упрочения здесь своего владычества, стараются, как было выше говорено, привлечь на свою сторону различными льготами владетельных князей и высшее духовенство, вовсе не заботясь об остальном народе. На нем,

следовательно, лежит двойное ярмо произвола собственных правителей и китайских властей, с добавлением к тому и другому всевозможных поборов духовенства. Правда, относительно этого последнего, номады, как истые буддисты, особых жалоб не заявляют, но далеко не так равнодушно смотрят они на китайское владычество и на китайские беззакония. Тем более что у монголов еще не угасли воспоминания о прежней самостоятельной жизни и прежних подвигах¹; беспокойный дух кочевника также манит его к новизне. С другой стороны, номады инстинктивно сознают, что самостоятельная жизнь, как отдельного государства, ныне для них невозможна, и что необходимо подчиниться кому-либо из сильных соседей. Но испытав уже все бедствия китайского владычества, и выбирая из двух зол меньшее, монголы тяготеют к России, ибо надеются найти под скипетром Белого Царя, о котором слышат, как о полубоге, более милосердное и справедливое управление. Таково, по крайней мере, настроение северных монголов, то есть халхасцев². Монголы же южные — алашаньцы, сунниты, уроты, тумыты, чахары и др., как более окитаившиеся и более от наших пределов удаленные, мне кажется, отнесутся одинаково равнодушно, как к нам, так и к китайцам и, в случае нашего столкновения с Китаем, будут на той стороне, которая возьмет перевес.

¹ В таком духе легенды нередко можно слышать в Монголии и, между прочим, рассказ о предстоящем воскресении Чингис-хана.

² Во время нашего перехода через пустыню Гоби из Ала-шаня на Ургу осенью 1880 года, когда китайцы готовились воевать с нами из-за Кульджи, монголы-халхасцы постоянно нам говорили, что они никогда не станут драться с русскими, наоборот, по объявлении войны, перейдут на нашу сторону. Иные даже собирались перекочевать на север от Урги, рассчитывая, что мы скоро займем этот священный монгольский город.

О войсках китайских

Теперь поговорим о войсках китайских, которые во время путешествий мне приходилось многократно видеть не на парадах или смотрах, но в будничной обстановке их повседневной жизни, следовательно, без всяких прикрас и подмалевков.

Начну с того, что сведения, которые получаются на счет китайской армии и в большинстве случаев толкуют о ее быстрых успехах в военном образовании, более или менее преувеличены¹. Незнание китайского языка специалистами военного дела, замкнутость самих китайцев, их большое уменье «втирать очки в глаза» ненавистным чужеземцам, наконец, в лучшем случае, процеживание доставляемых о китайской армии сведений сквозь фильтр европейских инструкторов, прямо заинтересованных и наверное небеспристрастных в этом деле, вот те данные, на которых можно основать такое мнение. Правда, в Китае ныне устроены, под руководством европейцев, пушечные, оружейные и пороховые заводы, сооружены береговые укрепления, заведен паровой и даже броненосный флот; но все это в большинстве случаев не удовлетворяет даже посредственным требованиям². Притом же, исключительное развитие

¹ Да притом весьма сбивчивы, а иногда прямо одно другому противоречивы. Причина этого много заключается в том, что все военные реформы в Китае не имеют цельного характера, общего плана. То или другое решение всегда зависит от отдельных личностей и влияния их партий. В результате получается достаточно хороших проектов, но мало толкового их исполнения на деле.

² В издаваемом в Берлине Ежегоднике полковника Лебеля (*Jahresbeichte uber die Veranderungen und Fortschritte im Militarwesen*) за 1885 год читаем: «Китайская выделка артиллерийских снарядов весьма неудовлетворительна. Береговые укрепления (на р. Мин и против Келунга) оказались в последнюю войну с французами никуда негодными. Флот китайский во время тонкинской экспедиции еще менее

технической стороны военного дела еще не обуславливает прогресса боевых качеств самого солдата. Между тем, именно на этом фундаменте зиждется, как известно, весь дух армии, ее большая или меньшая способность бороться с врагом. В прирожденной храбрости воина, его выносливости и дисциплине таится корень победы. Всего этого очень мало или часто вовсе нет у солдата китайского¹, ибо каждый китаец труслив по самой своей природе, привязан более всего на свете к спокойной жизни у домашнего очага, физически менее крепок, чем европеец, и, при крайнем эгоизме, малоспособен прочно дисциплинироваться. Притом, солдаты в армию китайскую поступают или по наследству, или набираются вербовкою², иногда даже

армии удовлетворял возлагавшимся на него ожиданиям». Тем ценнее эти сведения, что они исходят от немцев, составляющих, как известно, ныне главный контингент иноземных инструкторов китайской армии.

¹ Китайский солдат задорен и иногда равнодушен к смерти, но не храбр в смысле активного проявления этого качества.

² Известно, что армия китайская состоит из двух главных частей: манчжурских войск и войск национальных. Первые состоят из потомков тех завоевателей (манчжуров с примесью монголов и китайцев), которые в половине XVII столетия возвели на престол Китая ныне царствующую династию Цзин. В награду им были отведены земли в Пекине и других местах (ныне в десяти провинциях) империи; военное звание сделано наследственным, не исключая и низших офицерских должностей. Эти поселенные манчжурские войска, составляющие до сего времени опору престола, разделяются на 8 знамен или корпусов под командою собственных начальников и выставляют на службу, по списочному составу (в действительности гораздо менее) 230 000 человек. Национальная китайская армия состоит из войск Зеленого знамени (лу-инь) и отдельно вербовочных частей (юнь). Те и другие набираются из природных китайцев; последние — всегда вербовкою за деньги, нередко насильственной. Сообразно разделению империи на 18 провинций, войска Зеленого знамени разделяются на 18 корпусов и находится в полном подчинении местным генерал-губернаторам или губернаторам. В мирное время несут полицейскую и почтовую службу. Списочный их состав — 650 000; в действительности, по всему вероятно, гораздо меньше.

насильственной, обыкновенно из подонков общества, следовательно, в огромном большинстве случаев и как люди не представляют никаких нравственных гарантий¹.

Не в лучшем свете являются китайские офицеры как низших, так и высших степеней. Те и другие не имеют никакого образования², в большинстве случаев круглые невежды³, да притом, как начальники, они способны только

Специально вербовочные части (юнь) набираются лишь в случае нужды. Они составляют нововведение со времен восстания тайпингов. Нынешнюю численность этих войск полагают в 100 000 человек. Вместе с провинциальными войсками Зеленого знамени вербовочные части (юнь) доставляют главный контингент для реорганизуемых китайских отрядов. Наконец, к армии китайской относятся контингенты монгольской кавалерии и других инородцев. В этих иррегулярных войсках считается более 200 000 человек; на деле же едва ли наберется и десятая часть такой цифры.

¹ Народная поговорка в Китае гласит: «из хорошего железа не делают гвоздей, из честных людей не делают солдат».

² Которого, собственно говоря, и нет в Китае. Классические военные сочинения, составляющие до сих пор основу китайского военного искусства, написаны еще в глубокой древности, старейшее около тридцати веков тому назад. Наибольшим авторитетом пользуется сочинение Сун-дзе. В нем, рядом со здоровыми истинами военного дела, встречаются наивнейшие советы, как например: «Завлеку противника в постыдные поступки». «Поддерживай сношение со всеми развратниками его стана». «Распространи в лагерь неприятеля мотивы сладострастной музыки, чтобы смягчить сердца». «Смотри ртом, говори глазами». «Беспощадно казни тех, кто выдаст план войны, и тех, кому эта тайна станет известна; последние не виноваты, но они могут сделаться виноватыми» и т. п. Вообще, по китайским понятиям, в военном деле следует гораздо более рассчитывать на хитрость и обман, чем на самые военные действия, поэтому полководец, прежде всего, должен быть дипломатом. Впрочем, теперь переведено с немецкого языка на китайский несколько военных руководств, по всему вероятно, игнорируемых китайцами; притом, для понимания этих сочинений нужна соответственная подготовка, а ее-то и нет.

³ Для получения права на занятие офицерских должностей, молодые люди, записавшиеся в кандидаты и снарядившиеся на свой счет, испытываются в стрельбе из лука, фехтовании саблей и поднятии

растлевать, а не улучшать нравственную сторону своих подчиненных. Поголовное курение опиума, обворовывание казны и солдат, развратная жизнь, полное равнодушие к своему делу, вот те качества, которые характеризуют как младших, так и старших военачальников китайской армии. При этом нужно заметить, что на высшие военные должности часто назначаются лица из гражданских чиновников¹. Что же касается европейских инструкторов, в последнее время усердно наполняющих китайскую армию, конечно, прежде всего, ради личных выгод, то их усилия, в виду вышеуказанных причин, едва ли увенчаются прочными результатами². Тем более, что китайцы терпят до поры до времени подобных инструкторов только как

тяжестей; других знаний не требуется. Выдержавшие трижды (в своем округе, в уездном городе и наконец в провинциальном) подобный экзамен, получают искомое звание. Наиболее отличившиеся отправляются однажды в три года в Пекин, и там, в присутствии Богдохана, производят подобное же состязание, открывающее им штабные места. Для морских офицеров, вместо знакомства с предметами их специальности, требуется искусная стрельба из лука. Несколько лет тому назад, для образования офицеров по Европейскому образцу заведены: военная школа в Пекине, а в Тяньцзине — школа морская, военное училище и военная Академия (с 1886 г.). Эти заведения содержатся на счет китайского правительства и страдают недостатком преподавателей, что конечно невыгодно отзывается на успехах учеников.

¹ Делается это в тех видах, что для получения гражданских чинов в Китае, необходим известный образовательный ценз; тогда как для звания офицера нужна лишь ловкость и сила физическая. Отсюда китайцы заключают, что гражданские чиновники больше читали и знают о войнах, чем малообразованные офицеры.

² Когда знаменитый победитель тайпингов, англичанин Гордон, недавно убитый в Хартуме, был снова вызван в восьмидесятых годах в Пекин для подания советов относительно войны с нами из-за Кульджи, то после тринадцатилетнего отсутствия из Китая он сильно разочаровался в его преуспейнии, особенно в правдивости того, что читал и слышал на этот счет. В действительности Гордон встретил «тот же старый Китай, только покрытый тонким слоем лака».

необходимое зло и с исключительной целью обеспечения своей самобытности от тех же иностранцев.

Ко всему этому следует прибавить, что политические соображения нынешнего манчжурского правительства, лишь силою и хитростью держащегося на престоле Китая, не позволяют ему широко развить национальное войско и чрез то создать опасный противовес своему владычеству¹. Наконец, известно также, что военное звание в Китае презирается всеми классами общества.

Таким образом, три главных фактора — прирожденная негодность самого народа к военному делу, предания старины и эгоистические виды правительства — ставят в Китае новую великую стену для преуспевания армии². Разрушить

¹ В таких видах был распущен отряд (около 5000 человек, в том числе несколько сот иностранцев) Гордона, тотчас по усмирении восстания тайпингов в 1867 году. В 1871 году наиболее дельные китайские генералы Ли-хунь-чан и Цзо-цзунь-тан предлагали, взамен разбросанных по стране территориальных корпусов, сосредоточить возле Пекина одну сильную армию, но правительство побоялось этого и сохранило прежнее распределение войск.

² В настоящее время солидной реорганизации подвергся лишь так называемый «Образцовый корпус» Ли-хун-чана, который расположен лагерями от г. Тяньцзина до берега моря. В этом корпусе вводится прусский устав. Пехота вооружена ружьями новейших систем. Артиллерия, горная и полевая, состоит из заряжающихся с казны Крупновских орудий. Кавалерия, за исключением вооружения, находится в первобытном состоянии, от нее требуются лишь акробатические фокусы. Инженерных войск нет вовсе.

Другие, nereорганизованные, но получившие новое вооружение (ружья Винчестера, Ремингтона, Энфильда, Снайдера, Маузера, Альбини, Гокчиса, Шаспо и др.) части китайской армии расположены в Пекине, в Манчжурии, в важных приморских и других пунктах империи, частью притяньшаньском крае. Общая численность всех этих войск неизвестна. Во всяком случае, их несравненно меньше, чем войск старых, в которых прежнее обучение и вооружение не изменены. Притом и в новых войсках старые обычаи не забываются, так что стрельба из луков продолжает быть обязательной. Случается, что начальники

столь веские препоны, тем более в короткий срок, не только трудно, но даже и невозможно. Прогресс везде с трудом прокладывает себе путь, а в Китае ему, всего вероятнее, и вовсе не протолкаться. Народная жизнь здесь слишком прочно и исключительно сложилась в течение сорока веков. Выхолненные ростки европейской цивилизации не примутся как следует на столь заскорузлой почве. Прогресс же военный, как часть общего развития всего государственного организма, может прочно идти, лишь не особенно опережая другие стороны народной жизни, иначе он будет лишен силы внутренней. Вот почему Китай, при современном своем состоянии, да вероятно и впредь еще надолго, не может создать армию, подобную армиям государств европейских. Нет для этого пригодного материала, нет оживляющего духа. Пусть сколько угодно доставят европейцы китайцам оружия, пусть нянчатся без передышки с китайскими солдатами, пусть даже дадут им своих командиров — все-таки армия китайская, даже в лучшем случае, будет искусственно созданный, механически связанный и непрочный организм. В минуты тяжелых испытаний серьезной войны, такая армия скоро расклеится и никогда не победит сильного духом соперника¹.

частей обучают своих солдат внутри казарм обращению с новыми ружьями, а на показ народу выводят с луками и пиками.

Военный китайский флот пред началом Тонкинской кампании состоял из 49 паровых судов с 286 орудиями. Однако на море китайцы оказались еще хуже, чем при сухопутных действиях.

¹ Правда, победить Китай теперь труднее, чем прежде. Но все-таки недавняя война в Тонкине показала, как мало способны даже реорганизованные китайские войска к толковым военным действиям. Хотя французы потерпели в продолжение кампании несколько неудач, но эти неудачи зависели всего более от плохого выбора театра войны и от промахов со стороны самих французов. Прежде всего — Тонкин — самое невыгодное и бесцельное место для военных операций против Китая, ибо удален на две тысячи верст от Пекина, где только и может

После этих общих соображений посмотрим на пограничные нам китайские войска, находящиеся на Новой Линии, то есть в Восточном Туркестане и Чжунгарии¹.

Эта армия представляет наглядный образец истинного состояния китайских войск и их прирожденных качеств, немаскируемых исключительно опекой (возможно лишь над небольшими сравнительно частями и притом в мирное время), в какой ныне находится «образцовый корпус» Ли-хунчана. Если же воины китайские, о которых теперь пойдет речь, подавили восстание дунган и завоевали Восточный Туркестан, то эти успехи обуславливались, прежде всего, неумелыми и разрозненными действиями инсургентов,

быть нанесен серьезный удар сильному своею пассивностью неприятелю. Затем, Тонкин страна крайне невыгодная для военных действий, так как в лучших своих местах густо покрыта, подобно Собственному Китаю, деревьями и фермами, в промежутках между которыми лежат поля, изрезанная оросительными каналами. Местность на каждом шагу дает превосходные оборонительные позиции и маскирует расположение неприятеля. Хорошие рекогносцировки в лабиринте сплошного населения были почти невозможны. Лазутчики из туземцев, по всему вероятно, более служили своим, чем французам. Переводчиков для сношений с жителями было мало, да притом одна внешность европейца уже изолировала его среди туземцев. Климат страны — убийственный. Наконец, французский десант состоял лишь из 25000 человек, вдобавок посланных не сразу и не обильно снабженных боевыми припасами. При всем том, что же вышло? Хотя французы в нескольких мелких стычках, а затем в более значительном деле под Ланг-Соном понесли неудачи, но китайцы не сумели воспользоваться своей победой и своим громадным численным превосходством (в Тонкине действовало 70000 китайских войск, кроме аннамитов и Черных Флагов); некоторый успех кампании все-таки остался за французами. Возможно ли что либо подобное, если бы такой маленький десант, имевший притом базу на другом конце света, высадился в каком-нибудь даже небольшом государстве Европы? Разумеется, он был бы раздавлен как мышонок.

¹ В Монголии, близ нашей границы, китайцы содержат лишь небольшие отряды в Урге, Улясутае и Кобдо; на пограничные караулы наряжаются монголы. Наоборот, в Манчжурии, в соседстве нашего Амурского края, численность китайских войск значительна, и их главным опорным пунктом служит город Гирин на реке Сунгари.

¹³ Том VII. В. М. Плоских

а затем междоусобиями, возникшими в Кашгарии по смерти Якуб-бека. В том и другом случаях победные лавры доставались китайцам слишком дешево¹, благодаря стечению выгодных обстоятельств и малой годности противника к настоящей войне.

Расположенные на Новой Линии и по восточно-тянь-шаньским оазисам, словом, в провинции Синь-Цзянь, войска китайские разделяются, как и в Собственном Китае, на: 1) знаменные манчжурские, которых впрочем немного; 2) войска Зеленого знамени (лу-инь); 3) вербовочные (юнь) и 4) милицию инородцев². Численность всех этих войск с точностью узнать невозможно. По многим же данным, общая их цифра в 1885 году не превосходила 15—17 тыс человек. Из этого числа 4—5 тыс расположены были в Восточном Туркестане; около 4000 находились в Илийской провинции, главным образом в долине реки Или; около 3000 стояли в провинции Тарабагатай; наконец, быть может 4—5000 раскиданы были по оазисам восточного Тянь-Шаня от Манаса и Урумчи до Хами включительно³. Главнокомандующим этой армией состоял, и ныне состоит, наместник при-тянь-шаньского края, сановник Лю-чжо-шай или Лю-дзин-тан; помощником его считается Илийский цзянь-цзюнь⁴.

¹ В китайской армии строго воспрещается всем чинам переписываться во время войны с кем бы то ни было на родине. Вследствие этого, равно как и отсутствия какого-либо другого контроля, военачальники могут сообщить Пекинскому правительству только то, что признают удобным, и нередко доносят о небывалых своих победах. Так было и при нынешнем занятии китайцами Восточного Туркестана.

² По роду оружия те же войска разделяются: на пехоту (бу-дуй), кавалерию (ма-дуй) и артиллерию (пау-бинь).

³ Такое распределение китайских войск в общем мало изменилось и ныне.

⁴ В Или и Тарабагатае в руках командующих войсками (цзянь-цзюня и ам-баня) сосредоточено также и гражданское управление края.

Боевую и административную единицу в описываемых войсках, как и во всей китайской армии, составляет лянза (в манчжурских войсках чи), которая по списочному составу должна иметь в пехоте 500, а в кавалерии 250 человек. В наличности же редко когда наберется и половина штатного числа людей. Каждая лянза находится под командой ингуаня и носит его имя; разделяется на пять рот, а в кавалерии на столько же сотен; те и другие рассчитываются на взводы и по десяткам. Из офицеров в лянзе, кроме ингуаня, состоит его помощник и пять ротных или эскадронных командиров с их помощниками; кроме того, несколько чиновников для письменных занятий. В более крупные постоянные боевые единицы лянзы не соединяются. В случае же надобности большее или меньшее число лянз подчиняются одному командиру, который носит звание тунь-линь, если командует несколькими лянзами, и зунг-тунь, если под его командой находятся более двадцати лянз, или все войска отдельной области. Артиллерия не формирует батарей, хотя и существуют артиллерийские лянзы. В случае надобности орудия придаются к лянзам пехотным или конным.

Командир лянзы вместе с тем и полный ее хозяин. Получая от казны деньги по списочному составу людей, он всегда содержит их в наличии гораздо меньше; экономию же такого учета кладет себе в карман¹. Помимо того, значительная часть содержания, даже наличных солдат, расхищается их начальниками, от высших до низших чинов включительно.

Кроме лянз, состоящих из природных китайцев, а также из дунган², в Восточном Туркестане сформированы две

¹ Само правительство знает об этом и потому иногда дает полному генералу командование лянзой в виде пенсии.

² Кроме того, дунганы из застенного Китая иногда встречаются в лянзах из природных китайцев.

лянзы янги-мусульман¹ и две киргизские лянзы. В Илийской области и в Тарабагатае на службу также призваны сибо, солоны и калмыки разных родов. В регулярных войсках они образуют некоторые строевые части. Собственно же составляют милицию, которая содержит караулы на нашей границе, возит казенную почту, конвоирует транспорта и работает на казенных пашнях².

Сроком службы в вербовочных китайских войсках не полагается. В мирное время солдат волен оставить свою профессию, но не иначе как с согласия командира лянзы; в военное время отставки нет. Иностранцы обязаны службой с двадцатилетнего возраста до глубокой старости. Производство в обер-офицерские чины зависит не только от главнокомандующего, но даже и от областных начальников войск. Утверждение в чине получается из Пекина. Никакого образовательного ценза при этом не требуется. Обыкновенно в офицеры попадают всего скорее любимцы начальников, не исключая и их личных слуг. Увольнение от службы китайские офицеры могут получить также лишь с согласия своего начальства. Пенсии при отставке не полагается.

Жалованье нижних чинов различно, смотря по роду войск, к которому они принадлежат: в пехоте рядовой получает ежемесячно от 2—4 лан³, в кавалерии от 3—6 лан⁴; милиционерам отпускается вдвое менее. Сверх жалованья,

¹ То есть, из китайцев, обращенных силой в магометанство и служивших в войсках Якуб-бека. При наступлении китайских отрядов к Кашгару эти янги-мусульмане вновь изменили и, захватив Кашгарскую крепость, Янги-шар, передали ее в руки своих соотечественников.

² Для возделывания пашен нередко назначаются и солдаты регулярных войск.

³ То есть, от 4—8 наших серебряных рублей.

⁴ Впрочем, в кавалерии быть может включены сюда и фуражные деньги.

нижним чинам выдается натурой казенное продовольствие. Последнее состоит из дачи муки и дров, иногда риса и, в редких случаях мяса; в кавалерии, где лошади от казны¹, отпускается солома или клевер и кукуруза или ячмень. Фураж этот иногда заменяется деньгами. Иногда же сам ингуань продовольствует строевых кавалерийских лошадей, с вычетом за фураж из солдатского жалованья. Ротной варки пищи в лянзах нет; солдаты обыкновенно продовольствуются маленькими артелями, а женатые в своих семействах. Содержание офицеров, в особенности старших, довольно значительно. Так, например, командир лянзы получает 100—120 лан в месяц; ротный командир 20—40 лан, субалтерн-офицер 15—25 лан ежемесячно. Кроме того, офицеры получают, как и нижние чины, дачи натурой. Содержание войскам Новой Линии высылается из Пекина неисправно, поэтому голодные солдаты грабят жителей и нередко производят вооруженные бунты.

В главных и некоторых других пунктах областей имеются продовольственные склады, которыми заведуют особые чиновники. Пополнение этих складов производится хлебом с казенных пашен и от местных жителей, как податная их повинность. Для перевозки войсковых тяжестей заведены казенные верблюды и лошади. Первые возят вьюком, вторые запрягают в арбы (большие двухколесные телеги). Кроме того, в случае нужды перевозные средства добываются реквизицией от местных жителей или по подряду. При лянзах также имеются в небольшом числе конные арбы и вьючные верблюды для перевозки солдатских вещей, патронов и пр. Госпиталей или лазаретов, равно как и штатных врачей, в войсках нет. Лишь в главном пункте каждой области находится один врач и в его заведывании небольшая аптека. Больные вне этих пунктов лечатся

¹ Кроме лянз из калмыков и киргизов, которые служат на своих лошадях.

сами как знают. Во время войны не организуется никаких санитарных учреждений.

Обмундирование китайских солдат выдается им от казны и, за небольшими исключениями, одинаково во всех родах войск. Оно состоит из цветной курмы, на манер женской кофты, бязевых или плисовых панталон и таких же наколенников. Спереди и сзади курмы пришито по большому белому кругу с надписями той части, к которой солдат принадлежит. Под курму надевается длинный, разрезанный с боков халат. Обувью служат китайские с войлочными, реже с кожаными, подошвами башмаки; к ним обыкновенно приделываются голенища из полупелкуовой материи или плиса. На голове повязывается пестрый платок, под которым спрятана длинная коса. Не редко эта коса болтается на спине и придает безумному и безбородому солдату, каковы все китайские воины, вид совершенной бабы. Форменная одежда офицеров состоит также из курмы (суконной или шелковой), но без белых кругов; головным убором служит черная войлочная шляпа, наверху которой прикрепляется цветной шарик по чину, а также хвостовые перья голубого фазана или павлина. Как офицеры, так и солдаты, во время летней жары, употребляют веера.

Вооружение тех же китайских войск на Новой Линии находится в самом первобытном состоянии. До сих пор еще здесь можно встретить у инородческой милиции луки и стрелы, фитильные и кремневые ружья. Строевые части, как пехота, так и кавалерия, имеют разнообразное вооружение, среди которого преобладает семилинейное нарезное ударное ружье английской, американской, а иногда и тульской фабрикации. Скорострелки, преимущественно Спенсера, реже Генри Мартини и других систем, составляют лишь незначительный процент общего вооружения. Притом огнестрельным оружием снабжены далеко не все строевые чины даже в пехоте; многие из них носят сабли, бердыши, трезубцы, железные вилы и пики. Последние

длиною до трех сажен, делаются из склеенных пластинок бамбука и всегда снабжены вблизи верхнего конца значком из большого куска цветной материи. Этот значок служит для украшения фронта и, кроме того, по наивному объяснению китайцев, «им можно во время сражения запутывать неприятеля и брать его живьем». Лучше других вооружены, обмундированы, да и вообще содержатся лишь небольшие отряды, составляющие личный конвой командующих войсками. Офицеры никакого вооружения на себе не носят, только выезжая верхом, они имеют сабли, прикрепленные с левой стороны седла, как у всех китайских кавалеристов.

Обращение с огнестрельным оружием, не исключая и скорострелок, до невероятности небрежное. Сплошь и рядом стволы до того загрязнены нагаром и ржавчиной, что трудно заметить нарезку; притом эти стволы не редко погнуты, запирающий механизм испорчен, мушки потеряны, прицелы поломаны. Мало того, солдаты по собственному усмотрению режут приклады и стволы, так что последние остаются вовсе без прицельных мушек. В походах ружья привешиваются с боку седла или складываются на арбы, как дрова; в казармах валяются где попало. На них солдаты носят воду вместо коромысла, а в дороге из тех же ружей иногда устраивают кладки для перехода канав. Патроны носят солдатами в кожаных сумках через плечо или на поясе. Для нескорострельных ружей пороховые заряды помещают в бумажках отдельно от пуль; последние часто бывают не по калибру ствола, больше или меньше его. Для скорострелок патроны доставляются из Внутреннего Китая, оттуда же привозится и порох, из которого заряды для нескорострельных ружей готовятся в лянзах. Патронных ящичков при войсках нет. В случае нужды патроны берутся на арбах или вьюком.

Ни оружейных, ни каких-либо других специально военных заводов в районе Новой Линии нет. Только в пунктах

пребывания областных начальников войск в Дорбулджине¹, Суйдун² и Кашгаре имеются небольшие мастерские для починки огнестрельного оружия³ и для выделки холодного; здесь приготавливают частью и порох, но плохого качества. В тех же пунктах устроены склады патронов, пороха и ручного оружия. В этих складах, как говорят, помимо ударных ружей, достаточно и скорострелок, но, по всему вероятно, как те, так и другие большей частью испорчены от неумелого и небрежного обращения. Тем более, что все эти склады помещаются прямо в сараях или саклях, а не в нарочно приспособленных для того зданиях. Содержание оружия в особых складах, помимо все-таки большего его сбережения, чем на руках солдат, делается еще из опасения солдатских бунтов за неплатеж жалованья.

Не в лучшем положении находится и артиллерия в войсках Новой Линии. Хотя подробностей насчет количества имеющихся орудий, как старых, так и скорозарядных, узнать невозможно, ибо эти сведения, как и сами орудия, китайцы содержат под большим секретом, или лгут и хвастают немилосердно; но все-таки по тем данным, которые удалось, более или менее случайно, добыть нашим офицерам, можно заключить о незавидном состоянии и ничтожном значении артиллерии в описываемых войсках. Вся эта артиллерия, равно как и снаряды к ней, доставлены сюда из внутреннего Китая.

Как выше было замечено, орудия не формируют батарей, но придаются к лянзам по усмотрению начальства⁴.

¹ Укрепление в 60 верстах к востоку от города Чугучака.

² Город и укрепление в 38 верстах к западу от Кульджи.

³ При лянзах оружейных мастеров нет.

⁴ Лишь в крепости Дорбулджине, близ Чугучака, есть сформированная местным амбанем батарея из пяти медных, нарезных, с дула заряжающихся орудий, приблизительно четырехфунтового калибра.

Прислуга к этим орудиям назначается из тех же лянз, или из так называемых лянз артиллерийских. В крепостях и импанах¹ орудий на стенах не имеется. Все орудия, равно как и снаряды к ним, спрятаны в глинобитных сараях внутри тех же крепостей. По добытым сведениям, общее количество орудий не велико, а скорозарядных, преимущественно горных стальных, едва ли более нескольких десятков во всех войсках Новой Линии. Притом эти орудия, по крайней мере, те, которые удавалось видеть нашим офицерам, в большинстве случаев содержатся небрежно, как и ручное оружие. Помимо нередко попорченных, вероятно, вследствие дальней перевозки, лафетов, сами тела орудий иногда покрыты слоем ржавчины не только снаружи, но и внутри по нарезам канала. Снарядов при всех вообще орудиях, вероятно, также немного, вследствие затруднений при дальней доставке этих снарядов. Запряжка орудий производится лошадьми или мулами. Зарядных артиллерийских ящиков, как кажется, очень мало; их заменяют двухколесные арбы или вьючная перевозка. Если прибавить ко всему этому отсутствие теоретического обучения артиллерийскому делу, как равно и практической стрельбы, то можно утверждать, что самые лучшие орудия в руках китайцев будут мало вредоносны для неприятеля.

Кроме артиллерийских орудий, в описываемых войсках сохранились в большом числе старинные крепостные, гладкостенные фитильные ружья, так называемые тайфуры, которые содержатся как в импанах, так и при строевых частях. Ствол этого оружия длиной в сажень; калибр более дюйма; пуля свинцовая или чугунная; вместо приклада небольшая ручка. Для стрельбы дуальная часть ружья кладется на подставку или на плечо солдата, приседающего на колени и придерживающего ствол за лямки; другой

¹ Оборонительные казармы, о них будет сказано ниже.

солдат прицеливает и поджигает фитилем порох на полке. Выстрел получается громкий, но меткость и дальность боя никуда не годная. В походе тайфуры возятся на вьюках или на арбах. Для прислуги и прикрытия к каждой из них назначается от 5—10 солдат.

Как безобразно вооружение китайских войск в Новой Линии, настолько же, если не более, безобразно их обучение. Истинного понятия хотя бы элементарных требований военного дела здесь нет решительно ни у кого из офицеров, не исключая и высших начальников. Понятно, что при таком условии, солдату невозможно научиться чему-либо по своей специальности. В результате, из массы китайских воинов получается лишь нечто похожее на войско, но никак не армия в европейском смысле этого слова.

Строевые учения производятся в лянзах довольно редко, главным образом осенью и весной. Обязательного военного устава, по-видимому, нет; все зависит от личного усмотрения командира лянзы или начальника войск области. В общем, существуют лишь два строя — развернутый и каре. Притом главное внимание обращается на различные акробатические фокусы не только отдельных солдат, но и целых частей, как, например, рубка саблями в такт музыки, подпрыгивание и приседание шеренгами при действии теми же саблями, движение шереножного строя по различным фигурам и пр. О рассыпании стрелков и употреблении штыка в бою китайцы не имеют понятия; нет у них также маршировки и хождения в ногу. Притом во фронте солдаты разговаривают, сморкаются, иногда даже закуривают трубки. Обучающий командир лянзы помещается перед фронтом, или чаще на вышке импана. Офицеры обыкновенно в строю не участвуют, но находятся при начальнике лянзы, или стоят в стороне. У некоторых из них в руках бамбуковые палки, которыми тут же дуют непонятливых или провинившихся солдат. В строю всегда множество знамен и значков.

Боевая стрельба частями не производится; крайне редко люди стреляют в одиночку по мишеням. Все искусство обучения стрелковому делу состоит лишь в том, чтобы солдат умел как можно скорее зарядить и выстрелить, не заботясь о прицеливании; поэтому стрельба холостыми зарядами в большом ходу. Редкий из офицеров умеет сам выстрелить. Об обращении же с ружьем, об его чистке, разборке и пр., как солдаты, так и офицеры, не имеют ни малейшего понятия. Европейских инструкторов при войсках Новой Линии нет вовсе.

Нередко производятся здесь смотры и парады. На них, равно как и на учения, солдаты иногда вовсе не идут, требуя предварительно уплаты заслуженного жалованья. Бывает, что при необходимости сделать парад по случаю приезда почетного лица, начальник войск выдает своим солдатам за этот день суточные деньги, как заработную плату.

В кавалерии солдаты ездят хорошо, и умело обращаются с лошадьми, но обучение, основанное опять-таки на акробатических штуках и стрельбе с коня, делает этот род оружия никуда негодным. Притом разведочная и сторожевая служба кавалерии неизвестны. Артиллерийских учений, а тем более стрельбы из орудий снарядами, вовсе не производится.

Караульная служба в тех же войсках в полном пренебрежении. Караулы выставляются, по-видимому, лишь к воротам крепостей и импанов. К ним назначаются от лянз части обыкновенно на продолжительное время, поэтому солдаты переселяются в караульный дом со всем домашним скарбом, даже с женами и детьми по соседству. Днем постов не выставляют, в это время караульные солдаты занимаются кто чем хочет, часовые дежурят лишь ночью.

При походных движениях никакого порядка не соблюдается. Офицеры обыкновенно уезжают вперед на место ночлега. Солдаты же идут в разброд и как попало — кто

верхом, кто пешком, кто босой или без верхнего платья, по пути заходят в жилые места и грабят там. Продовольствие солдатам во время похода всегда берется у местных жителей реквизицией. Для носки вещей в походе солдатам выдаются вместо ранцев холщевые мешки. Однако солдатские вещи обыкновенно перевозятся в обозе. Сами же солдаты далеко не всегда несут на себе даже оружие, нередко и оно везется на арбах. Если же ружья имеются на руках солдат, то они во время пути стреляют во встречных птиц и зверей, или прямо на воздух. При всем том следует сказать, что китайский солдат вообще хороший ходок, да и относительно пищи в походе неприхотлив.

Те укрепления, о которых под названием импанов было не раз упомянуто выше, представляют глинобитные крепостцы квадратной формы, сажень в 30—60 по длине фасов, с зубчатою стеной в 2—3 сажени вышины, с фланкирующими башнями по углам и иногда неглубоким рвом впереди. В одном из фасов проделываются ворота, прикрытая снаружи небольшой стенкой. Внутри импана построены для солдат казармы, которые представляют длинный ряд глиняных, под общей камышовой крышей, каморок, примкнутых к крепостной стене или расположенных отдельно от нее. В каждой каморке помещаются 5—10 солдат. Нагревание производится топкой глиняных нар, которые служат для спанья. Пол земляной, окна решетчатые, заклеенные просаленной бумагой, иногда же вместо окон имеется лишь отверстие в потолке. Вообще описываемые жилища грязны и холодны. Женатые солдаты живут в тех же казармах, но отдельно со своими семействами. Помещения командира лянзы и офицеров мало чем отличаются от солдатских, они строятся также внутри импана, только особо от казармы нижних чинов.

Каждый импан служит помещением обыкновенно для одной лянзы, с ее лошадьми, запасом продовольствия, топлива, фуража и пр. Приспособлены импаны лишь для

ружейного огня, да то плохо относительно фланкирования или взаимной обороны. Цель таких сооружений заключается по объяснению китайцев в обеспечении лучшего надзора за солдатами. Отчасти это и правда. Главным же образом импаны строятся ради трусости китайских войск и их любимой привычки воевать из-за закрытий.

Импаны встречаются во всех трех провинциях Новой Линии, чаще по соседству нашей границы, как например, в Дорбулджине, на Боро-тола, в Суйдуне и в западной части Восточного Туркестана. Возводятся они частью местными жителями по наряду, изредка по найму, частью самими же китайскими солдатами, которые вообще весьма привычны к земляным работам.

Более прочные укрепления под названием янги-шари (то есть новый город) выстроены китайцами (часто доставались им от инсургентов) в больших городах Новой Линии. В этих янги-шари помещаются кроме войск¹ все китайские военные и гражданские власти округа, склады продовольствия, обмундирования, оружейные, артиллерийские и военные мастерские, если таковые имеются. Здесь же находится базар (китайский или даже туземный), и живут торговцы со своими семействами. По размерам, янги-шари бывают различные — средним числом от 100—200 сажень в поперечнике, иногда же и более². Стены их сбиты из глины и имеют 4—6 сажень вышины, при значительной толщине с оборонительной стенкой наверху. Форма янги-шари, как у импанов, квадратная, реже многоугольная. По углам и на протяжении фасов — фланкирующие башни, впереди ров иногда с вододействием и оборонительной стенкой.

¹ Казармы солдат внутри янги-шари также иногда обнесены импаном.

² Так, например, кашгарский янги-шари, как кажется, наибольший из всех, имеет слишком полторы версты в окружности, по своей форме он представляет неправильный пятиугольник.

В крепость ведут трое или четверо ворот, прикрытых полукруглыми траверсами. На ночь эти ворота, как и в импанах, запираются. Для артиллерийской обороны янги-шари мало пригодны, ибо, за исключением немногих башен, не имеют на стенах хорошего помещения даже для горных орудий, не только что для полевых или крепостных. Соображая по своему, китайцы больше рассчитывают на защиту этих крепостей ружейным огнем и ручным метанием в неприятеля камней, которые для такой цели в изобилии собраны на стенах. Другие крупные недостатки янги-шари заключаются в том, что они нередко расположены у подножия командующих высот, а внутри не имеют блиндированных построек; затем городские здания и сады часто подходят к самым крепостным стенам, так что подступы к ним весьма облегчены с близкого расстояния. Словом, эти крепости не удовлетворяют даже слабым требованиям современного военного искусства.

Если обратимся теперь к внутренней, моральной стороне китайских войск Новой Линии, то увидим еще более печальные явления. Причины тому, с одной стороны, малая пригодность для военного дела самого солдата, его трусость и низкий нравственный уровень, а с другой — в крайней степени неудовлетворительный состав офицеров, не исключая и высших начальников. Помимо полного невежества тех и других в деле своей специальности, как солдатам, так и офицерам равно чужды здесь понятия чести и долга¹. Никаких нравственных уз и никакого нравственного авторитета начальников над подчиненными в армии не существует. Каждый офицер, от низших до высших чинов, прежде всего, вор и грабитель в глазах солдата, которого он действительно обирает самым бессовестным образом. Офицеры, за ними же и солдаты, поголовно преданы

¹ Так, например, в наказание провинившемуся солдату назначается посылка его в передовые ряды во время сражения.

курению опиума, а этот бич, как известно, убивает физическую и нравственную стороны человека. Никакого присмотра за солдатом, не говоря про его воспитание, в войсках не существует. Кроме редких учений, нижние чины занимаются целый день чем угодно, даже мелочной торговлей по базарам, и лишь на ночь обязаны являться в свои казармы, где тотчас приступают к курению опиума. Офицеры также целый день, как говорится, бьют баклуши, на ночь же накуриваются опиума и спят нередко до полудня.

Отношения офицеров между собою и к солдатам самые ненормальные: то слишком фамильярные, то слишком этикетные и требовательные¹. В результате получается полное отсутствие истинной дисциплины, несмотря на то, что даже младшие офицеры имеют право подвергать солдат тяжким телесным наказаниям. Начальник же войск в области или командир нескольких лянз (тун-лин) могут предавать нижних чинов смертной казни. Но все эти строгости, нерегулируемые законом, наоборот, применяемые вполне произвольно², приводят лишь к частому дезертирству и вооруженным бунтам солдат.

¹ Офицеры нередко проводят время вместе с солдатами как в казармах, так и вне их, причем иногда подвергаются грубым выходкам и даже оскорблениям со стороны солдат. Эти последние, по какому-то нелепому случаю, совершенно игнорируют офицеров, не принадлежащих к их лянзе, и даже высших начальников, которым прямо не подчинены. Иногда же, в особенности на чужих глазах, китайские офицеры свысока, даже презрительно относятся к своим солдатам. Таковы же отношения командиров отдельных частей к подчиненным им офицерам: при посторонних людях эти офицеры не смеют сесть пред своим начальником, даже прислуживать ему за столом или подать чай и трубки, как наши денщики; когда же показная сторона миновала, эти самые офицеры держат себя на панибрата со своим повелителем.

² Военского устава о наказаниях и военных судов в войсках китайских нет. За общие преступления солдаты судятся гражданским судом, за военные — по усмотрению начальства. Наказания практикуются слишком жестокие: тысяча или, как говорят, даже две тысячи и более ударов бамбуковой палкой, ножные кандалы, шейные колодки,

Своей ненависти к офицерам и другим начальникам китайские солдаты вовсе не скрывают. Ради этого командиры войск окружают себя конвоем из преданных людей. Словом, во всех отраслях военного быта царит страшная безурядица и полнейший произвол, приправляемые нередко круглым невежеством даже главных начальников войск¹. Специальные их познания в деле военном, как уже не раз было говорено, не выдерживают ни малейшей критики. Можно поручиться, что сам главнокомандующий китайской армией на Новой Линии гораздо менее понимает современные требования войны, чем любой из наших субалтерн-офицеров.

Такова, конечно в самых общих, крупных чертах, характеристика ближайшей к нам китайской армии. Ее полнейшее безобразие в деле военном нередко поразительно. Приведенные факты добыты и проверены как личными нашими наблюдениями, так и исследованиями других русских офицеров. Повторяю, что данная характеристика в большей или меньшей степени может быть приложима ко всему китайскому воинству, ибо известно каждому, что «яблоко от яблони не далеко упадет».

смертная казнь. Для офицеров наказания заключаются в аресте, денежном вычете из содержания, смещении на низшую должность, наконец, в бите бамбуковыми палками с разжалованием или без оногo. Все это может быть исполнено властью главнокомандующего или даже начальствующего войсками области с донесением в пекинское военное министерство. Генералы подвергаются наказаниям только по конфирмации Богдохана.

¹ Так, например, командующий ныне войсками в Восточном Туркестане, сановник Дунг, вовсе безграмотный.

Наши отношения к Китаю

Сопоставляя все вышеизложенное о непрочности китайской власти среди соседних нам народов Центральной Азии, о большой симпатии этих народов к русским, о неудовлетворительности военных сил Китая, можно, по-видимому, прийти к заключению, что наше положение в Азии, по крайней мере, относительно Китая, не оставляет желать ничего лучшего. В действительности же совсем наоборот. Начиная с первого нашего посольства в Китай в 1653 году и до отказа китайцев утвердить недавний Ливадийский договор, все наши отношения к Срединной Империи зиждутся на сохранении столь восхваляемой двухсотлетней дружбы, в сущности же на нашем двухвековом заискивании пред Китаем. Отрадные исключения за весь этот долгий период составляют лишь энергический действия графа Рагузинского, заключившего в 1727 году договор, которым положено начало кяхтинской торговле, да такие же действия во второй половине пятидесятих годов нашего столетия графов Муравьева и Игнатьева, сказавшиеся приобретением нами Амурского края. В этот последний период китайцы было приуныли, в особенности после трепки, которую им задали в 1860 году англо-французы. Притом тогда не была еще подавлена в Китае грозная инсurreкция тайпингов, и вскоре вспыхнуло восстание дунган. Казалось, что для нынешней Манчжурской династии, восседающей с 1644 года на престоле Китая, пробил роковой час, но не тут-то было. Верный своей традиционной политике пассивного выжидания и сопротивления, Китай понемногу справился с инсургентами, как на юге, так и на западе империи, обзавелся военными снабжениями из Европы и потребовал от нас обещанного возвращения Кульджинского края. После долгих переговоров край этот был нами уступлен обратно. Столь дешевый успех еще более подзадорил китайцев. Признавая, как и все азиатцы, лишь неотразимую

силу и того ради принимая нашу уступчивость за боязнь и бессилие, китайцы, особенно в последние годы, сделались чересчур заносчивы и высокомерны даже в пограничных с нами сношениях. Я не говорю уже про Амурский край, сопредельный враждебной нам Манчжурии — там наглые выходки китайцев по временам совершенно невыносимы. Но даже со стороны Монголии и притяньшаньских земель, где власть китайская чуть держится — и там китайцы с невообразимым нахальством, а главное безнаказанно, сплошь и к ряду оскорбляют как наших пограничных начальников, так и наших консулов, не соблюдают условий трактатов, тормозят нашу торговлю и пр. и пр. Соседние той же границе инородцы, как наши, так и китайские, все это видят и знают. Престиж наш, уже достаточно поколебленный уступкой Кульджи, падает с каждым годом в местностях пограничных; наоборот, помимо даже желания со стороны туземцев, в их глазах вырастает значение власти китайской. В высших правительственных сферах Китая, быть может, не без постороннего влияния, как кажется, уже не скрывают желания помериться с нами на поле бранном и заранее намечают результаты китайских побед. Словом, пресловутая двухсотлетняя дружба, несмотря на все наше старание продлить ее, хотя бы ценой уступок и поблажек, все-таки висит на волоске, который не сегодня-завтра может порваться.

Затем нужно помнить, что Китай никогда не имел и ныне вовсе не имеет искреннего желания вступить в близкие сношения с иностранцами. Наоборот, избавиться от «заморских дьяволов» и жить по-прежнему изолированно — вот заветная мечта всего китайского народа и его правительства. Отчасти это и резонно, если вспомнить каким несправедливостям и нападкам подвергается Китай со стороны европейцев, начиная от привилегированного здесь положения всех иностранцев вообще и затем миссионеров, которые, уклоняясь от истинных принципов своей пропаганды,

создают государство в государстве, до торговой эксплуатации и насильственного ввоза опиума¹, отравляющего цвет китайского населения. На нас, собственно говоря, ни в чем подобном Китай не может жаловаться. Мы всегда были слишком уступчивыми и добрыми для него соседями. Даже занятие нами Амурского края не было особенной наглостью с нашей стороны, ибо край этот фактически никогда китайцам не принадлежал.

Тем не менее, как выше сказано, Китай и относительно нас держится самой неблагодарной, если можно так выразиться, политики. Хотя договорами², заключенными в текущем полувеке, мы значительно расширили свои торговые права и дипломатические сношения со Срединной Империей, получили разрешение содержать своего представителя в Пекине³, а консулов в открытых европейцам портах и в некоторых городах, ближайших к нашей сухопутной границе, тем не менее, практические результаты таких успехов весьма не велики. По-прежнему китайцы смотрят на нас свысока, по-прежнему тормозят нашу торговлю, по-прежнему придираются ко всякому удобному случаю, чтобы нарушить то или другое условие трактатов. Каждый из беспристрастных людей, имеющих дело в Китае или по нашей там границе, может это засвидетельствовать. Да и в самой прочности существующих трактатов позволительно сомневаться, ибо в Китае, при огульной ненависти

¹ На 12 миллионов фунтов стерлингов ежегодно.

² Кульджинским, Айгунским, Тяньцзинским, Пекинским и Петербургским.

³ Ранее дипломатические сношения между нами и Китаем обыкновенно производились особыми посольствами. Такие посольства с нашей стороны редко достигали своей цели, но всегда более или менее испытывали гордое, даже презрительное отношение к ним китайских властей. Доходило до того, что Пекинское правительство, видя настойчивость нашего посла, требовало взамен его прислать «более благоразумного человека».

к европейцам всего населения и при нередкой смене господства в правительственных сферах той или другой партии, каждый договор более чем где-либо имеет обязательность лишь настолько, насколько он гарантирован материальной силой договаривающегося. По верному мнению профессора Мартенса¹, международное право не может быть приложима в сношениях с полудикими народами². Им нужна видимая сила, которую только и признают и уважают они. Так и для Китая. Осязательно чувствуя громадную силу морских держав, он поджимает пред ними хвост и, наоборот, видя нашу уступчивость, ощетинивается в эту сторону. К тому же преобладающее в Пекине влияние иностранцев и вероятные интриги некоторых из них еще более парализуют наше положение в Небесной Империи.

Иные говорят, что Китай косвенным образом услуживает нам, сдерживая под своей властью народности Центральной Азии, но такой взгляд едва ли верен. Номады-монголы в нынешние времена не могут быть хотя сколько-нибудь нам опасны; владычество же китайцев над магометанским населением Центральной Азии ведет, как было выше объяснено, не к успокоению этого населения, а, наоборот, к новым с его стороны восстаниям. Эти восстания, в особенности при удачном их исходе, могут до известной степени мутить и магометан в сопредельных наших владениях.

¹ Высказанному в его замечательных брошюрах: «Россия и Китай», «Россия и Англия в Средней Азии».

² А разве к ним нельзя причислить китайцев? Страна, которая окаменела в своих вековых преданиях и чужда всякому прогрессу, ибо почитание старины возведено здесь чуть не в религиозный культ, где наука представляет собой мумию, где нравственность, жизнь семейная и общественная зиждутся на принципах, выработанных задолго до начала нашей эры, где народ не знает никакой религии и совершенно бессердечен, где материальные выгоды составляют единый кумир всех и каждого, где, наконец, чужеземец со своими новшествами, без разбора хороши ли они или худы, является заклятым врагом — такая страна без особенной натяжки может быть названа полудикой.

Немногим лучше и относительно нашей торговли с Китаем, по крайней мере, при настоящем ее положении. Хотя до половины нынешнего столетия мы почти не имели здесь торговых соперников и более чем полтора века ведем кяхтинскую торговлю, тем не менее, весь годичный торговый наш оборот с Небесной империей (по привозу и вывозу) достигает лишь $24\frac{1}{2}$ миллионов рублей¹. Между тем сравнительно недавно возникшая морская торговля западных держав с Китаем так быстро возрастает, в особенности для Великобритании, что ежегодный оборот этой торговли уже представляет почтенную цифру в 1100—1200 миллионов франков. Ясно, что конкуренция здесь для нас теперь немислима, и что весь приморский Китай никогда не может сделаться нашим рынком². Но в застенных владениях Китая и даже в собственных северо-западных его провинциях Гань-су и Шан-су, где торговля издавна направляется к Монголии и Тибету, мы имеем возможность развить и упрочить наши торговые операции. Со временем, быть может, представятся удобные обстоятельства забраться и поглубже в Собственный Китай.

Во всяком случае, лучшее будущее нашей китайской торговли возможно лишь тогда, когда хотя отчасти устранятся те причины, которые служат великими для нее тормозами. К таким причинам, действующим извне, помимо непосильной конкуренции морских держав, двигающих громадными капиталами и наводняющих открытые китайские порты своими дешевыми товарами, следует причислить, прежде всего, недобросовестное отношение самих китайцев к торговым с нами трактатам и те притеснения,

¹ За 1884 год.

² Из числа 22970 судов (17300 пароходов и 5670 парусных), посетивших в 1880 году открытые европейцам китайские порты и перевезших около 16 миллионов тонн груза, наших судов было только 41 с грузом около 50 тысяч тонн.

которым подвергаются от китайской администрации наши торговцы со стороны сухопутной границы. Так, Манчжурия для нашей торговли фактически вовсе заперта, несмотря на то, что еще Айгунский трактат 1858 года выговорил нам свободное плавание по реке Сунгари. В Монголии же, помимо транзитной чайной торговли, исключительно направляющейся в Кяхту, наша торговля с номадами крайне затрудняется торговыми здесь компаниями китайских (преимущественно шан-сийских) купцов. Эти компании имеют каждый определенный район, и помимо поставки более дешевых, приноровленных к вкусу и потребностям монгола товаров, находятся в стачке с местной китайской администрацией, так что почти исключают возможность конкуренции с нашей стороны. Наконец, в Восточном Туркестане, где китайская торговля ничтожна, а наша всего более развита, благодаря давнишнему тяготению этой страны к бывшему Кокандскому ханству, то есть к нынешней Ферганской области, китайцы самым бессовестным образом сплошь и рядом теснят русскую торговлю и даже совершают насилия над нашими подданными. Несколько улучшилось подобное положение лишь с учреждением русского консульства в Кашгаре. Вообще для преуспевания нашей торговли в застенном Китае, помимо уже имеющих здесь консульств — в Урге, Чугучаке, Кульдже и Кашгаре — следовало бы учредить и новые в важных для торговых операций пунктах.

Затем, немало найдется и с нашей стороны причин, стесняющих развитие русской торговли, как в Центральной Азии, так и в других местностях Китая. Такими причинами являются: отсутствие крупных капиталов, недостаток солидных торговых фирм и широкой инициативы в этом деле вообще. Кроме того, малое развитие нашей колонизации по китайской границе, отсутствие здесь фабричного производства и неудовлетворительное состояние путей сообщения — все это вместе взятое представляет весьма

тяжеловесную сумму неблагоприятных условий, при которых торговое дело едва ли может установиться как следует. А между тем, даже и теперь, некоторые наши товары, как юфть, плис, сукно и железо в разных видах, находят для себя хороший сбыт в Монголии¹; частью те же товары, кроме того, ситцы, разные бумажные и шерстяные материи, медные изделия, сахар и пр., ходко продаются в Восточном Туркестане². Кроме того, значительным предметом сбыта в Собственный Китай из нашей Сибири могло бы быть тамошнее сырье, как лес³, скот⁴ и пр.

Конечно, вопрос о развитии нашей торговли с Китаем потребует многостороннего обсуждения специалистов, но, наперед можно сказать, что постановка этого дела на более широких и прочных, чем теперь, основаниях, немислима без коренного изменения наших отношений к Срединной

¹ Здесь наша торговля почти исключительно меновая. Она производится по всей северной Монголии, как равно и в тамошних городах — Ург, Улясутае и Кобдо. Оборот этой торговли по привозу и вывозу простирается свыше двух миллионов рублей. Китайская торговля в той же Монголии производится на десятки миллионов рублей.

² Торговля здесь находится в руках наших подданных, уроженцев Ферганы и других частей русского Туркестана; эти люди известны в Восточном Туркестане, как уже говорено было, под общим именем Андижан. Оборот всей торговли, по привозу и вывозу, простирается в 1882 году, по донесению нашего кашгарского консула до 2200000 р.

³ В настоящее время лес из окрестностей Урги, в виде досок и брусьев, перевозится в Калган вьюком на обратных верблюдах или на обратных же подводах. Доставка каждого пуда дерева обходится (при вьючной перевозке) около одного рубля на наши деньги. Всего отправляется ежегодно на сумму от 30—40 тысяч рублей. Сколько могли бы мы сбывать морем в Китай и Японию лесного материала из громадных лесов Амурского края?

⁴ Китай, вовсе не имеющий пастбищ и скотоводства, весьма нуждается в скоте, который ныне получается, главным образом, из Монголии, даже из окрестностей Улясутая и Кобдо. Тем же путем мог бы быть доставляем в северный Китай дешевый скот наших киргизских степей.

Империи. К сожалению, выгодное разрешение многих здесь неудобств мирным путем едва ли удастся. Повторяю, каждому из наших пограничных деятелей известно, что высокомерие и наглость китайцев растут с каждым годом. Возможно даже что Китай, отуманенный недавними успехами в борьбе с дунганями, частью в Тонкине и возвращением Кульджи, притом подстрекаемый нашими недругами, сам объявит нам войну при первом удобном случае. Час такого события, быть может, не за горами. Особенно его опасаться нет резона, ни со стороны наших шансов победы, ни со стороны подрыва нашего положения в Азии вообще, а в Китае в особенности. Как ни дурна война сама по себе, но худой мир также не сладок; это испытывает теперь вся Европа. Относительно же Китая можно быть уверенным, что его политика к нам не переменится, по крайней мере, прочным образом, без фактического заявления силы с нашей стороны. Волей-неволей нам придется свести здесь давние счета и осязательно доказать своему заносчивому соседу, что русский дух и русская отвага равно сильны — как в сердце Великой России, так и на далеком востоке Азии.

Переписка с Петровским

Кашгар, 15-е февраля 1888 г.

Многоуважаемый Николай Михайлович!

Письмо Ваше, извещающее о предстоящем Вам, новом, путешествии, получил. Сердечно поздравляю Вас с успехом в достижении желания Вашего. Путешествия Ваши по Азии, полные самоотвержения, смелости и отваги, важны только же для науки, сколько, если не более, для государства и его исконной, по отношению к Азии, политики: Вас не забудут ученые, Вашими исследованиями

и трудами будут всегда пользоваться и руководствоваться, — это, конечно, заслуга великая; но более его ставлю я то, что Вас не забудут народы и племена Азии, которым, в лице Вашем и Ваших храбрых спутников, Вы наглядно показали, и в уме которых, надолго, если не навсегда, запечатлели величие России, ее мощь и силу. Этих двух качеств — ученого и патриота, так совершенно соединившихся в одном лице, не имел, сколько мне известно, еще ни один из знаменитых путешественников...

* * *

В Верном есть два бывших урядника, учившиеся по-китайски и манджурски и кончившие учение, Бахпрев и Шебалин, порядочные люди, знающие и по-киргизски; по-монгольски они не знают. На случай имейте их в виду. Я хотел было взять кого-нибудь из них в консульство, да нет у нас для этого средств.

* * *

Верблюды здесь (т. е. в Кашгарии) дороги. Было бы лучше, если Вы закупите их в Аулие-Ата, Чимкенте, Ташкенте и перегоните их порожнем за Тянь-Шань.

Кажется, пока, все, что желал сообщить по новому предприятию.

Инструкцию мою разведчикам и программу вопросов их (на персидском, тюркском и русском языках) нужно осторожно попросить в Аз. Д-те 1, куда она представлена. Никаких условий я ставить не могу и не желаю, разве только попрошу штук 20 оттисков. Если захотят напечатать, то необходимо печатать весь текст, иначе — не будет (в напечатании одного русского текста) никакой цели.

Это лучше не показывать в Азиат. департаменте.

Искренно преданный *Н. Петровский*

Последний дневник Н. М. Пржевальского
(публикуется по изданию: Известия Всесоюзного географического общества. Т. 72. Вып. 4–5. М.; Л., 1940. С. 638–640)

...1888 г. 20, 21, 22, 23 сентября.

Проехали около 600 верст от Ташкента до Пишпека. Я ехал на двух тройках (с тремя солдатами), в другом эшелоне также на двух тройках следовали немного позади Роборовский и Козлов, также с тремя солдатами. Остальные 10 солдат с Ивановым отправлены вместе с багажом на 16 арбах, нанятых до Пишпека.

24, 25, 26. Пробыли в Пишпеке. Помещались отлично — в юртах за городом. Покупали у киргизов верблюдов. Платили за хорошего 60 рублей, за отличного 70, куплено уже 39. Нам необходимо иметь здоровых и сильных верблюдов, иначе нам не удастся обследовать Тибет. Погода, несмотря на конец сентября, стоит отличная, днем жарко, как у нас в середине лета. Дневник пока еще плохо пишется.

27. Поехал на почтовых из Пишпека в Верный за китайским серебром и ради выбора нескольких казаков. Со мною Роборовский, Нефедов и новый наш переводчик Сташков.

28. В два часа пополудни приехал в Верный. Город этот сильно разрушен землетрясением. Начинает вновь застраиваться. Подземные толчки продолжают до сих пор.

29. 30. Пробыли в Верном...

2 (октября). Утром выехали из Верного. Дорогою по станциям были выставлены из киргизских волостей верблюды.

По-прежнему очень плохи, так что из 500 выставленных я выбрал для экспедиции только 7.

3. Перед вечером приехали в Пишпек, куда уже прибыл из Ташкента весь наш багаж.

4, 5. Вечером поехали с Роборовским на станцию Константиновскую (19 верст от Пишпека)...

(По дороге стреляли фазанов). Вечером и утром я убил 15, Роборовский — 1. Несмотря на октябрь, днем очень жарко, листья еще не осыпаются с деревьев, хотя на некоторых уже начали желтеть...

В отряде собрано до сих пор 23 солдата, и казаков нужно теперь только еще двух¹.

А. П. Чехов о Н. М. Пржевальском
(отрывок приводится по изданию: Чехов А. П.
Избранные произведения. М., 1948. С. 775—776)

Н. М. Пржевальский, умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль. Умирающему бог дал силы совершить еще один подвиг — подавить в себе чувство тоски по родной земле и отдать свою могилу пустыне. Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение... Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие,

¹ На этом запись обрывается. Это последние слова путешественника. Во время описываемой охоты на фазанов Пржевальский разгорячился, свежий ветер продул его, к тому же он выпил пару бутылок холодного напитка. 8-го Пржевальский приехал в Каракол и слег. Умер 20-го, в 7-ом часу утра.

привычка к зною, холоду, тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. А где эта сила, перестав быть отвлеченным понятием, олицетворяется одним или десятком живых людей, там и могучая школа. Недаром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник, и недаром по тем путям, где проходили они, народы составляют о них легенды. Изнеженный десятилетний мальчик-гимназист мечтает бежать в Америку или Африку совершать подвиги — это шалость, но не простая; безграмотный абхазец говорит вздорные сказки об Андрее Первозванном, но это не просто вздор. Это слабые симптомы той доброкачественной заразы, которая неминуемо распространяется по земле от подвига.

В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, когда всюду в страшной взаимной комбинации царят нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят, сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают.

Их личность — это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что кроме скептиков, мистиков, психопатов, философов, либералов и консерваторов есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самую жизнь, стоят вне всякой цены. В этом

отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание — продолжать свое дело после смерти, оживлять своею могилою пустыню. Читая его биографию, никто не спросит: Зачем? Почему? Какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав.

Из выступления П. П. Семенова

Пржевальские ведут свой род от запорожского казака Карнилы Анисимовича Паровальского, поступившего в польскую службу и принявшего впоследствии фамилию Пржевальского. Дед Николая Михайловича воспитывался в иезуитской школе в Полоцке, но до окончания курса бежал из училища и перешел в православие, принял имя Кузьмы Фомича. Отец — Михаил Кузьмич, в чине поручика, оставил службу, женился, и поселился на жительство в имении...

«В 1867-м году, говорит вице-председатель Императорского Русского Географического Общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский, я впервые познакомился с Николаем Михайловичем. Через мое посредство он обратился тогда в первый раз за помощью и покровительством к Географическому Обществу, объяснив мне свои намерения заняться путешествием в Средней Азии. В то время Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, отправлявшимся в путешествие по собственной инициативе, может быть потому, что

такая инициатива проявлялась еще слишком редко, но от времени до времени оно снаряжало свои экспедиции, подбирая в состав их исключительно лиц уже известных своими научными трудами и рекомендуемых организаторами экспедиций. Н. М. Пржевальский был в научном мире еще совершенно неизвестной величиной и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию, Совет Общества не решился»... Следует заметить, что молодой, энергичный Пржевальский произвел на П. П. Семенова-Тян-Шанского сильное впечатление и П. П. боясь расстаться с ним, навсегда обещал Николаю Михайловичу, что если он на собственные средства сделает какие бы то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском крае, то по возвращении из Сибири, он может надеяться на организацию со стороны Географического Общества, под его руководством, более серьезной экспедиции в Среднюю Азию.

Пржевальский отправился в Иркутск, где просвещенный генерал Кукель встретил его благосклонно и нашел возможным дать ему командировку в Уссурийский край. В течение полутора лет (1868—1869 гг.) боролся Николай Михайлович со всевозможными трудностями, опасностями и лишениями, блуждая и охотясь по дебрям и лесам Уссурийского края. Результатом его трудов было первое прекрасное и талантливое его сочинение «Путешествие в Уссурийский край», изданное в 1870 году. Императорское Русское Географическое Общество присудило Николаю Михайловичу первую почетную награду — серебряную медаль, причислив его с этой поры к своим непосредственным деятелям.

Слово, данное П. П. Пржевальскому Семеновым-Тян-Шанским, было исполнено. По взаимному соглашению был выработан план первой экспедиции Пржевальского во Внутреннюю Азию.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

**В. И. Шаповалов, народный поэт Кыргызстана,
доктор филологических наук**

Пржевальский

Солёная чаша полна тенгрианскою синью:
приляг на попону над каменно-злобным карнизом —
с высот Арашана стекает пропахший полынью
немолкнувший ветер, учебник зовет его — бризом.
Тяжёлые птицы неведомой хищной породы
на стенах мазара торчат, как столетья покоя.
И жирные песни творят под шатрами рапсоды,
и старая нота пронзает истёртой тоскою.
Тяжёлое небо прогнулось над горной долиной —
вот, кажется, звёзды, как мелочь для нищего, бросит:
пока собирались мы к веку явиться с повинной,
кочёвка пришла — и настала пустынная осень.
Усталые кони остатки травы подбирают.
С котомкой кашгарский шиит — будто оптинский инок.
В потемках безмолвно на мир незнакомый взирают,
встречаясь, глаза казаков и замужних бугинок.
Мы мир свой забыли и стали бесплотною тенью,
не помнят и нас, поклоняются богу иному:
дорога к ущелью длиннее, чем век поколенья,
спешили домой — а прибились к подворью чужому.
Что было в начале пути — ни к кому не вернётся,
с озёрного дна ухмыльнётся дворец Тамерлана,
оступится конь на тропе, и казак встрепенётся,
и серп в небесах обернётся судьбой без обмана.

В тифозном бреду разве вспомнить, зачем начинали
дорогу в полмира – чтоб путь оборвался в полсвета.
И мнится: пичуга, тоскуя на черной чинаре,
по-русски поёт, генерал!.. Впрочем, глупость всё это.

2009

Публикуется по изданию:

В. М. Плоских. Последний приют Н. М. Пржевальского. –
Б., 2014.

Часть третья

**Русские
исследователи
Кыргызстана**

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ЭКОНОМИКЕ КИРГИЗОВ

Сведения о хозяйстве киргизов до вхождения в состав России

Наиболее ранние сообщения в России о хозяйственных занятиях киргизов стали откладываться в архивах и появляться в печати с конца XVIII — начала XIX в.

Первые материалы о хозяйстве киргизов были опубликованы в журнале «Новые ежемесячные сочинения» в 1796 г. в статье И. Г. Андреева. Автор упоминает о кочевьях киргизов, которые «имеют довольно лошадей и скота». Описывая северо-киргизские племена, И. Г. Андреев подчеркивал, что они «имеют довольно и обильное хлебопашество», которым «народ сей в летнее время упражняется»¹.

Уже первые сведения отечественных исследователей о наличии земледелия у киргизов дают основание предполагать, что у них было не только чисто кочевое скотоводческое хозяйство, но и полукочевое.

О кочевом хозяйстве южных киргизов и о занятиях их торговлей в начале 80-х годов XVIII столетия рассказал Филипп Ефремов: «Киргизы обитают... между городом Уш и Кашгари. Еще в горах и равнинах кочевьями в небольшом количестве... почти не бывают в Бухарии, ездят часто в Кукан, куда пригоняют для мены овец, быков

¹ Андреев И. Г. Описание Средней Орды киргис-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилегающих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. Т. СХ–СХVIII. СПб., 1795–1796. С. 26–28

и верблюдов»¹. Наблюдения Ф. Ефремова свидетельствуют о меновом характере торговли у киргизов. Это подтверждается и сведениями купцов, побывавших в Киргизии в первой четверти XIX в.

Ездившие в 1800 г. в Ташкент горные инженеры Поспелов и Бурнашев рассказывали, видимо со слов встреченных ими купцов, о торговле киргизов скотом, предупреждали всех об опасности торговли и трудности торговых трасс, пролегавших через Киргизию. Отмечая пользу непосредственно прямой торговли между Россией и Ташкентом (минуя Бухару), авторы сетуют на то, что караваны в пути постоянно подвержены опасности, «с одной стороны, от черных или называемых диких киргизцов, кои живут в горах поблизости Ташкента, с другой — от киргиз-кайсаков Средней орды»². Об этом же предупреждал и Филипп Назаров, караван которого при возвращении из Коканда в 1814 г. встретил «черных или закаменных киргизцов».

Ф. Назаров говорит о торговле киргизов с соседним оседло-земледельческим населением Андижана, Намангана, Сузака. Здесь они выменивали на скот необходимые товары у земледельцев и ремесленников. Автор оставил описание г. Оша, указав, в частности, на наличие городской торговой заставы, на которой «взимается пошлина с проходящих из Китая и в Китай караванов»³.

¹ Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811. С. 73. Это третье из четырех дореволюционных изданий «Странствий» (1786, 1794, 1811, 1894 гг.) Ф. Ефремова, наиболее полное и исправленное.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18541. Л. 99; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. В. Ханькова. «Вестник РГО». Ч. 1. Отд. VI. 1851. С. 11, 39.

³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 24668. Л. 155–156; Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии... 1968. С. 31, 70–72.

В дополнении к рапорту, поданному по возвращении из поездки, Ф. Назаров особо подчеркнул, что киргизы обитают в горах Ала-Тоо, где они имеют и свое «хлебопашество»¹.

Сведения о киргизах нередко основывались на показаниях купцов, записках и маршрутных записках побывавших там русских людей. Контакты России с Киргизией заметно расширились в первой четверти XIX в.² В прошениях и обращениях купцов к сибирским властям после открытия нового торгового тракта и Западной Сибири через Киргизию в страны Востока часто содержатся сведения о торговле киргизов. Так, из отчетов купцов, освоивших новый тракт в 1813 г. и глубоко заинтересованных в развитии торговли с киргизами, можно сделать вывод, что в первой четверти XIX в. у киргизов преобладала меновая торговля, причем частным эквивалентом взаимобмена при первых личных контактах с местным населением служила шкура лисицы³. А это в определенной степени свидетельствует и о распространении у киргизов охоты.

Возвращавшийся в 1813 г. из путешествий по Азии грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили (Данибегов) также оставил немало интересных сведений о встреченных им народах, в том числе и киргизах. «Видел я множество различных народов, — пишет он, — как-то: Калмыков, Киргизцев, Козаков...

Главное богатство их состоит в скоте. Скотоводство есть единственное их занятие. В торгу у них деньги не употребляются, но место их заступает мена вещами. Постоянных жилищ здесь вовсе не знают: где найдут хорошую пажить,

¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 24668. Л. 160.

² См.: *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784–1827). Фрунзе, 1970.

³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–24.

там со всем скотом и останавливаются. По сему очень часто переменяют места жилищ своих»¹.

Высказывая общее впечатление о кочевниках, встреченных на пути от Восточного Туркестана до Семипалатинска, Данибегов пишет, что они «не упражняются совсем в земледелии», хотя о занятиях иссык-кульских киргизов хлебопашеством уже сообщалось в более ранних источниках. Он также упоминает об опасностях торговли по данному маршруту. Однако после возвращения из следующей пятилетней поездки по странам Востока (1815–1820 гг.), Данибегов, наоборот, подчеркивает доброжелательное отношение киргизов и казахов: во время «проследования» через их земли «никаких грабежей и притеснений от кочующих ординцев не происходило»².

Описавший новый торговый тракт через Киргизию губернский секретарь-переводчик А. Л. Бубенов в своих записках отметил и некоторые характерные черты хозяйства киргизов. Так, на южном берегу Иссык-Куля в местности Джеты-Огуз он встретил «лесу талового и сенокосных мест довольно, а также и хлебопахотных мест, засеваемых дикими киргизцами просом и ячменем»³.

Поездка А. Л. Бубенова в 1813 г. в Киргизию дала новые сведения о киргизах, подтвердились и уточнились некоторые сообщения И. Г. Андреева и Р. Данибегова о хозяйстве киргизов. «Сии дикие киргисцы, — доносил по материалам А. Л. Бубенова начальник Сибирской линии Г. И. Глазенап в столицу, — занимаются торговлею, более же хлебопашеством, обитая в обильных местах между гор Алатау и Зауки»⁴.

¹ Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии, 1795-1827. Progress, 1969 С. 36–37.

² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 373. Л. 8.

³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 24668. Л. 170.

⁴ ЦГИА СССР. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 454.

Материалы первой четверти XIX в. свидетельствуют о том, что в России уже тогда отличали киргизов от казахов и не только по этнической принадлежности и политическому делению, но и по хозяйству, ибо они «образом своей жизни и обычаями весьма различествуют»¹.

Данные о хозяйстве киргизов несколько пополнились после поездки в 1821 г. в Киргизию бывшего горного чиновника Лещева. Он имел возможность кое-что узнать о населении и землях, через которые предстоял путь, в дороге расспрашивая «едущих в караване торговцев и киргиз», а потом проверяя эти сообщения на месте. Купцы много говорили о торговле — «промене» — с киргизами, «вымене» у них баранов. На вопросы встречных любопытных купцы отвечали, что их караван направляется «для мены товаров к закаменным киргизцам».

Лещев один из первых сообщает о значительном распространении у киргизов земледелия. На своем пути он встретил киргизские «пашни в большом количестве», посе- вы пшеницы, проса, ячменя и гороха².

Осенью, когда производилась уборка урожая, киргизские бии — Есенаман и его племянники Улджебай и Качыбек — угощали русских посланцев продуктом переработки зерновых культур — «хлебным вином ихнего дела, бузою или брагою, кто пил кумыз, то кумызом». Следовательно, из пшеницы киргизы умели изготавливать вино; буза приготавливалась из пшеничного толокна. Для размола зерна киргизы имели водяную мельницу на р. Кызыл-Су, «которая начально устроена была татарами, а ныне уже поддерживается самими киргизами», — записал Лещев. Такие мельницы в России называли мутовками, в сутки они намалывали до 30 пудов муки.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 454.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648, л. 32–34.

Лещев, подчеркивая природные богатства киргизских земель, в частности, пишет, что «в озере Иссык-Куль киргизы сказывают есть большая рыба, которую два человека поднять едва могут»¹. Возможно, это упоминание было связано с рыболовством киргизов, но, как показывают сообщения большинства (хотя и не всех) последующих авторов, киргизы рыбу не ловили и, как правило, в пищу ее не употребляли.

Очень ценные сведения о хозяйстве иссык-кульских киргизов оставил в 1825 г. уже упоминавшийся Ф. К. Зибберштейн. В его «путевых замечаниях» есть и сведения о кочевом скотоводстве и земледелии киргизов и предложения о расширении русско-киргизской торговли. «Пространство, лежащее на сем проходе, — записал Зибберштейн в дневнике о дороге от Санташа к Иссык-Кулю по междуречью Кара-Су и Джергалан, — вмещает в себе хлебопахотные места, принадлежащие арыкам и билекам»². После засушливых полупустынных степей путника поразили киргизские оазисы: «Во всю дорогу нашу я нигде не видывал такого изобилия в хлебе, как здесь! — восклицал «Омского гарнизонного полка лекарь». — Пшеница, ярица, овес, горох и другие произрастания имеют тут самое цветущее состояние»³. На пути к озеру «по месту ровному и обильному хлебопашеством и другими потребностями» Зибберштейн то и дело встречает киргизские пашни. Все пространство до р. Джуука «избыточествует хорошим хлебопашеством и травами».

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648, л. 33–35.

² Киргизские роды арык (арык-тукум) и белек племени бугу.

³ *Вяткин М. П.* Путевые записки лекаря Зибберштейна // Исторический архив. № 1. М.; Л., 1936. С. С. 241. Приложением к «Запискам» служил дорожник караванных маршрутов, не опубликованный по каким-то соображениям М. П. Вяткиным (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 415).

Ф. К. Зибберштейн неоднократно подчеркивает кочевой характер скотоводства у киргизов, относя это в целом к племени бугу, в частности, к четырем его наиболее крупным родам: белек, арык, джелден, кыдык. Он — единственный в первой половине XIX в., кто дает очень дробное обозначение многих киргизских кочевий, вплоть до отдельных родов¹.

В приложении к своим путевым заметкам Зибберштейн приводит дорожник караванных маршрутов в Восточный Туркестан и Кокандское ханство, отмечая в нем и пути через кочевья киргизов².

Из записок Ф. К. Зибберштейна видно, как нарушалось нормальное ведение хозяйства киргизов разорительными межфеодальными и родовыми усобицами.

Сведения, собираемые русскими путешественниками, служили в первую очередь практическим интересам, в частности развитию российской торговли в Средней Азии. Так, по возвращении из поездки в Киргизию Ф. К. Зибберштейн подает правительству записку об установлении постоянной торговли с Восточным Туркестаном с обозначением караванных трасс и подчеркивает, что территория

¹ Из его записки видно, что от Санташа до р. Джергалан располагались кочевья 3—4 тысяч юрт киргизов рода белек. Западнее их по южному берегу Иссык-Куля и впадающим в него рекам кочевали 3 тысячи киргизов рода арык (арык-тукум) и 2 тысячи юрт рода джелден. По реке Джуука близ караванной дороги, идущей в Кашгар, Яркенд, Аксу и Турфан, кочевало 3 тысячи юрт рода кыдык. Несколько обособленно кочевали киргизы рода танымсеит, хотя и принадлежали к общему племени бугу. В долине Аксай кочевали бугинские киргизы калмак, шопак, абдаши и черик, около перевала Терек-Даван — киргизы рода чонбагыш, от гор Бедаль-Давана до самого Турфана — киргизы рода тыным салты. Упоминаются кочевья барантовавших с бугинцами сарыбагышей. Они кочевали влево от р. Или до границ с Кокандским ханством, на самом кратчайшем пути из Семипалатинска в «Коханию». Путевые записки лекаря Зибберштейна... С. 240—251.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 198.

киргизов, «будучи главным пунктом на дороге, караванами проходящей к Туркестану», должна в особенности обратить на себя внимание властей, тем более, что торговля через Киргизию для России, по его мнению, более выгодна, чем по Кульджинскому направлению¹.

Ф. К. Зибберштейн, сам прошедший по уже освоенному новому тракту, опровергает бытовавшее мнение о трудностях и опасностях путей через киргизские кочевья, считая, что они нарочно распространяются купцами. «Будучи в Семипалатинске, — писал Ф. К. Зибберштейн, — я узнал от торгующих азиатцев о трудностях сих дорог, но во время следования по оным через горы Алатавские, откуда уже до всех городов, составляющих линию Туркестанскую, можно дойти ровным путем, я совсем не нашел тех трудностей, какие мне были описаны, а из сего ясно доказывается несправедливость рассеиваемых слухов»².

Материалы Ф. К. Зибберштейна в свое время опубликованы не были и оставались в размноженных копиях. В описаниях же купцов и в печати все еще продолжали появляться устаревшие и неверные сведения о торговле с киргизами, об опасностях ведущих к ним путей, разнобойные представления о хозяйстве киргизов. Так, в составленном на основании показаний купцов полковником Кемпеном дорожнике (27 ноября 1825 г.) опять-таки отмечалось, что киргизы нередко останавливают караваны и мешают торговле. В то же время, к сожалению, слишком кратко упомянуто о занятиях киргизов. Сказано лишь, что по тракту через Киргизию «места сии незатруднительны водою и кормом изобильны, производится хлебопашество»³.

¹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 299.

² ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 301–302.

³ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, (1827), д. 8, л. 106–108.

Из сообщений А. Левшина, который лично не был в киргизских кочевьях и писал об условиях торговли в них преимущественно со слов среднеазиатских купцов, вытекает, во-первых, что киргизы, вероятно, сами участвовали в торговле; во-вторых, они отражают некритическую передачу сообщений купцов, нередко преувеличивавших грозившие им в пути опасности с тем, чтобы добиться повышения цен на товары и выделения охранных казаков для сопровождения торговых караванов¹.

Отрывочные упоминания о хозяйственных занятиях памирских киргизов, а к ним в это время относили и киргизов Алая, отсутствию у них земледелия и разведении яков приводятся в статье видного востоковеда Осипа Ивановича Сенковского. Памирская «равнина», пишет автор, «обитаема только одними киргизами, которые кочуют по ней в небольшом числе улусов..., не зная употребления ни муки, ни хлеба». Они разводят животных «рас» (як? — В. П.) и лакомятся мясом этого странного животного»².

Достоинства высокогорных пастбищ киргизов высоко оценивал известный русский путешественник П. Чихачев. Он пишет, что с наступлением лета суровая природа Памира смягчается, и киргизы прикочевывают сюда на несколько недель. «Они даже выхваляют обилие пастбищ и питательность травы, которая так сочна, что, по словам их, совершенно изнуренную лошадь откармливают на ней менее чем в 20 дней и что овцы весьма часто ягнятся разом двумя ягнятами»³. Обращает на себя внимание сообщение П. А. Чихачева о занятиях киргизов рыболовством — почти единственное упоминание об этом в первой половине

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей... С. 19–20.

² *Сенковский О. И.* Аму-Дарья. С. 146–147.

³ *Чихачев П.* О исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи... С. 20.

XIX в. Чихачев пишет, что киргизы «с успехом предаются рыболовству в озерах» и в верховьях рек¹. Позже, у других авторов, мы встречаем неоднократные опровержения того, что киргизы занимались рыболовством.

П. А. Чихачев обращает внимание на одну отличительную особенность памирских киргизов — разведение здесь как основного вида скота яка, «мохнатого животного», ловко пробирающегося по извилистым и угрюмым крутизнам сурового края.

В первой половине XIX в. заинтересовываются киргизами, их политическим состоянием, занятиями и природными богатствами края братья Ковалевские — Петр Петрович и Егор Петрович. П. П. Ковалевский (1808—1855) служил в Сибири, где, «заинтересовавшись историей и современным торгово-политическим состоянием Средней-Азии»², представил в 1838 г. правительству две докладные записки: «О необходимости учреждения нового края в Средней Азии для распространения Азиатской торговли» и «О возможности успешного действия на народы Азии с образованием нового края в Средней Азии», дополненные ответами на замечания генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова (1840 г.)³.

Сведения П. П. Ковалевского о киргизах в основном базировались на материалах Ф. К. Зибберштейна, но, видимо, он имел и другие источники, возможно даже опросные данные. Так, о Семиречье он пишет: «В физическом отношении эта страна весьма богата. Берега рек, ее орошающих, особенно Каратала, Или, Тюпа и других, изобилуют прекрасными сенокосами и даже лесом. Рассеянные

¹ Чихачев П. О исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи... С. 20.

² Русский биографический словарь, т. 10. СПб., 1903. С. 29.

³ Рукописные фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 356, д. 392—394.

по всему краю пашни кочующих киргизов свидетельствуют о плодородии земли. Лес, годный на всякую постройку, с избытком растет по склонам различных хребтов гор, особенно по северному скату хребта Мусс-Таг». Огромные табуны прекрасных лошадей и верблюдов и бесчисленные стада баранов привлекали и с этой стороны к обладанию страной¹.

В записке П. П. Ковалевский раскрывает разрушительный характер баранты. Происходит что-то невероятное, когда целое племя, род, иногда и аил нападают на соседей безо всякой причины, с единственной грабительской целью, разоряют аил, уводят скот, что часто сопровождается кровопролитиями. Баранта, по его убеждению, губительно влияет на политическую жизнь и быт киргизов. «Уничтожить это влияние — и этот быт чрезвычайно улучшится!» — восклицает автор, и считает, что это сделать довольно несложно, тем более, что киргизы формально уже признают власть России².

Разрозненные штрихи о хозяйственных занятиях киргизов оставил в своих литературных трудах и докладных записках побывавший непосредственно в Семиречье и Восточном Туркестане в 40-х и 1851 гг. и Е. П. Ковалевский. От восхищения природой Киргизии, которая, по его словам, «имеет все условия самостоятельного существования»: удобные для хлебопашества места, целые леса диких фруктовых деревьев, горы, еще не исследованные геологами, но несомненно богатые металлом, Е. П. Ковалевский с горечью переходит к описаниям губительных последствий для хозяйства феодальных междоусобиц и баранты³.

¹ Рукописные фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 356, д. 392, л. 6.

² Там же. Л. 5–6, д. 393, л. 10.

³ *Ковалевский Е. П.* Встреча с Н. Н... Собр. соч. С. 230–231.

Киргизы — кыдыки, о которых писал Ковалевский, жили спокойно, хозяйство их процветало: «Они завели сады, которые быстро разрослись на девственной почве; хлеба было много; стада размножались несчетно». Однако неожиданное нападение сарыбагышей, подстрекаемых кокандцами, положило конец их благополучию: «Кыдыки бежали куда ни попало и гибли тысячами, стада их были угнаны, жатвы вытоптаны, начатки оседлости уничтожены»¹. Автор подводит читателя к мысли, что основным бичом хозяйственной жизни киргизов являлись междоусобицы. В результате даже при исключительно благоприятных для развития хозяйства природных условиях «здесь так много бедняков, остающихся после какой-нибудь баранты без коня, без одежды, на жертву голодной смерти»².

Е. П. Ковалевский приложил много трудов для становления торговли России со странами Востока, уделяя внимание и налаживанию торгово-экономических отношений с Киргизией. С подписанием в 1851 г. Кульджинского трактата расширялась экономическая связь России с Восточным Туркестаном. Из Кульджи же, как сообщает он, торговые караваны ходят и к киргизам «для мены с ними, как ни опасна эта мена»³. В одной из записок, поданных правительству, — «Положение наше в Средней Азии и на ее границах» — Ковалевский указывает также на возможные районы новой колонизации. «Иссык-Кульская долина, — пишет он, — представляет роскошную местность для поселений»⁴.

¹ Ковалевский Е. П. Встреча с Н. Н... Собр. соч. С. 237.

² Там же. С. 234.

³ Ковалевский Е. П. Поездка в Кульджу. С. 200.

⁴ Рукописные фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 356, д. 86, л. 45—49.

Сведения о хозяйстве и занятиях киргизов земледелием, скотоводством, торговлей наиболее полно к середине XIX в. излагаются в энциклопедической сводке данных о киргизах, составленной, видимо, И. Бардашевым и представленной в географическое общество генерал-губернатором Западной Сибири в 1851 г.¹ В ней подчеркивается широкое распространение у киргизов земледелия, которым «занимаются почти все Черные Киргизы, и оно на высшей ступени, чем у киргизов Большой орды. Урожай, даже необильный, удовлетворяет потребностям всего народонаселения». И хотя в данном случае мы имеем дело с явным преувеличением возможностей киргизских земледельческих хозяйств, их значение в общеэкономическом балансе было, видимо, немалым. Киргизские пашни отмечены в окрестностях оз. Иссык-Куль, в долинах р. Чу, Талас, по р. Нарын.

Наиболее распространенными культурами были пшеница, ячмень и просо, из которых киргизы выпекали хлеб, готовили бузу и даже «водку». Для размола зерна киргизами на горных речках, впадающих в Иссык-Куль, было построено до 25 водяных мельниц.

В упомянутой сводке не только фиксируется занятие киргизов земледелием, но обращается внимание на экономическое неравенство киргизов-земледельцев и подчеркивается принадлежность пашен богатым. Однако в то же время в определенной степени идеализируется положение в киргизском обществе, пронизанном чертами патриархальщины, ибо «бедные не терпят таких нужд, как в других ордах, имея всегда возможность приобрести хлеб от богатых за самый умеренный труд»².

Основным занятием населения было животноводство. «К разведению огромного скотоводства способствует сама

¹ Сведения о дикокаменных киргизах... С. 140–153.

² Там же. С. 144, 145, 151–153.

местность: гористое положение страны доставляет кочующим прохладу и здоровый воздух во все летние знойные месяцы». Скот у киргизов (надо полагать по сравнению с казахским) «вообще лучших пород; в особенности рогатый; лошади крепки и привычны к горной езде». Особенно много разводится баранов¹.

Промыслы и ремесленные занятия служили подспорьем в натуральном хозяйстве и к ним киргизы прибегали лишь в силу необходимости, удовлетворяя свои простейшие потребности в предметах быта и обихода: «Черные Киргизы другими изделиями не занимаются, кроме войлоков, попон, седел и некоторых необходимых домашних принадлежностей».

Для производства домашних предметов и оружия киргизы архаичным способом и в небольшом количестве добывали железо из черного крупного песка с Иссык-Кульского побережья. Здесь же упоминается о наличии в кочевьях киргизов свинцовых руд, которые, однако, не разрабатывались. Соль, так необходимую в хозяйстве и для скота, киргизы добывали в верховьях рек Нарына и Чу, а также по р. Кетмень-Тюбе².

Далее говорится, что киргизы занимались охотой, но в очень ограниченном масштабе, что объяснялось якобы труднодоступностью мест обитания дичи³.

Во многих местах сводки уделяется внимание киргизской торговле, подчеркивается ее меновой характер: «Почти все торговые обороты Черных Киргизов ограничиваются меною своего скота торговцам...». Выясняется, что киргизы торговали с Кашгаром, Россией, Кокандом и Китаем через проходящих из этих стран купцов. На большие

¹ Сведения о дикокаменных киргизах... С. 151.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 150.

суммы выменивались бараны, отправляемые в Коканд. Ходовым русским товаром, находящим спрос у киргизского населения, были ткани, чугунные котлы, кожаная обувь и пр. Однако происходила не только мена товаров. Надо полагать, наблюдался в какой-то мере приток и осадок ценностей в Киргизии, выразившийся в том, что «многие зажиточные люди ежегодно выменивают в Китае слитки серебра, которые не передают торговцам, а хранят у себя»¹.

«Сведения о дикокаменных киргизах» не преследовали специальной исследовательской цели. Это — информационная работа, и в основном она только фиксирует состояние главных отраслей хозяйства и торговли у киргизов в середине XIX в. Однако в ней появляются и элементы обобщения, стремление как-то осмыслить виденное, дать ему эмоциональную оценку.

Многие последующие авторы в посильной мере лишь уточняли и несколько расширяли данные сведения в основном за счет обращения к другим регионам — Южной Киргизии, Фергане и Восточному Туркестану.

В материалах проведенной в середине XIX в. в России переписи упоминаются и бугинцы. У них на 10 тыс. юрт (т. е. примерно 50 тыс. человек) насчитывалось 100 тыс. лошадей².

По опросным сведениям, полученным в 1807 г. от купца Муртазы Феизуддин-Марзяна, Г. Генс вкратце сообщает о торговом положении г. Оша и бедственном состоянии окрестных киргизов. Город Ош ошибочно называется лишь транзитным пунктом на торговом тракте из Кашгара в Туркестан: «В Уше проходящие караваны тюков своих даже и не развязывают: торговли тут никакой

¹ Сведения о дикокаменных киргизах... С. 152.

² *Кенпен II*. Девятая ревизия... С. 257.

не бывает»¹. Эта неверная характеристика торгового значения города несколько позже была воспринята П. И. Небольсиным² и закрепились в литературе, хотя другие источники (в частности, даже записки Мир Иззет Уллы³) противоречили ей. Информатор Генса, подчеркивая повсеместное занятие местного населения Южной Киргизии земледелием и скотоводством («сеют просо, пшеницу и ячмень», «скота много пасется поблизости города»), отмечал распространение здесь садоводства («фруктов родится много»). В целом автор подчеркивает бедность приошских киргизов, пишет, что «чрезвычайно бедны».

Посетивший в сентябре 1855 г. бугинские кочевья хорунжий Лучшев («конвоировавший в обратную дорогу манапа Качибека») во многом подтвердил сведения предшественников, в основном Зибберштейна. Кочевья киргизов рода богу, как отмечал он, расположены близ оз. Иссык-Куль, по обеим сторонам его восточной оконечности. Хлебопахотных и сенокосных мест по речкам много, и они хорошие, близко расположен лес, по большей части еловый⁴.

В опубликованных в 60-х годах, но относящихся к более раннему времени (к 40-м и 50-м годам) материалах Ю. Южакова даже упоминается налог зерном с киргизов, который они вносили на пропитание кокандских гарнизонов. Автор пишет, что еще лет 15 назад чуйские киргизы «обязаны были доставлять в Аулие-Ата и Мерке, а прежде

¹ Генс Г. Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент. «Записки РГО», кн. X. СПб., 1885. С. 349.

² Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией... С. 349.

³ На это впервые обратил внимание А. В. Бунаков в рукописи «Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией» (1939; Архив ЛОИВ АН СССР, р. II, оп. 6, № 14, с. 90–91).

⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1. д. 348. св. 19. л. 48.

в Токмак и Пишпек до 20 000 батманов, в последнее время только 7 000 батманов и 14 000 снопов соломы»¹. Это, конечно, было возможно лишь при сравнительно широком распространении у киргизов производства зерна.

В документах (июнь 1856 г.) говорится о занятиях рыболовством киргизов Иссык-Куля. Исполнявший дела пристава «киргизов Большой орды» (казахов Старшего жуза) Хоментовский в письме к командиру Сибирского корпуса писал, что в заливах Иссык-Куля очень много рыбы, особенно чебака, и «она составляет большое подспорье в пище киргизам, кочующим по побережью»². Однако в работах последующих авторов, в том числе Ч. Валиханова, подтверждений тому, что киргизы занимались рыболовством, не было.

В заключение можно сделать вывод о том, что в России на основании отрывочных и чаще всего несистематических сообщений русских путешественников по Киргизии конца XVIII — первой половины XIX вв. хорошо знали о кочевом скотоводстве киргизов как главной отрасли хозяйства и сравнительно меньше о земледелии.

Приведенные выше материалы русских авторов первой половины XIX в. свидетельствуют о довольно широком распространении орошаемого земледелия у киргизов как Южной Ферганы, так и Северной Киргизии. Эти же авторы донесли до нас сообщения о некоторых домашних промыслах и охоте у киргизов, о меновой торговле их с соседними государствами — Восточным Туркестаном, Кокандом, а также с Россией. Однако, эти сведения слишком отрывочны, чтобы получить сравнительно ясную картину о хозяйстве киргизов конца XVIII — первой половины XIX вв. Отчеты русских путешественников и купцов, побывавших

¹ Южаков Ю. Наши приобретения в Средней Азии, ч. II. Чимкентский округ. «Отечественные записки», т. 171, 1867. С. 765.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 17, л. 172.

в Киргизии в первой половине XIX в., в ряде случаев остались в рукописях и не получили широкой известности. Во многом фрагментарные, а порой и противоречивые, они все-таки увеличивали познания современников о далеких среднеазиатских землях и способствовали проявлению более живого интереса к этим районам в середине XIX в.

Хозяйство киргизов 50–70-х годов XIX в.

Первой научной экспедицией на Тянь-Шань, собравшей сведения о хозяйственных занятиях киргизов, была поездка сюда в 1856–1857 гг. известного русского путешественника и деятеля Географического общества П. П. Семенова. Несмотря на то, что цель экспедиции заключалась в изучении географии, а отнюдь не в сборе сведений о населении, хозяйстве и быте киргизов, П. П. Семенов не упускал случая, чтобы не отметить характерные особенности из жизни и хозяйственной деятельности киргизского населения.

Мемуары П. П. Семенова, написанные по материалам дневников почти через полвека после путешествия, несут на себе отпечаток более позднего времени. Но конкретные фактические сведения (например, о хозяйстве киргизов и их занятиях) не претерпели изменений. В этом отношении путевой дневник, можно сказать, не был «модернизирован».

П. П. Семенов, как и другие ученые, побывавшие в Киргизии, в первую очередь отмечает «несметные массы каракиргизских табунов и стад». Отдельные богатые скотоводы имели до 3 тыс. лошадей и огромное количество прочего скота¹.

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары... С. 176, 243, 244 и др.

Кочевое скотоводство, являясь основной отраслью народного хозяйства, требовало обильных пастбищ и непрерывного циклического передвижения. По свидетельству П. П. Семенова, крупнейший бугинский манап Боромбая из Восточного Прииссыккуля кочевал через Тюп и Джергалан за перевал Санташ на территорию современного Южного Казахстана¹.

О мобильности скотоводства свидетельствует и приводимый П. П. Семеновым факт быстрых перекочевок и на большие расстояния киргизских хозяйств, передвижений по северному и южному побережью Иссык-Куля, перекочевок на запад, вплоть до верховьев рек Чу и Талас, на Сары-Джазские сырты и верховья Нарына, т. е. на сотни километров. Путешественник особо подчеркивает хозяйственное значение удобных горных перевалов. Так, его приход с русским отрядом на Иссык-Куль закреплял за Боромбаем «владение важнейшим из тьянь-шаньских горных проходов».

Несмотря на то, что Семенов проехал по районам прежде развитого земледелия, он очень мало сообщает о нем. Имеется лишь упоминание о пашнях и садиках манапа Боромбая по р. Заука (Джууку)². Эти сведения контрастируют с сообщениями путешественников первой четверти XIX в. (в частности, Лещева и Зибберштейна) о довольно широком распространении земледелия у киргизов как раз в этой восточной оконечности Иссык-Кульской котловины.

Однако упоминания путешественника о земледелии у киргизов все же дает основания утверждать, что хлебопашество окончательно не было заброшено, несмотря на усложнившееся внутри- и внешнеполитическое положение.

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары... С. 242–245.

² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары... С. 243, 245. В рукописном дневнике П. П. Семенов уточняет, что у бугинского манапа Боромбая было два садика (большой и маленький), разрушенных сарыбагышами. Архив ГО СССР, ф. 58, оп. 1, д. 2, л. 221-об.

На своем пути П. П. Семенов встречал не только пашни и арыки¹, но и киргизские мельницы, что свидетельствовало о том, что занятия земледелием были постоянными и привычными для киргизов. Сам Боромбай имел мельницу на правом берегу р. Джууки; здесь же одна из пещер служила складом для размалываемого зерна². Поэтому манап дорожил местностью Кызыл-Джара и нижней частью Джуукинской долины, где находились его пашни, садики и постройки. «Только по осмотре окрестностей Кызыл-Джара, — записал П. П. Семенов, — я понял, какое значение придавал Бурамбай задуманной мной экспедиции в глубь Тянь-Шаня помимо потерянной им резиденции, по Заукинскому горному проходу. Она возвращала ему родину и благословенные природой земли, бывшие более тысячи лет достоянием его предков, а также чудесные пастбища верховьев Яксарта (Сыр-Дарьи) и Небесного хребта, захваченные его врагами»³.

В качестве торгового эквивалента у киргизов, даже во время сведения счетов после баранты, служил баран. «При подобных расчетах, — пишет П. П. Семенов-Тян-Шанский, — отношение той или иной ценности к барану, служащему монетной единицей, — быка, коровы, лошади, верблюда и даже человека «черной кости», — не представляло никаких затруднений, так как определялось обычаем»⁴.

Более широкие и конкретные сведения о хозяйстве киргизов содержатся в выпущенном под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского географическо-статистическом словаре России.

¹ Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары... С. 254.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же. С. 311.

Используя личные наблюдения и сведения, почерпнутые из устных источников и уже опубликованных к этому времени статей (словарь издавался на протяжении двух десятилетий, с 1865 по 1885 г.), П. П. Семенов дает полную характеристику скотоводству, земледелию и промыслам киргизов, сообщает о их торговле¹.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский был первым из крупных русских ученых, посетивших Киргизию, стремившихся определить экономическое значение пастбищ и территорий, пригодных для земледелия и в качестве возможного объекта русской колонизации. В расширении границ Российской империи он в первую очередь усматривал выгоду и пользу для колонизаторской политики русского правительства. В то же время, будучи широкообразованным и прекрасно подготовленным наблюдателем хозяйственной жизни киргизов в середине прошлого столетия, он оставил достоверные и надежные сведения об экономике края, которые историками Киргизии в должной мере все еще не использованы². Свои наблюдения в этом отношении ученый как бы подытоживает в мемуарах следующими строками: «Все четыре мной посещенные и исследованные долины Центрального Тянь-Шаня (Сарыджаская, принадлежащая к системе рек Ак-Су, а следовательно, Тарима и озера Лоб-Нор; долины Кок-Джара и верхней Каркары, принадлежащие к системе реки Или и озера Балхаш; долина верхнего Нарына, принадлежащая к системе Яксарта, или Сыр-Дарьи а следовательно, Аральского моря) лежат выше

¹ *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи, т. I. СПб., 1865. С. 595; т. V. СПб., 1885. С. 165 и др. Поскольку материал о хозяйстве киргизов, отличный от мемуаров, был им заимствован у более поздних авторов и относится к более же позднему времени — 60–70-м и даже 80-м годам — останавливаться здесь на нем считаем нецелесообразным.

² *Кадыров Ш.* Записки и отчеты русских путешественников... С. 38.

пределов лесной растительности, а потому неудобны для земледельческой колонизации.

Наоборот, все четыре поименованные продольные долины Заилийского Алатау (рек Кебина, Чилика, Дженишке и Асы) лежат всецело в зоне лесной растительности, а потому представляют удобство для земледельческой колонизации и в особенности для скотоводства»¹.

В период присоединения киргизских племен к России в Киргизии неоднократно бывал Чокан Валиханов. Его статьи и заметки содержат очень интересный и, пожалуй, наиболее полный и точный материал о хозяйстве киргизов. Потомок наследственных кочевников соседнего казахского народа, Ч. Валиханов оставил нам яркие и конкретные замечания о киргизском хозяйстве².

Первые сведения о хозяйственных занятиях киргизов Ч. Валиханов дает в дневнике своей поездки на Иссык-Куль 1856 г., но наиболее подробные и ценные материалы приводятся в его черновой записке о киргизах, начатой во время поездки на Иссык-Куль весной 1856 г. Отдельные детали и фрагменты о хозяйстве киргизов разбросаны и по другим многочисленным статьям, заметкам и черновым наброскам ученого,

Ч. Валиханов подробно описал кочевки киргизов, их занятия не только в северных, но и в южных районах Киргизии.

Обращает на себя внимание повсеместное занятие населения не только кочевым скотоводством, но и орошаемым земледелием. Киргизские кочевья, по сведениям Ч. Ва-

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары... С. 335.

² Рассматривавший труды и отчеты Ч. Валиханова с точки зрения источника по истории Киргизии, Ш. Кадыров обратил внимание на то, что из наблюдений Валиханова можно сделать вывод о почти повсеместном занятии киргизов земледелием, хотя в целом и преваляло скотоводство. Кадыров Ш. Записки и отчеты русских путешественников... С. 60 и др.

лиханова, охватывали территорию всего Прииссыккуля, верховьев Текеса и Кегена, Чуйскую и Таласскую долины, верховья Нарына и по реке Джумгал, Центральный Тянь-Шань и Южную Фергану, Алайскую долину и Памирское плоскогорье. Очаги земледелия, по его данным, были сосредоточены на южном и восточном побережье Иссык-Куля, в Чуйской долине и Фергане. В целом, следовательно, территория киргизов простиралась от верховьев Текеса на востоке до Памирского плоскогорья на западе и от Таласской долины на севере до Восточного Туркестана на юге.

Крайними точками кочевания киргизов Валиханов называет даже Бадахшан и Каракорумскую горную цепь. По его данным, 11 тысяч бугинских кибиток имеют кочевья и занимаются хлебопашеством на южном берегу Иссык-Куля; а летом кочуют в верховьях Текеса и Кегена. 10 тысяч сарыбагышских кибиток считали своими пастбища по р. Чу, в восточной части Иссык-Кульской котловины, 15 тысяч кибиток рода солто — на Таласе и в окрестностях Пишпека. Саяки занимали пастбища в верховьях Нарына и Джумгала, черики — на Тянь-Шаньском нагорье и к югу от Иссык-Куля, чонбагыши — по горным отрогам к северо-западу от Кашгара. Род басыз и некоторые другие из того же отдела тогай имели пастбища и пашни к северу от Намангана, в окрестностях Андижана и в верховьях Джумгала. Южные киргизы племени адыгене занимались хлебопашеством в Ферганской долине, около Маргелана и Оша, а на лето поднимались в горы, к югу от Оша и Коканда. Найманы, кипчаки и китай кочевали со своими стадами от Оша по Памирскому плоскогорью до Бадахшана и оттуда по Каракорумской цепи. На этих же пастбищах располагались также ичкилики и некоторые роды из племени адыгене¹. Ч. Валиханов сравнивает

¹ Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. 1. С. 422.

перекочевки киргизского и казахского народов. Если перекочевки казахов в основном проходили на арбах, то у киргизов, которые арб не имели — на вьючных верблюдах и лошадях. Киргизские же бедняки «томаяк... за неимением верблюдов для вьюка и коней для езды, — отмечает Ч. Валиханов, — употребляют для этих нужд волов»¹.

Скотоводство играло самую существенную роль в жизни кочевника, и Ч. Валиханов неоднократно подчеркивает это. «Кочевой степняк ест и пьет и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует [быт кочевника] более, нежели целые страницы [описаний]», — пишет Валиханов. Так же приветствовали друг друга казахи. Важнейшим источником народного богатства всех кочевников, по заключению Ч. Валиханова, есть скот, разведение которого составляло «единственный и главный промысел»².

Киргизы в основном разводили баранов, лошадей, верблюдов и рогатый скот. При этом, подметил Ч. Валиханов, скота у киргизов было меньше, чем у казахов. Поголовье баранов, например, по его словам, у киргизских баев не превышало 3 тыс., а рогатого скота насчитывалось от 50 до 100 единиц. Самый богатый манап имел до 3 тыс. голов лошадей, тогда как казахские богачи имели даже до 25 тыс. голов лошадей. И хотя цифры, приводимые Ч. Валихановым, едва ли можно принять за абсолютно точные, тем не менее не приходится сомневаться, что общее количество поголовья скота у киргизов действительно было ниже, чем у казахов.

¹ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах. С. 331.

² Там же. С. 332.

Ч. Валиханов отмечал, в частности, что у тьянь-шаньских киргизов лошадей очень мало, и они от недостатка зимних кормов и продолжительности зимы к весне настолько истощаются, что едва стоят на ногах¹. В то же время определить хотя бы приблизительно численность скота у киргизов, пишет Ч. Валиханов, невозможно. По некоторым же сообщениям, бугинцы, например, имели до 100 тыс. лошадей, 10 тыс. верблюдов, 50 тыс. коров и до полумиллиона голов овец. Следовательно, в середине XIX в. у киргизов на первом месте по количеству стояли бараны. Многие же современные исследователи, начиная с П. Кушнера, продолжают считать, что до вхождения киргизов в состав России у них по поголовью на первом месте стояли лошади и лишь значительно позже стали преобладать бараны.

Ч. Валиханов сравнительно высоко оценивает качество киргизского скота: лошади, хотя и малорослы, но довольно красивы и очень приспособлены к горной езде, бараны — курдючной породы с преобладающей белой нежной шерстью². Это, видимо, следует отнести к отдельным хозяйствам. Овцеводство в целом у киргизов не было тонкорунным, в нем преобладали грубошерстные породы.

Скот у киргизов, перегоняемый в зависимости от времени года и по мере стравливания пастбищ с одного участка на другой, круглый год находился на подножном корму. Кочевья строго подразделялись на зимние и летние. Так, в частности, окрестности озера Иссык-Куль представляли собой, по слов Валиханова, только зимовье киргизов: «Они сеют тут свой хлеб и до сбора его удаляются в прохладные ущелья, где скот их не беспокоят ни комар, ни овод».

¹ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник 1. Собр. соч., т. II. С. 191.

² Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах... Т. I. С. 326.

Равнины Прииссыккулья летом оставались нетронутыми для зимней тебеневки скота, весенних и осенних прогонов скота. Летними пастбищами служили горы. Лучшими в Прииссыккулье считались пастбища по течению р. Джергалан, которые береглись для зимовки отар¹. К примеру, зимние пастбища бугинского манапа Боромбая располагались вдоль р. Джуука, а летние кочевья — в тенистой долине Каркара и за Текесом, на сыртах Сары-Джаза. Зимние кочевья сарыбагышей начинались от р. Курменты по северной долине Кунгей и простирались до западной оконечности Иссык-Куля и урочища Кутымалды. На лето же они уходили в верховья рек Каскелена, Курты и на р. Чу².

Косвенное представление о характере занятий киргизов дают приводимые Валихановым сведения об обложении киргизов налогами Кокандского ханства. Основной налог был с поголовья баранов — кой-зьякет (с 40 голов 1 баран), баранами брался и тунлик-зьякет — подымная подать (с юрты 1 баран), баранами же налог исчислялся с посевных культур — херадж (с десятины — кирман по 3 барана)³. Один этот перечень говорит о широком развитии у киргизов овцеводства. Он же подтверждает, что денежным эквивалентом у киргизов служили бараны.

Хорошо зная условия и характер кочевого скотоводства, Ч. Валиханов своими работами как бы пытается обосновать право владения местного населения обширными пастбищами, а также доказать, что их урезывание может отрицательно сказаться на хозяйстве казахов и киргизов. История Казахстана и начало переселенческого движения подтвердили правоту его предвидения. Самым гуманным

¹ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах... Т. I. С. 304.

² Там же. С. 339–340.

³ Там же. С. 377.

Ч. Валиханов считал сохранение у местных народов привычно-традиционной формы кочевого хозяйства и общинного землепользования¹.

Наряду со скотоводством, сообщает Ч. Валиханов, заметное место в жизни киргизов занимало земледелие, имевшее «общенародное значение». Каждое киргизское хозяйство сеет хлеб, исходя из своих потребностей. Высевали киргизы по преимуществу пшеницу, ячмень, просо. Так, племя бугу, с которым казахский ученый познакомился ближе всего, ежегодно сеяло до 15 тыс. капов (мешков) зерна, получая урожай 150 тыс. мешков. Если принять во внимание, что численность населения племени бугу составляла примерно 50 тыс. человек (10 тыс. юрт, в среднем 5 чел. на юрту или семью), то на одного человека приходилось по 3 мешка зерна, или по 15 мешков на семью. Такое количество зерна (если условно отбросить имущественную дифференциацию хозяйств и исходить из среднего показателя) в общем-то могло удовлетворить скромные потребности семьи, тем более, что киргизское хозяйство было к тому же скотоводческим и натуральным, в котором все «ограничивается собственным употреблением хозяина»².

Земледелие у киргизов было поливное — «посредством ирригации». На речках имелись водяные мельницы. Манатом племени бугу Боромбаем была предпринята небезуспешная попытка заняться огородничеством, разведением фруктовых садов, но, как и П. П. Семенов, Ч. Валиханов подчеркивает, что все эти начинания заглохли в междоусобной борьбе с сарыбагышами. На реке Джуука у Боромбая находилось постоянное зимнее стойбище. Здесь были

¹ *Кабдиев Д.* Социально-экономические воззрения казахских просветителей-демократов. С. 64–65.

² *Валиханов Ч. Ч.* Записки о киргизах... Т. I. С. 327.

сосредоточены и его основные земельные запашки, здесь же он пытался в свое время разводить виноград¹.

Ч. Валиханов отмечает подверженность южных киргизов влиянию оседлого узбекского населения Кокандского ханства: «все они занимаются хлебопашеством, многие имеют сады и огороды, и большею частью стоят аулами нередко поблизости городов»².

Указывая на сравнительно широкое развитие хлебопашества у киргизов, начиная с XVII в., Ч. Валиханов считал, что земледелие у казахов получило распространение именно через киргизов. «По рассказам почетных и пожилых ордынцев,— пишет он, — пшеница провезена сюда из Кашгара через дикокаменных киргизов (бурутов), знакомых с пашнею с начала XVII века»³. Древним очагом земледелия в Северной Киргизии было, в частности, Восточное Прииссыккулье. На Тасме — возвышенности, разделяющей реки Тюп и Джергалан, — Ч. Валиханов встретил остатки старых арыков, валов и рвов, которые, по киргизским преданиям, были сооружены калмыцким ханом Бака-Манджу⁴.

Несмотря на сравнительную давность занятия киргизов земледелием, их агротехника хлебопашества вплоть до середины XIX в. оставалась архаичной, примитивной. Киргизы, отмечает Валиханов, пахали землю «посредством особенного рода сохи с деревянным сошником, которая употребляется у всех среднеазиатцев и у китайцев, влекомой

¹ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах... С. 327, 328—339.

² Там же. С. 342.

³ Географический очерк Заилийского края. Собр. соч., т. III. С. 24.

⁴ Валиханов Ч. Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856). Собр. соч., т. 1. С. 267. Следует отметить, что все вообще древности, о которых в памяти народа не сохранилось чего-либо достоверного, киргизскими преданиями чаще всего связывались с калмыками (ойратами).

верблюдами»¹. И земледелие в целом стояло на втором месте.

Ч. Валиханов описывает интересный случай, который почему-то не привлек еще внимания исследователей. «Мы ехали посреди киргизских аулов рода саяк, — пишет он, — везде киргизы пахали землю; главный бий этого племени Осман разъезжал по пашням и разделял (их) на участки для своих киргиз»².

Эти строки побуждают к размышлениям. Во-первых, подчеркивается, что манап племени саяк был «главный бий», потому он и делил землю. Тем самым указывается на его верховное право на землю. Во-вторых, он делил землю на участки для «своих» киргизов, как бы отдавая ее в частное пользование. Этим самым устанавливается, что киргизские манапы являлись собственниками пахотной земли, но обрабатывала ее зависимая от них беднота. В то же время, видимо, этим правом пользовались не все, а наиболее независимые от кокандцев манапы.

Помимо скотоводства и земледелия немалую роль в хозяйственной жизни киргизов играли домашние промыслы, обслуживавшие насущные нужды непрехотливого быта кочевников. Особенно славилось производство войлоков, «знаменитых своей прочностью». Женщины из козьего пуха выделывали белые колпаки и бурки («кебенек»).

Кроме этих Ч. Валиханов не называет других предметов домашнего производства и ремесел и даже категорически говорит об отсутствии у киргизов таких промысловых занятий, как звероловство, хотя другие путешественники — его предшественники и современники — не раз сообщали об охоте у киргизов. Да и сам Валиханов в другом месте

¹ Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник 1. Собр. соч., т. II. С. 195.

² Валиханов Ч. Ч. Кашгарский дневник 1... Т. II. С. 198; Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ. Там же. С. 256.

пишет даже о товарном значении охотничьего промысла у киргизов: «Единственное поощрение к звероловству составляет ценность молодых, с кровью, рогов оленя в Китае, как медицинская специфика под названием лу-жун». В Кульдже за хороший спелый рог марала платили ямбу (слиток серебра). Рысьи шкуры среднеазиатские купцы оценивали в 5 баранов. Именно поэтому, как пишет Ч. Валиханов, «с некоторого времени в горах начали ставить ловушки и капканы на куниц, мех которых очень выгодно меняют торговцам-татарам»¹.

Рыболовством киргизы не занимались совсем, лишь «только в виде потехи саблями рубят рыб и колят копьями»². В этом отношении Ч. Валиханов был, видимо, ближе к истине, чем Чихачев и Хоментовский.

Ч. Валиханов торговлю киргизов называет меновой. Она велась в аилах приезжими купцами. Сами киргизы ни в Кульджу, ни в Кашгар, ни в Ташкент скот не пригоняли, несмотря на то, что кочевали очень близко к этим «лучшим торговым пунктам Средней Азии». Как правило, купцы из России, Кашгарии и других соседних государств приезжали в киргизские кочевья на лето или зиму, привозили необходимые в кочевом быту предметы и выменивали их на скот. Причём было широко распространено кредитное ростовщичество. Так, если осенью торговец оставлял товаров на сумму, равную стоимости одного молодого барашка, то весной он взимал плату уже в размере стоимости взрослого барана.

Ч. Валихановым впервые и наиболее полно рассматривается товарообмен киргизов с заезжими купцами, ассортимент привозимых товаров и их стоимость. Торговля в основном была сосредоточена в руках восточно-туркестанских и кокандских купцов. В Намангане, по словам Валиханова,

¹ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах... Т. I. С. 327.

² Там же. С. 327.

«производят изделия, исключительно потребные киргизам» — бумажный полосатый тик. Кашгарцы привозят бязь, чекмень, машру и турфанский табак. Эти товары находили такой широкий спрос, что купцы за одно лето успевали сделать двойной оборот, получая немалые барыши. Несмотря на притеснения киргизских родоначальников и грабежи, которыми иногда подвергаются эти торговцы, — пишет Валиханов, — ничто не останавливает их предприимчивости»¹.

В последние годы, отмечал Валиханов, в киргизскую среду стали проникать русские товары, но они не были приспособлены ко вкусам местных жителей, хотя русский ситец, коленкор, а также халаты из кокандских полупелюковых материй находили большой спрос. В то же время потребности киргизов в красной юфти, железной и чугуновой посуде удовлетворялись главным образом западносибирскими купцами².

Прежде русские караваны от самого Семипалатинска до Иссык-Куля сопровождали казачьи отряды, а теперь, отмечает Ч. Валиханов, они совершенно безопасно идут до Иссык-Куля и лишь за перевалом Заука (Джууку), уже на территории Восточного Туркестана, нуждаются в охране³.

Сами киргизы, как указывает Ч. Валиханов, в торговле не проявляли инициативы. Даже личный скот и продукцию своих промыслов они сбывали в другие районы через посредство тех же приезжих купцов. Впрочем, скоро киргизы стали наниматься провожатыми в караваны, идущие в Кашгар и Коканд.

Ч. Валиханов положительно отзывался о необходимости развивать торговлю в Киргизии, однако идеалистически

¹ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов... Собр. соч., т. II. С. 402.

² Там же. С. 406.

³ Там же. С. 401—402.

преувеличивал роль просвещения: «Когда прекратится баранта и хищничество низов смягчится влиянием лучшего просвещения и когда народ познает цену удобства и комфорта, тогда только, может быть, торговля примет другой оборот и множество рабочих рук, которые теперь не занимаются ничем, кроме баранты, станут изыскивать другое средство к существованию»¹.

Знакомый с более прогрессивной экономикой сибирских районов, Ч. Валиханов старается выяснить причины экономического отставания кочевых районов. Одну из причин он видит, в частности, в широко распространенной среди кочевников баранте, особенно у киргизов.

Таким образом, Ч. Валиханов первым из отечественных ученых и путешественников дал не только описание различных отраслей народного хозяйства киргизов, но поднялся до определенных обобщений, выводов и рекомендаций, критики социальной структуры киргизского общества. Этим он опередил и многих последующих исследователей, интересовавшихся и даже специально занимавшихся изучением хозяйства киргизского народа в XIX в.

Несколько позднее Ч. Валиханова, в конце 50 — начале 60-х годов XIX в., Киргизию посетил М. И. Венюков. Занимаясь рекогносцировкой Чуйского бассейна, он собрал разнообразные сведения и по хозяйству киргизов.

Начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса А. Л. Гинтовт своим предписанием от 10 июля 1859 г. просил Венюкова обратить особое внимание на топографические особенности местности, а также «собрать возможно подробные сведения о племенах, живущих в стране соседней по р. Чу и озеру Иссык-Куль: в чем заключается несходство между этими племенами и отличительный характер каждого из них, нет ли у них различия в религии,

¹ Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах... Т. I. С. 330.

нравах и обычаях, живут ли они между собой в мире или вражде, что служит этому поводом и кто родоначальник в каждом племени»¹.

В опубликованных позже «Очерках Заилийского края Причуйской страны» М. И. Венюков подтверждает наблюдения своих предшественников, что «основанием богатства» киргизов является скотоводство, впрочем, как и у их соседей — кочевых казахов. Однако, по его замечаниям, сделанным независимо от Валиханова, киргизы имели меньше скота, чем казахи. Лишь изредка встречался владелец 1 тыс. лошадей и 3 тыс. баранов. Меньше было и верблюдов. Венюков сравнительно высоко оценивает качества киргизского скота: овцы киргизской породы курдючны, но с более нежной шерстью, чем казахские; лошади низкорослы, но весьма пригодны для езды в горах. Самое богатое скотоводство, и по мнению Венюкова, было (до распрей с сарыбагышами) у бугинцев, имевших одних только лошадей до 100 тыс. голов (о чем сообщал в свое время еще П. Кеппен). В последнее время, отмечает Венюков, они сравнялись с сарыбагышами, хотя еще во многом превосходят все остальные роды².

М. И. Венюков лестно отзываясь о киргизских пастбищах. По Тюпу, Джергалану, Караколу и Джууку «травы очень обильны». На лето киргизы поднимаются в горы, а к зиме спускаются в долины, где трава очень питательна для баранов³.

¹ Отдел рукописей ГПБ им. В. И. Ленина (в Москве), ф. 363. Венюков М. И. К. 7. Д. 27. Л. 1.

² Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. С. 102–103; его же. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 156, 160.

³ Венюков М. И. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгар. «Вестник РГО». 1860, ч. 30. С. 24–25. То же в кн.: Путешествия по окраинам Русской Азии... С. 112–113.

Упоминает М. И. Венюков и о киргизских пашнях в Восточном Прииссыккулье, Чуйской долине, орошаемых «обыкновенным киргизским способом» — краткосрочными арыками. Хлебопашество, по его мнению, составляет общее занятие киргизов. В частности, он отмечает киргизские пашни в Чуйской долине вблизи Токмака и Пишпека, в Восточном Прииссыккулье — по рекам Тюп, Джергалан, Джуука, по северному и южному побережьям озера, где киргизы сеяли просо, пшеницу, ячмень. Урожай пшеницы — «сам — 15», проса — «сам — 70». Например, только киргизы племени солто и часть сарыбагышей ежегодно выделяли из собранного урожая в виде налогов «на прокормление кокандских войск в соседней стране» до 5,5 тыс. пудов зерна.

Однако в другой статье, написанной позже (не в 60-х, а уже в 70-х годах), автор подчеркивает, в противовес предшествующим сообщениям первой половины XIX в. и даже своему более раннему сообщению, что «хлебопашеством занимаются из них очень немногие, гораздо менее, чем, например, киргизы Большой Орды, и к хлебу народ привык еще очень мало, заменяя его сполна мясом, куртом и другими продуктами скотоводства»¹.

Из киргизских промыслов автор называет разработки каменной соли, «совершенно чистой, несколько содержащей горькозема, но довольно годной к потреблению»², в верховьях р. Чу у перевала Кызарт, по дороге на Джумгал.

¹ Венюков М. И. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарья. СПб., 1867. С. 68; *Его же*. Путешествия по окраинам Русской Азии... С. 160–164; *Его же*. Материалы для военного обозрения русских границ Азии. Рукоп. 1870-х годов. Архив ГО СССР, р. 87, оп. 1, д. 5. С. 105.

² Венюков М. И. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгар... С. 24–25; *Его же*. Путешествия по окраинам Русской Азии... С. 112–113.

Вслед за Ч. Валихановым М. И. Венюков подчеркивает, что у киргизов «звероловство не составляет промысла». Однако в то же время говорится об охоте киргизов на маралов, лечебные свойства рогов которых широко известны на Востоке, особенно в Китае. Подобной охотой как промыслом занимался известный сарыбагышский манап Ормон. По сообщению М. Венюкова, он специально держал для этой цели несколько искусных стрелков-охотников и «был обязан ей частью своего богатства»¹. Широко распространена была охота с беркутами на лисиц и куниц. Их меха, хотя и в очень малом количестве, сбывали наезжавшим торговцам.

М. И. Венюкова, как и многих других авторов, удивляет отсутствие у киргизов рыболовства, хотя условия для него прекрасны, особенно много рыбы водилось в Иссык-Куле. Зато немалое место в жизни киргизов, пишет он, занимает изготовление войлоков, отличающихся большой прочностью, шапок, нагаек, седел и т. п.² Особенно широко известны войлоки таласских киргизов, которые делают не только простые кошмы, но и шапки и даже целые бурки, славящиеся и соседних народов. Женщины ткнут грубую материю из верблюжьей шерсти.

По словам М. И. Венюкова, торговля у киргизов ведется с приезжими купцами — ташкентскими, кокандскими, кашгарскими и русскими. Они привозят все необходимые предметы быта и обихода, остаются иногда в киргизских аилах на целый год и вывозят в Коканд, Кашгар, Кульджу киргизский скот. Русские товары обычно сбываются через татарских купцов, причем, как подчеркивает М. И. Венюков, главным образом низкого качества, которые находят

¹ Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны... С. 109–110.

² Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны... С. 110–111. Архив ГО СССР, р. 87, оп. 1, д. 5. С. 105.

плохой спрос в России — простой ситец, коленкор, кожи, металлические предметы и украшения¹.

В трудах многих путешественников и участников экспедиций 60-х годов XIX в. встречаются отдельные штрихи о хозяйстве киргизов, но это большей частью уже факты, известные по прежним путешествиям, изредка детализированные. Так, А. Голубев, подчеркивая пагубность для нормальной хозяйственной деятельности киргизов баранты, пишет, что киргизы для ее предотвращения и смягчения на особо опасных путях вставляли засеки². Г. Н. Потанин со слов казака Максимова, упоминает уходящий своими отрогами в киргизские земли соляной хребет Туз-Тау, «из которого берут чистую и прозрачную, как хрусталь, соль (каменную)» и вывозят ее в Коканд. Он подтверждает также сообщения о торговле киргизов рогами маралов³.

Начальник Нарынского отряда О. Щетинов 10 сентября 1865 г. обращал внимание на то, что «обширные луга и роскошные по своим кормам» долины Нарына с киргизским пашнями оказались в результате междоусобиц бугинцев и сарыбагышей разоренными и «никем не заняты», и предлагал использовать их в интересах русской колонизации⁴.

Эти и подобные сведения не вносят ничего принципиально нового в изучение хозяйственной жизни киргизов начала второй половины XIX в. Однако уже в специальной статье М. Михайлова о киргизах⁵ вкратце характеризуется хозяйство казахов и киргизов Алатавского округа,

¹ *Венюков М. И.* Очерки Заилийского края и Причуйской страны... С. 110–111.

² *Голубев А.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции... С. 192.

³ *Потанин Г.* Показание сибирского казака Максимова... С. 66, 72.

⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 825, оп. 1. д. 6, св. 1, л. 1.

⁵ *Михайлов М.* Киргизы. Их роды и родовые подразделения, вероисповедание, нравы, обычаи, домашний быт, занятия, промыслы,

кочевавших в окрестностях Иссык-Куля и Восточного Туркестана, причем с такими подробностями, которые отсутствуют у других авторов. Достоинство работы, к сожалению, снижается тем, что автор дает общую характеристику казахско-киргизского хозяйства, не подчеркивая их особенностей и различий. М. Михайлов пишет, что киргизы, как известно, ведут кочевую жизнь, совершая перекочевки в зависимости от состояния травяного покрова. Аил стоит на одном месте от месяца до нескольких дней: «Каждый киргиз вообще старается распределить свои корма так, чтобы хватило их его стадам в течение года, причем вытравлять корм чужих аулов строго воспрещается»¹.

Основным занятием киргизов, по словам Михайлова, являются скотоводство, охота и прочие промыслы. Автор сумел проследить и отметить эволюцию в занятии киргизов земледелием. Если раньше, пишет он, земледелием занимались исключительно бедняки, имевшие мало скота, то теперь возделывать поля, огороды и бахчи начали и богатые киргизы, отправлявшие свои стада на кочевки. Торговля все еще представляла «лишь вымен избытка на необходимое»; начали заниматься киргизы и извозом².

Целый свод новых и обширных сведений по экономике края мы находим у известного ученого-естествоиспытателя Н. А. Северцова, прошедшего со своей экспедицией по Тянь-Шаню в 60 – начале 70-х годов прошлого столетия.

Н. А. Северцов составил интересную характеристику высокогорного скотоводства и земледелия киргизов. Его удивило зимовье киргизов рода сару, расположенное по суровым чаткальским берегам. Здесь Н. А. Северцов встретил

нравственное и умственное образование и проч. «Литературная библиотека», VI. СПб., 1867. С. 281–291.

¹ Михайлов М. Киргизы... С. 288.

² Там же. С. 288–289.

ограды для скота из натасканного валежника, но жилых помещений не было, отчего он и сделал вывод, что киргизы зимовали на Чаткале, как и в западной части Заилийского Алатау, «в своих летних войлочных кибитках»¹.

В отдельных районах, по данным Н. А. Северцова, киргизские зимовья лежат на высотах до 2700 м, летние кочевья — еще выше: «следы их кочевок есть на Аксае и Атбаше, т. е. на высоте 3300 м»².

Использование высокогорных пастбищных площадей зимой Н. А. Северцов объясняет тем, что в зимнее время они в основном бесснежны³. Вообще кочевание у киргизов отличалось особой заботой о пастбищах, экономическом их использовании. «...Киргизы и сарты бережливы на дары природы, — отмечает он, — стараются извлечь большие урожаи с клочков земли, берегут новь для пастбищ»⁴. По дороге от Аксу до Барскауна Северцову бросилось в глаза, что хорошие природные пастбища оставлены не тронутыми. Аилы же ютились по мелким сопкам и лощинам, в коротких ущельях-отрогах. Оказывается, киргизы специально не стравливали пастбища по маршрутам длительных перекочевок — «корма у дороги не вытравливаются аульным скотом, а берегутся для перекочевок и караванов»⁵. Это было тем более необходимо, что нередко от стихийных бедствий и эпидемий происходил большой падеж скота. В 1868 г., например, в Токмакском и Верненском уездах от болезней пало более 4/5 рогатого скота⁶.

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 39.

² «Известия РГО», т. V, 1869. С. 95, 210.

³ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 374.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же. С. 175.

⁶ Там же. Примечания к с. 114..

Как во всяком феодальном обществе, лучшие пастбища и места зимовок, равно как и наиболее выгодные земельные угодья, являлись объектами посягательства и междоусобиц. Более сильные соседи, например, прилагали усилия для вытеснения более слабых, могущественные феодалы теснили слабейших, а в результате все это отражалось на благосостоянии и экономике рядового скотовода-кочевника или земледельца. Предметом раздоров служили прекрасные летние пастбища Сон-Куля¹.

Обильные санташские пастбища почти не использовались, служа как бы нейтральной полосой для киргизских и казахских кочевников, «куда, — как писал Н. А. Северцов, — ни те, ни другие не ходят, избегая столкновений»². Прекрасные сенокосные участки между реками Карабалты и Чолак-Кайнды оставались никем не занятыми лишь потому, что были слишком открыты³. Зато в местах, представляющих хорошее естественное укрытие, часто ютилось сразу по нескольку айлов. Так, в верховьях Чу, где «нет ни леса, ни лугов, ни пахотных мест, пастбища скудны», тем не менее скапливалось много айлов. Во-первых, на скалах зимний снег не держался, т.е. имелись условия для добытия скотом подножного корма, и, во-вторых, «там есть где спрятаться»⁴.

Основными предпосылками для использования пастбищ и пахотных угодий, таким образом, являлось не только плодородие почвы, но и географическое положение края — защищенность местности, неприступность или обособленность от соседей и т.п. Это вело к тому, что и без того

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 206, 208.

² Северцов Н. О русских поселениях... С. 113.

³ Там же. С. 131.

⁴ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 120.

экстенсивное кочевое скотоводство и земледелие сдерживались в своем развитии. Искусственно тормозилось развитие производительных сил, в определенной степени консервировались производственные отношения. «Крепкие же местности бугинцев, — писал Н. А. Северцов, — разбросаны по ущельям множества речек, что раздробляет их на множество волостей; каждая с своим ущельем, но из всех ущелий потребности земледелия и скотоводства заставляют бугинцев выходить на обширные общие угодья. Особенно непрерывны и собраны исык-кульские пашни и зимовки...»¹.

Наблюдательный ученый верно подметил, что трудности кочевого быта и недостаточность скота заставляли киргизов обращаться к земледелию: они уже не могут «кормиться кочевой жизнью и вместе с этим занимаются земледелием»².

Занятию киргизов земледелием Н. А. Северцов отводит значительно меньше места в своем повествовании, чем скотоводству, но приводимые им данные важны. Сведения о земледелии высокогорного Центрального Тянь-Шаня перекликаются с сообщениями о земледелии и его характере в других регионах Киргизии. Н. А. Северцов называет великолепными пашни высокогорной долины Атбаши³, упоминает посевы пшеницы Уметалы по Нарыну на высоте 2000 м и более⁴, говорит о многочисленных киргизских пашнях по Джумгалу и Таласу. К востоку от Шамсинского ущелья, пишет ученый, «киргизские пашни скопились в две сплошные массы», к западу от р. Шамси до р. Аламедин «они разбросаны мелкими клочками»⁵. Пространство между

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 208–210.

² Северцов Н. О русских поселениях... С. 103–104.

³ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 314.

⁴ «Известия РГО», т. V, 1869. С. 96, 210.

⁵ Северцов Н. О русских поселениях... С. 122, 124, 135.

горами и озером Иссык-Куль в низовьях Джууки и Кызыл-Су было занято сплошными пашнями, по Джеты-Огузу они были уже рассеяны отдельными островками; пашни поднимаются и вверх по р. Аксу и «урожаи недурны». А на высоте 5800 или 6000 футов, отмечает Северцов, пшенице и просу уже вредят поздние весенние и ранние осенние заморозки, хотя «ячмень... рождается еще недурно». На прибрежной равнине Иссык-Куля урожаи пшеницы, проса и ячменя «весьма хороши», даже «превосходны» и достигают, например, пшеницы — «сам — двадцать»¹. Таким образом, по сообщениям Валиханова, Венюкова и Северцова, урожаи на киргизских пашнях бывал десяти-, пятнадцати- и двадцатикратный.

Межфеодальные уособицы наложили негативный отпечаток и на распространение пашен у киргизов. К примеру, очень плодородные долины Таласа, Кара-Балты и другие, которые посетил Северцов, использовались далеко не до конца именно потому, что были слишком открыты и легкодоступны для баранты. В связи с этим в роскошной Таласской долине, где соприкасалось пять киргизских родов, использовалось «не более десятой доли пастбищ». Плодородная территория пустовала и представляла собой «нейтральное место»².

Земледелие было повсеместно орошаемое, хотя на Таласе, по мнению автора, возможно, оно «дополнялось дождями»³. Среднеазиатское земледелие требовало «не расчистки, а создания пахотной земли», т. е. проведения оросительной системы. В связи с этим Северцов подчеркивает ответственность местных народов, которых природа приучила

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 163; *Его же*. О русских поселениях... С. 136.

² Северцов Н. О русских поселениях... С. 135.

³ Там же. С. 136.

к расчетливости. Сам Северцов оказался свидетелем проведения магистральных каналов, которые рылись по террасам один над другим и по выходе на поля разветвлялись мелкими рукавами¹. Развитию земледелия у киргизов, как считает Северцов, способствовали «местное приволье, плодородные почвы и легкость орошения»².

Н. А. Северцов описывает киргизское орошение пастбищ. Большим ирригационным сооружениям киргизы предпочитали малые арыки, проведенные из ближайших рек. В связи с этим они часто меняли свои пахотные участки «и 100-десятинная киргизская запашка переходит с места на место на пространстве тысячи и более десятин». Труды издержек такого орошения окупались одной жатвой. Именно лёгкость поднятия нови и способствовала тому, что земледельцы часто оставляли свои пашни в залежь, переходя на новые участки. Такой характер земледелия, по замечанию Северцова, зависел «от редкости земледельческого населения»³.

Сосредоточение киргизских пашен и служило основным мотивом при постройке здесь кокандских крепостей, которые «имели для кокандцев большое значение, потому что господствовали над киргизскими пашнями». Несмотря на то, что природные условия были очень благоприятны для широкого занятия земледелием, как подчеркивает Северцов, «киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, которым недостаток скота не дает возможности кормиться кочевой жизнью, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам, вообще старшинам и самым богатым и влиятельным киргизам, доставляя им весьма почтенные доходы, между тем как игенчи, рабочие, только что кормятся, ходят в лохмотьях, безоружны

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 169, 175.

² Там же. С. 14

³ Северцов Н. О русских поселениях... С. 104.

и пеши»¹. Но и игенчи почти не жили на пашнях, уходя летом на ближайшие джайлоо, лишь время от времени навещая свои участки для полевых работ.

Н. А. Северцов отмечает прогрессирующий рост земледелия у киргизов после присоединения к России. В критической статье на работу М. И. Венюкова «Поземельные приобретения и уступки России за 30 лет (1850—1880)» Н. А. Северцов сообщает, что там, где до присоединения к России встречались лишь отдельные пашни, не более 10 дес. каждая, что в совокупности не превышало 500 десятин, через несколько лет, уже в 1867—1868 гг., он встретил «киргизские пашни не сотнями, а тысячами десятин, орошенное пространство за 4 года учетверилось»². Положительно воздействовали на развитие киргизского земледелия русские переселенцы. Это интересное наблюдение Н. А. Северцова подмечено и в упоминавшейся работе Ш. Кадырова³.

Небезынтересно одно из первых сообщений Н. А. Северцова о простейших способах добычи киргизами железа. Ученый рассказывает, как киргизы в устье р. Кызыл-Су собирали приносимый иссык-кульским прибоем шлик, промывали его на лотках и обжигали на простых кузнечных горнах, «получая из него прямо сталь». Из такого металла выковывали сошники, боевые топорики (айбалты), ножи, сабли довольно хорошего качества. По словам Н. А. Северцова, скопление такого черного шлика можно было видеть в устьях горных речек, впадающих в Иссык-Куль⁴.

¹ Северцов Н. О русских поселениях... С. 105.

² Северцов Н. Заметки о наших среднеазиатских владениях. «Слово». СПб., 1880, кн. 8. С. 96.

³ Кадыров Ш. Записки и отчеты русских путешественников... С. 77—78.

⁴ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 163.

Незначительны упоминания Северцова о торговле и охоте киргизов: кашгарцы привозят в Киргизские кочевья посуду, чай, серебро, бязь, халаты. Киргизы продают им скот, кошмы, кожи, меха¹. В числе товаров, предлагаемых киргизами наезжавшим купцам, — лисьи и куньи меха, маральи рога². Он называет (со слов Токмакского уездного начальника Г. С. Загряжского) даже один род — сатыке, основное занятие которого составляла охота («не имеют ни скота, ни лошадей... и промышляют охотою»)³. Об искусстве киргизских охотников свидетельствовал следующий факт, приводимый ученым. Во время одного из походов спугнули медведя. За ним погнался киргиз, взятый специально для охоты. Он на скаку выстрелил из фитильной винтовки и ранил медведя, которому пуля сначала только прибавила прыти, но скоро зверь стал уставать. Охотник, не останавливаясь, зарядил ружье, вторым выстрелом еще более замедлил бег медведя, снова зарядил ружье и нагнал зверя. Медведь привстал на задние лапы, но не удержавшись, присел. Слез и киргиз с лошади и положил зверя третьей пулей в сердце.

«Чтобы оценить этот охотничий подвиг вполне по достоинству, — комментирует ученый, — нужно принять еще в расчет, что, кроме заряжения на бегу, нужно еще было для каждого выстрела, все не останавливаясь, высечь огня на фитиль кремнем и огнивом, и затем вправить зажженный фитиль в курок так, чтобы он попадал при спуске курка прямо на полку с порохом; вся эта мешкотная процедура потруднее на полном скаку, чем стрельба из пистонного ружья, — а тот же каракиргиз из своего

¹ Там же. С. 349.

² Там же. С. 246.

³ «Известия РГО», т. V, 1869. С. 99.

фитильного ружья убивал на скаку лисиц одной пулей, как я увидел впоследствии»¹.

В горах у киргизов каждый кашгарский караванбаши имел своих постоянных покупателей и поставщиков скота. Однако междуособицы и баранты делали торговлю небезопасной. Как пишет Н. А. Северцов, Уметалы, например, установил своеобразную монополию на торговлю, грабя все караваны, которые шли не к нему, и повышая цены на скот. И купцы должны были с ним считаться, повышая соответственно цены на скот в Кашгаре².

Ознакомление со среднеазиатской торговлей, видимо, сыграло немалую роль и в составлении Н. А. Северцовым совместно с Хлудовым и Первушиным «Проекта Среднеазиатского общества пароходства и торговли» (1870 г.), который был направлен на улучшение и развитие торговли в Туркестане. Однако проект был отклонен властями³.

Следует отметить и предложения Н. А. Северцова по реорганизации административно-хозяйственной жизни в Туркестане. Он являлся автором одного из первых проектов «Положения для управления Туркестаном»⁴, которым хотел «только указать, а не описывать те местные особенности, на которых основаны соображения об устройстве края»⁵. В своем проекте, в частности, Н. А. Северцов предлагал спорные дела между киргизами оставить в ведении суда биев (§ 31); дела о баранте, совершенной до 1865 г., — также в ведении биев, но уже под председательством управляющего, а баранту, т. е. хозяйственный разбой и угон

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 197.

² Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 348–349.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1870, д. 35, л. 78–80.

⁴ Проект Положения о Среднеазиатской пограничной области. ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 892-а, д. 8.

⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/893, д. 15, л. 22.

скота, после 1 января 1865 г. рассматривать как разбой, подлежащий уголовному суду (§ 32). Эти жесткие меры должны были урегулировать хозяйственную жизнь местного населения и привести к спокойствию и миру в крае¹.

В «Кратком отчете об исследовании Зачуйского края...» (во время экспедиции Черняева 1864 г.) Северцов в дополнение к «Положению» отмечает наиболее удобные для русской колонизации районы: «...У Пишпека, Аксу, Шиш-Тюбе, Чалдовара, в междуречье Иссык-Ата и Аламедин, в верховьях Таласа»². В последовавшей за ним записке «Предположения о научных исследованиях в Западном Тянь-Шане и их практических применениях» Северцов в качестве одной из первоочередных задач предлагает определить и изобразить на карте различное достоинство пахотных и пастбищных земель». Особенно, как подчеркивал ученый, «при съемке полезна статистика наличных культур хлебов, кормовых и торговых растений»³. Эти мероприятия были проведены, однако, лишь в конце XIX — начале XX вв.

Еще после первых экспедиций 1865—1868 гг. Северцов обработал для туркестанского генерал-губернатора «некоторые из практических результатов экспедиции». Ученый выдвигает два условия для возможной колонизации: первое — «чтобы эти места были свободны, и колонизация произошла бы без стеснения коренного местного населения» (курсив наш. — В. П.) и второе — чтобы они «соответствовали русским хозяйственным привычкам, т. е. были бы обеспечены лесом и дождем для земледелия»⁴.

Наиболее благоприятными для заселения районами Н. А. Северцов считал Иссык-Кульское побережье, Верхний

¹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 892-а, д. 8.

² ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 893, д. 15, л. 22.

³ Там же.

⁴ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 93.

Нарын, Атбаши, Верхний Талас и Чаткал, менее благоприятными — земли на Кочкоре, Сусамыре и на Среднем Нарыне — у Куртки. Он рекомендовал строить селения в Тянь-Шане, учитывая, что киргизы благосклонно относятся к русским. В то же время Северцов выступал против уже начавшегося заселения в первую очередь почтовых трактов, которые проложены в удобных для оседлости местах, но большей частью занятых киргизскими пашнями. Это, по его мнению, могло вызвать недовольство местного населения, и он настоятельно рекомендовал осваивать места для колонизации «неприменно из незанятых туземной оседлостью», настаивал на своем предложении не утеснять местное население¹. В этом проявилось гуманное отношение Н. А. Северцова к местным народам, некоторый демократизм его взглядов.

Небезынтересны заметки о хозяйстве южных, особенно алайских киргизов А. П. Федченко, посетившего Кокандское ханство в 1871 г. Однако стоявшие курганчи (хутора) с несколькими деревьями, разбросанные кругом поля, между которыми оставлено много залежи, используемой для зимней пастьбы скота, — такими предстали перед взором путешественника характерные киргизские поселения Ферганы — Чавай и Ак-Тиряк². «Занятие киргизов в Алае, как и везде, — сообщает ученый, — скотоводство. За ним идут некоторые ремесла, исполняемые женщинами и не идущие далее потребностей семьи. Земледелие очень не развито, да и то сосредоточено в самой низкой части Алая, начиная от кургана»³.

Интересной особенностью сообщений Федченко является его характеристика киргизских перекочевков. На высокогор-

¹ Северцов Н. Путешествие по Туркестанскому краю... С. 94, 170.

² Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 349.

³ Там же. С. 371.

ный Алай (Баш-Алай, или Чон-Алай) киргизы прикочевывали в мае, оставляя его в августе. Алай, очень богатый кормовыми травами, представлял собой главным образом место для летних кочевков, притом исключительно киргизских. Киргизы приходили весной из Ферганы, а на зиму возвращались на невозделанные поля близ оседлых поселений Ферганы. Как заметил Федченко, кочевники в большинстве случаев ходили в горы со своим скотом не вдоль, а поперек главных направлений хребтов. Причина этого заключалась в соответственном расположении зимних кочевий, узких, как правило, кочевых дорог и сравнительно удобных перевалов через хребты. Верховья алайских рек, пишет Федченко, «славятся как превосходные пастбища. Там находятся яйлау, в которых летом сосредоточивается все киргизское население Алая и множество киргиз, имеющих зимовки в Кокандской долине»¹. Однако из Ферганской долины в Алай имели возможность прикочевывать только более или менее состоятельные киргизы, те, кто имел одnogорбых верблюдов — наров, без которых даже со скудным скарбом кочевника такое большое расстояние через горы пройти было довольно трудно. Скот в основном пригоняли в Чон-Алай. Малая продольная долина — Кичик-Алай — обычно оставалась незанятой. По словам Федченко, это было связано с тем, что киргизы «оставляют траву близ дороги, чтобы было чем кормить скот при обратной перекочевке в долину Ферганы»².

А. П. Федченко неоднократно упоминает о киргизском земледелии на юге. Хлебопашеством киргизы занимались в бассейне р. Сох и в окрестностях Шахимардана. Здесь же он встретил и зимовки киргизов — «группы мазанок

¹ Федченко А. П. Из Коканда. «Туркестанские ведомости», 1871. № 35.

² Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 115.

с навесами для скота», а в долине находились неполиваемые поля пшеницы (ляльми)¹.

На высокогорном же Алае киргизские запашки, сосредоточенные в самой низкой части долины, были невелики, так как «высота места, — подчеркивает Федченко, — не позволяет заниматься хлебопашеством». Киргизы высевали здесь в основном ячмень, немного пшеницы, «чтобы получить то небольшое количество зерна, которое нужно им для продовольствия»; они имели даже несколько полей люцерны (дженушки). Все встреченные пашни были «оби», т. е. орошаемые. Ко времени жатвы мужчины с джайлоо спускались к полям, которые располагались в тех же горах, но только ниже, и находились возле них до созревания и уборки хлебов².

Семена для посева поставлялись в основном из Каратегина. Во время пребывания А. П. Федченко на Алае отношения кокандцев с Каратегином ухудшились, киргизы остались без семян, и перед взором путешественника предстало очень много незасеянных полей.

О ремесленном производстве киргизов мы встречаем у Федченко очень скудные и даже несколько противоречивые сведения. Как уже сказано, он писал, что у киргизов имеются ремесла, которыми занимаются женщины и которые не идут далее «потребностей семьи»³. В рукописи же о путешествии в Туркестан автор сообщает, что на летовках женщины и дети «пасут скот и занимаются своим хозяйством, работами на продажу, ткнут ковры, например»⁴.

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. С. 307.

² Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 113; «Туркестанские ведомости», 1871. № 35; Федченко А. П. Путешествие в Туркестан... С. 372.

³ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. С. 371.

⁴ Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 113.

А. П. Федченко не высказывает своего мнения относительно мер по улучшению хозяйственной жизни в крае, но своими позитивными сведениями показывает, что при существующем положении, пока, например, Алай находится в составе Кокандского ханства, прогресса в киргизском хозяйстве не будет.

Таким образом, крупными учеными России, посетившими Киргизию в 50–70-х годах XIX в., было сообщено немало интересных сведений о хозяйстве киргизов, о их занятиях скотоводством, земледелием, промыслами и торговлей. П. П. Семенов и Ч. Ч. Валиханов оставили записки о хозяйстве преимущественно иссык-кульских киргизов, М. И. Венюков — чуйских, Н. А. Северцов — киргизов Центрального Тянь-Шаня. А. П. Федченко — южных киргизов, главным образом алайских. В целом на основании их наблюдений складывается впечатление о натуральном хозяйстве киргизов: экстенсивное кочевое скотоводство, часто нарушаемое межфеодальной барантой, некоторое снижение в результате жестоких усобиц уровня земледельческого хозяйства киргизов, отдельные виды домашних промыслов и меновой торговли.

Русские ученые и путешественники, побывавшие в Киргизии в период ее вхождения в состав России, интересовались естественными богатствами края, фиксировали хозяйственные занятия местного населения. Развивающийся в России после реформы 1861 г. капитализм нуждался в расширении сферы своей деятельности, требовал сырья для промышленного производства и новых рынков сбыта готовой продукции. Все это вело к расширению торговых связей России со Средней Азией и способствовало изучению ее естественно-сырьевых ресурсов (Киргизии, в частности).

Следовательно, публикации русских ученых о хозяйстве, жизни и быте киргизов в период вхождения их в состав России имели в свое время наряду с чисто научным значением прямой практический интерес. Важно, что многие

авторы в меру своих сил и возможностей старались внести те или иные предложения по дальнейшему хозяйственному развитию края, чем в известной степени способствовали зарождению хозяйственных связей между коренными жителями и переселенцами из России.

Для нас их труды, научное наследие представляет прекрасный исторический источник, содержащий обширные сведения по хозяйству местного населения, дающий яркую иллюстрацию хозяйственных занятий киргизов, источник, отразивший дух мятежной эпохи: неудовлетворенность настоящим, надежду на лучшее будущее.

Киргизское хозяйство последней трети XIX в.

С вхождением Киргизии в состав России хозяйство местного населения продолжало развиваться по определенным веками отраслям — скотоводство, земледелие, промыслы. В то же время на развитии хозяйства киргизов заметно начинает сказываться влияние переселенцев. Местное население переходит к заготовке сена, деревянную соху теснят металлический плуг, скотоводство и земледелие приобретает черты товарности, домашние промыслы постепенно перерастают в ремесло и мелкотоварное производство. Появляются зачатки промышленности. Все это было результатом влияния расширяющегося российского капитализма, который наряду с прогрессивными чертами в развитии экономики в хозяйство киргизов принес иные методы жестокой эксплуатации. В развитых районах резко усилилась классовая дифференциация.

Исследователи последней трети XIX в., в какой-то степени занимавшиеся изучением киргизского хозяйства, не сумели в полной мере вскрыть сущность и характер изменяющегося под влиянием российского капитализма хозяйства местного населения. Правда, они констатировали

ряд отрицательных факторов однобокого развития экономики, однако критика их была осторожной, с позиций помещичьей или буржуазно-либеральной идеологии.

В периодической печати, в материалах для статистики Туркестанского края, в отдельных книгах мы встречаем более или менее обширное число публикаций авторов, в той или иной степени обращавшихся к рассмотрению истории хозяйства киргизов. Среди них публикации Г. Бардашева, Г. С. Загряжского, И. В. Мушкетова, А. Ф. Миддендорфа, В. П. Наливкина, Л. Ф. Костенко и др.

Как уже указывалось, сведения Ив. Бардашева (в статьях за подписью Г. Бардашев) были использованы П. П. Семеновым в ряде статей о Киргизии, помещенных в «Географическо-статистическом словаре». Архивная записка Бардашева «Сведения о дикокаменных киргизах»¹, составленная после вхождения северных киргизов в состав России, в систематизированном виде сообщает о хозяйстве киргизов и несколько перекрывает в этом отношении аналогичные сведения опубликованной под этим же названием статьи в «Записках РГО» (кн. V, 1851) и даже других, более поздних публикаций 70-х годов².

Характеристика Бардашевым киргизского скотоводства, земледелия, промысловых занятий и торговли перекликается с характеристикой Ч. Валиханова, что дает основание предполагать, что они использовали материалы друг друга. У Бардашева мы встречаем, например, ту же характеристику киргизского хозяйства, что и у Ч. Валиханова: «Первый источник народного хозяйства... есть без сомнения скот... Хлебопашество — общее народное занятие».

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 1–32.

² Бардашев Г. Сведения о дикокаменных киргизах // «Туркестанские ведомости», 1870, № 15; *Его же*. Заметки о дикокаменных киргизах : мат-лы для статистического описания Туркестанского края. // Ежегодник. Вып. III. СПб., 1874. С. 384–390.

Называя в качестве основного занятия у киргизов скотоводство и земледелие, Бардашев указывает и на другие отрасли. Из домашних «произведений» автор отмечает производство войлоков, а торговлю считает меновой и только внутренней¹.

Автор неоднократно подчеркивает принадлежность пахотных земель богачам: «Бедные люди не имеют своих пашен, но, нанимаясь в услужение к богатым, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков»². А известный манап Боромбай ежегодно собирал зернового хлеба столько, сколько вмещалось в 10 юртах, которые ставились внутри специально построенной крепости — кургана. Его Кызыл-Курган, возведенный, по сообщению Бардышева, в 1843 г., должен был служить как для сохранения имущества во время междоусобиц, так и для защиты караванов от грабежей³.

Киргизы в середине XIX в. вынуждены были производить хлеб не только для собственного потребления, но и для снабжения гарнизонов кокандских крепостей. В рукописной записке, составленной в 1859 г.⁴, Бардашев называет количество хлеба, поставляемого киргизами кокандским крепостям Чуйской и Таласской долин. Так, киргизские орды сарыбагышей (Уметалы, Тюрегельды и Джантая)

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 21–23.

² *Бардашев Г.* Сведения о дикокаменных киргизах // «Туркестанские ведомости», 1870, № 15; То же : мат-лы для статистического описания Туркестанского края // Ежегодник. Вып. III. СПб., 1874. С. 384.

³ «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

⁴ Расспросное описание путей, лежащим от укрепления Верного через Пишпек в Ташкент, Коканд, Наманган, и прочим лежащим на этих путях военным крепостям, составленное переводчиком, состоящим при начальнике Алатавского округа и киргизов Большой орды, коллежским регистратором Бардашевым в 1859 году. ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1. д. 11, св. 1.

должны были поставлять Токмакскому гарнизону ежегодно до 50 батманов¹ пшеницы и проса (т. е. 7,5 т). Для прокорма более значительного пишпекского гарнизона, состоящего из 250 сарбазов (пеших) и 150 сипаев (конных), киргизы племени солто поставляли около 500 батманов пшеницы и проса (т. е. примерно 75 т зерна). На снабжение небольшой крепости Мерке около 100 батманов зерна собиралось с казахов и 200 батманов — с киргизов. В крепость Аулие-Ата, гарнизон которой достигал 1000 человек, казахами и киргизами помимо тысяч голов скота и другого провианта поставлялось до 10000 батманов пшеницы и проса². При этом, как отмечает Бардашев, киргизы повсеместно несли подворные повинности: бесплатно перевозили продовольствие и воинские припасы в крепости дважды в год: в начале весны и осени³.

Ознакомление с положением дел в Киргизии привело Бардашева к выводу, что «сборы зякета и злоупотребления сборщиков... неисправимы»⁴. Однако после присоединения киргизов к России Бардашев сам уже ратует за увеличение налогового сбора. В записке 70-х годов он, в частности, предлагает жесткие меры для устранения «нераспорядительности» волостных управителей, которые не досадили налог, якобы потому, что «совсем не включили в исчисление кибиток бедняков и потому вовсе обошли их сбором»⁵.

Более интересные статистические сведения мы встречаем у местного чиновника Г. С. Загряжского.

Имея возможность видеть и конкретно оценить естественные богатства Киргизии, Г. С. Зягряжский считал очень

¹ Батман — 9 пудов 24 фунта, т. е. примерно 1,5 ц.

² ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 11, св. 1, л. 17–22.

³ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 11, св. 1, л. 22.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 825, оп. 1. д. 20, л. 1.

хорошими здесь луга и пашни. По мнению самих киргизов, как пишет автор, у них достаточно летовок и зимовок, но не в излишке. Поэтому каждый род и отдел имеет свой определенный участок, обозначенный какой-то речкой или направлением щели. Здесь же делались и запашки. Каждый род ревниво следил за тем, чтобы никто чужой не занял их территорию. Общее направление кочёвок чуйских киргизов: зимой в предгорьях (а богатые — в камышах по р. Чу), весной и осенью — возле пашен, летом — по вершинам гор, где прохладно, нет оводов и хорошие травы.

Загряжский, как и его предшественники, считает, что у киргизов скота значительно меньше, чем у казахов. Автор объясняет это тем, что казахи раньше приняли российское подданство, а киргизы «только с недавнего времени пользуются спокойствием, отдыхают от баранты и мусульманской власти»¹. И все же лошади на ночь собирались вместе, за исключением дойных кобылиц, и около юрт сгоняли и огораживали прочий скот. Причем огораживание скота на ночь было чисто женским делом².

Как пишет Загряжский, киргизы до вхождения в состав России кочевали большими аилами, хозяйств в 200 и даже более. На случай внезапной баранты пастухи были вооружены и ходили в табуны в большом количестве. Кочеванием распоряжался и регулировал пастбищепользование аксакал аила. Зягряжский сообщает, что это был «старший из юртовладельцев», хотя известно, что аксакальство определялось не столько возрастом, сколько социальным положением. От аксакала зависел выбор места для кочевки, время перекочевков: «Он — начальник аула и часто судья

¹ *Загряжский Г.* Очерки Токмакского уезда // «Туркестанские ведомости», 1873. № 9–10.

² *Загряжский Г.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи // «Туркестанские ведомости», 1874, № 30.

в нем»¹. Это в отношении мелкой айильной администрации. Крупные же феодалы — манапы — еще в большей степени сосредоточивали в своих руках распоряжения пастбищепользованием и его регулирование. Автор приводит пример: при перекочевках никто не смел раньше крупнейшего кетмень-тюбинского манапа Рыскулбека «трогаться с места и идти вперед его стад»².

Интересно описание им распределения работы по уходу за скотом (на примере чуйского племени солто). Во-первых, за скотом ухаживали все, без различия пола и возраста, во-вторых, имелось и строгое распределение занятий. Так, пожилые мужчины устраивали и очищали загоны, молодые люди поили лошадей, баранов, верблюдов, женщины доили скот и следили за молодняком, занимались переработкой молочных продуктов³.

Г. С. Загряжский едва ли не впервые в киргизоведческой литературе использует официальный статистический материал по хозяйству киргизов, основанный на годичных уездных отчетах.

Нам кажется небезынтесным воспроизвести таблицу из публикации Зягряжского, поскольку она является, по-видимому, первой из опубликованных в печати статистических таблиц, характеризующих хозяйство киргизов (1869 г. см. табл. 1).

В процентном отношении перед нами предстает следующая картина — 3,07% совершенно обнищавший класс крестьянства, люмпен-пролетариат айла, 33,5% бедняцких хозяйств, 38,45% середняцкого дехканства и 24,6% —

¹ *Загряжский Г.* Кара-киргизы (Этнографический очерк) // «Туркестанские ведомости», 1874, № 30.

² *Загряжский Г.* Заметки о народном самоуправлении у кара-киргиз.

³ *Загряжский Г.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи // «Туркестанские ведомости», 1874. № 30.

зажиточного. Из приводимого процентного соотношения хозяйственной состоятельности киргизов Токмакского уезда видно также, что киргизское крестьянство в 60-х годах еще в значительной мере имело слабую социальную дифференциацию, которая с углублением колонизаторской политики в крае будет все более расти и усугубляться. Если к тому же учесть, что хозяйство было натуральным и на продуктах названного поголовья скота должно было существовать семейство (как минимум 5, а иногда и до 10 членов) на протяжении целого года, заботясь еще о воспроизводстве скота — перед нами предстает довольно неприглядная картина благосостояния подавляющей массы киргизского населения (75%).

Даже Г. С. Загряжский, начальник Токмакского уезда, вынужден был это признать. «Нельзя сказать, чтобы числа эти были особенно благоприятны для народа пастушеского, у которого все богатство состоит в скоте...», — писал Загряжский, характеризуя средние показатели хозяйственного благосостояния киргизов Токмакского уезда¹.

Его вывод не оригинален, но показывает оценку бедственного хозяйственного положения киргизов даже представителями официальных колонизаторских кругов. «Благосостоянием кара-киргизы не отличаются; напротив, между ними очень много бедных...», — писал Г. С. Загряжский. А полная зависимость от стихийных сил природы, усугубляемая феодальными и родоплеменными уособностями, ставили благосостояние кочевника в зависимость от случая, который мог только ухудшить положение. «Нагрянула беда, обрушилась на киргизском скоте, напр, под видом падежа, гололедицы (джута), баранты — горе и хозяину». Такая зависимость жизни кочевника от скота, подчеркивал Загряжский, нашла отражение в языке и способах выражения

¹ Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда // «Туркестанские ведомости», 1873. № 10.

мыслей киргизами, которые приветствие начинали не с вопроса о здоровье при встрече, а с вопроса о здоровье и состоянии скота.

Таблица 1

Волость	Хоз-ва, имеющие 100 баранов, 20 лошадей, 5 верблюдов, 5 коров	Хоз-ва, имеющие более 10 баранов, 2 лошади, от 1 до 3 верблюдов, 1—3 коровы	Хоз-ва, имеющие менее 10 баранов, 0—2 лошади, 0—2 верблюда, 1—3 коровы	Хоз-ва, вовсе не имеющие скота
Багышевская	250	665	536	27
Толкановская	205	786	837	25
Султинская	219	967	807	87
Булекпаевская	208	456	435	63
Тынаевская	269	390	501	39
Темирбулатовская	391	343	423	63
Сарыбагышевская	297	561	493	34
Исангуловская	505	515	465	21
Бурукчинская	456	415	167	13
Нарынская	647	296	127	7
Итого по названным волостям	3453	5394	4691	379

Говоря о скотоводстве как ведущем занятии, превалирующим над другими отраслями хозяйства, Загряжский в то же время приводит материалы, свидетельствующие и о сравнительно распространенном занятии киргизов земледелием, хотя считает, что народ «земледелием занимается очень мало».

Обратимся к приводимым им же цифрам, Во-первых, он пишет, что социальную прослойку беднейших киргизов, «которые живут при пашнях и состоят при богатых людях в качестве разных работников и прислуг», называли джатаки и игенчи. И таких среди киргизов Токмакского уезда было 36,95%. Во-вторых, большинство рядовых скотоводов, хоть и откочевывали на лето в горы на джайлоо, в определенной степени были связаны и со своими пашнями, располагавшимися у зимовок. Чистые же кочевники, «т. е. имеющие скота столько, что не могут стоять долго на одном месте, а постоянно нуждаются в летовках, зимовках, осеневках и которые не держатся близ пашен», — писал Загряжский, составляли небольшой процент. Так в Багишевской волости их было всего 13,93%, в Толкановской — 15,09%, Султинской — 18,06%¹. При этом не следует сбрасывать со счета тот факт, что хотя названные хозяйства сами не были привязаны к пашням, они могли оставлять там своих работников — игенчи и джатаков. Из посемейных списков юртовладельцев Токмакского уезда за 1886 г. видно, что, например, в Темирбулатовской волости все без исключения хозяйства производили посевы зерновых, площадь которых колебалась (в зависимости от мощности хозяйства) в среднем от 1 до 4 четвертей².

Личный наем у киргизов, по наблюдениям Загряжского, производился для домашних услуг, для земледельческих работ и присмотра за стадом. Причем все виды найма, отмечал исследователь, производились только словесно, как при свидетелях, так и без них³.

¹ Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10.

² ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 3, д. 39, л. 31 и сл.

³ Загряжский Г. Юридический обычай киргиз; его же. О народном суде... В кн.: Мат-лы для статистики, вып. IV. С. 187, 189.

Интерес представляют и данные, приводимые Г. С. Загряжским, о количестве скота у киргизов по его видам, что позволяет, на наш взгляд, окончательно решить вопрос о преобладавшем виде скота и в предшествующий период (поскольку большинство русских исследователей утверждали, что характер скотоводства, количество поголовья скота и его видовой состав в первые годы после присоединения к России не претерпели изменения и были такими же, как и в предшествовавшие годы кокандской зависимости).

Бесспорное преобладание по количеству поголовья было за баранами, на втором месте оказывались лошади и на третьем — четвертом — верблюды и коровы. В среднем поголовья баранов по волостям в 5 раз было большим, чем лошадей.

Как бы подытоживая свои данные, о скотоводстве и земледелии у киргизов Г. С. Загряжский сам отмечал их неполноту и относительность. «Сообщая кое-какие сведения из Токмакского уезда, — писал он, — я должен оговориться, что эти сведения очень неполны и отрывочны. Напр., здесь не разъяснена связь скотоводства и сельскохозяйственных угодий, как в отношении качества, так и в количестве земель»¹. Однако, его материалы, принесли определенную пользу и послужили отправными при последующих исследованиях.

В работах Г. С. Загряжского имеются отдельные заметки о промыслах и ремесленном производстве у киргизов. Ввиду большой потребности скота в соли, сообщает он, киргизы добывали ее в горах и вывозили на пастбища². Существовало деревообделочное производство, производство по изготовлению юрт, металлических изделий. В то же

¹ Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда... 1873, № 9—10.

² Там же.

время, как ошибочно сообщает автор, киргизы якобы не знали добычи металла из руды, но покупая железо у приезжих купцов, изготавливали для своего обихода простейшие металлические предметы¹.

Не имея точных цифровых данных о торговле киргизов, Г. С. Загряжский тем не менее уже был в состоянии определенно заявить, что торговый оборот киргизов, в частности Токмакского уезда, с азиатскими купцами намного превосходил размеры торговли с Россией. «Весь товар, который приходит к нам из ханства, — писал Загряжский, — обменивается на скот, и из него только часть идет на приобретение русских ситцев, казанов, деревянной посуды и других изделий железных. Для уплаты подати киргизы ежегодно также продают до 33 тыс. баранов. Скот уходит частью в Петропавловск, куда гонят его татары, но большая часть идет на базары больших городов Средней Азии»². О купцах-киргизах Загряжский не упоминает и сообщает, что почти вся торговля в Киргизии находилась в руках «сартов и татар» — купцов Кашгара, Кокандского ханства, Ташкента и Аулие-Аты³. Говоря о характере киргизской торговли, он пишет, что «для белой кости считается обидой предков заниматься торговлей». Беднота же не имела средств для этого. Мена и продажа у киргизов производились также на основании обычая, словесно. Без каких-либо записей происходили займы как денег, так и товаров, скота⁴.

Сообщая о зякете и сменивших его новых торговых пошлинах, Г. С. Загряжский выступает как сторонник прежних методов торгового обложения, т. е. зякета, который

¹ Загряжский Г. Быт кочевого населения... 1874, № 32.

² Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда... 1873, № 9–10.

³ Там же.

⁴ Загряжский Г. Юридический обычай киргиз; *Его же*. О народном суде... С. 185.

по своим размерам приносил бы в казну на целую треть больше средств, да к тому же, по мнению автора, среднеазиатские купцы зякет «лучше... понимают и считают более справедливою податью»¹.

Основываясь на знании хозяйства местного населения, народных киргизских обычаев и мусульманского права, Г. С. Загряжский в 1869 г. представил в Семиреченское областное правление свои соображения о целесообразности введения в крае частной земельной собственности. Записка ставила целью содействовать развитию торгового земледелия и частнокапиталистической инициативы в горной промышленности.

Г. С. Загряжский предлагал принять следующие положения:

1. Земля принадлежит тому, кто ее оживил, проведя новый арык, возобновивши старый, или же стал пользоваться естественною водою там, где ее прежде не употребляли для обработки земли.
2. Лицо, оросившее землю, приобретает ее в свою собственность только тогда, когда оно возделывает ее три года сряду.
3. Земля переходит в собственность того, кто заведет на ней сад, обнесет свой участок оградю, построит дом, посеет клевер и т. д.
4. Кто приобретет землю со старым орошением от туземцев-собственников.
5. Разрешить свободный труд горнопромышленникам, наделая их нужным количеством земли около прииска².

Однако эти предложения, предусматривавшие ускорение капиталистического развития в крае, не были одобрены

¹ Загряжский Г. Очерки Токмакского уезда... 1873, № 9–10.

² ЦГА Каз. ССР, ф. и. 64, оп. 1, д. 3, л. 4.

общим присутствием Семиреченского областного правления¹, не вошли ни в последующие проекты об управлении Туркестанского генерал-губернатора.

В целом Г. С. Загряжский своими конкретными и во многом новыми материалами, ценными статистическими сведениями открывал новую страницу и положил начало статистическому исследованию хозяйства местного населения.

Подобного же рода материалы, но уже по Иссык-Кульскому уезду, приводятся и в статье А. Чайковского². Будучи начальником Иссык-Кульского уезда, Чайковский, как и Загряжский, имел возможность использовать в своей статье официальные данные и более или менее конкретно осветить хозяйство киргизов Прииссыккуля. По его сведениям, у киргизов на одно хозяйство в среднем приходилось в уезде: верблюдов — 0,5, лошадей — 8,2, рогатого скота — 1,1, баранов — 34,8³. Правда, автор тут же пытается оговорить условность среднего показателя, подчеркивая, что «между киргизами богатство скотом распределяется неравномерно», однако в целом приведенные им показатели высоки именно за счет неучитывания резкой имущественной дифференциации кочевнических хозяйств.

Для большинства киргизских районов было характерно описанное им использование высокогорных долин. Так, например, Текесская долина в течение двух летних месяцев — июня и июля — служила пастбищем для скота всего киргизского населения уезда. В августе, сентябре, октябре долина пустела. Киргизы откочевывали к озеру Иссык-Куль для уборки хлебов, а в это время травы в долине вновь

¹ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 64, оп. 1, д. 3, л. 7–13.

² Чайковский А. Иссык-Кульский уезд в 1869–1871 годах. «Туркестанские ведомости», 1872, № 42, 44, 45.

³ Там же. № 44.

поднимались. В ноябре почти половина всех лошадей Иссык-Кульского уезда вновь перегонялись на Текес, который из-за отсутствия здесь больших снегов использовался уже как зимнее пастбище.

В официальном отчете за 1868 г. Чайковский приводит численность населения и поголовья скота у жителей. По его данным, русских переселенцев в 1868 г. в Иссык-Кульском уезде было всего 75 человек (исключая воинские подразделения), киргизов — 56 тысяч. Лошадей в уезде насчитывалось до 100 тыс., баранов — до 300 тыс., верблюдов — до 10 тыс., крупного рогатого скота — до 80 тыс. голов. Однако эпидемия чумы, пронесшаяся в августе, буквально опустошила уезд. Особенно много пало крупного рогатого скота, осталось его лишь 13—13,5%¹. Тем не менее, вскоре поголовье скота даже существенно возрастает. Уже в 1877 г. в Иссык-Кульском уезде только в киргизских волостях было: лошадей — 186423 головы, рогатого скота — 92985, овец — 626765, верблюдов — 7449; всего в уезде имелось 189951 лошадь, 98209 голов рогатого скота, 629188 овец, 8069 верблюдов, 2450 свиней и 483 осла².

Цифры, приводимые начальником уезда, представляют определенный интерес, поскольку статистических материалов за этот период почти не встречается. Однако полностью им доверять нельзя, так как, во-первых, специального обследования не проводилось, во-вторых, начальнику уезда всегда выгоднее показать свое правление в наиболее благоприятном свете.

А. Чайковский называет основные места расположения киргизских запашек и указывает урожайность зерновых. По его сообщению, пахотные земли в Иссык-Кульском уезде сосредоточивались по долинам рек, впадающих в озеро,

¹ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 9, д. 41, л. 2—4, 8.

² ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 12, д. 6, л. 197.

и по предгорьям. Ранее, в 50-х годах, имелись пашни и в Текеской долине¹.

Земледелием киргизы занимались лишь для удовлетворения своих потребностей, засевая в среднем на хозяйство пшеницы 1 кап², ячменя — 0,2 капа и проса — 0,5 пуда. Зерно мололи на водяных мельницах (автор приводит их подробное описание), однако мука получалась крупного размола и с большим процентом песка³.

В официальном отчете А. Чайковского за 1869 г. описаны мощность и возможности такой местной мельницы. Состоит она из нижнего неподвижного жернова, на котором укреплен второй — вращающийся жернов, надетый на деревянный стержень, свободно проходящий через отверстие нижнего жернова. К нижнему концу стержня крепятся горизонтально несколько лопастей. Под действием воды они заставляют вращаться верхний жернов. Мощность мельницы крайне мала и едва в состоянии удовлетворить потребности нескольких семей. К тому же при самом небольшом морозе мельницы перестают работать и бездействуют всю зиму. В зиму 1869 г. во всем уезде действовали лишь две такие мельницы, остальные стояли. Вследствие мягкости камня-жернова мука получается крупного размола с большой примесью песка, так «что почти нет возможности есть хлеб, выпеченный из этой муки»⁴.

Все чаще наряду со статьями местных чиновников появляются работы проезжавших через Киргизию ученых,

¹ О следах бывших пашен на Текесе сообщалось и в опубликованной в это же время заметке «Рекогносцировка долины р. Текес и Музторского ущелья» («Туркестанские ведомости», 1872, № 44).

² Кап — мешок вместимостью около 1 ц зерна.

³ См.: Чайковский А. Иссык-Кульский уезд в 1869–1871 годах // «Туркестанские ведомости», 1872. № 42. С. 44–45.

⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 9, д. 56, л. 15–16. Аналогичное описание и в «Туркестанских ведомостях», 1872, № 44.

путешественников, а также писателей об отдельных сторонах хозяйственной деятельности киргизов.

В путевых записках А. В. Каульбарса часто упоминается о киргизском земледелии. «Урочище Кетмень-Тюбе, — пишет он, — сплошь покрыто пашнями»¹. «Все занимаются весьма усиленно хлебопашеством и по реке Ирдык. Пашни имеются даже в высокогорной долине Атбаши. Здесь киргизы охотно продают свои избытки зерна, но довольно дорого, главным образом в результате близкого расположения Нарынского укрепления. Пшеница, ячмень, просо вызревают и в окрестностях самого укрепления Куртка»².

А. В. Каульбарс подчеркивает положительную роль присоединения Киргизии к России для развития торговли в горных районах: «Баранта и разбой прекращаются, торговля постепенно развивается, пользуясь полной безопасностью»³. Вся торговля, по определению Каульбарса, делится в Киргизии на «торговлю внутреннюю и на торговлю транзитную», Автор поддерживает идею Г. С. Загрязского об изменении порядка обложения купцов пошлиной и выступает за возвращение к зякетной системе, тем более, что «азиатские торговцы к ней издавна привыкли»⁴.

После Е. П. Ковалевского в художественных произведениях о киргизском хозяйстве рассказал писатель и художник Н. Н. Каразин. Правда, они носят налет романтизма, но тем не менее содержат и чисто реалистические описания. Об одном из киргизских аилов на Иссык-Куле Каразин пишет: «Зимовка состояла из шести просторных желомеек

¹ Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход. «Известия РГО», т. VII, отд. 2, 1875. С. 175.

² *Каульбарс А. В.* Материалы по географии Тянь-Шаня... С. 463, 487–489.

³ Там же. С. 394.

⁴ Там же. С. 453.

(юрт), тростниковой загороди для лошадей, чисто выбитой площадки перед входами, и вообще носила на себе вид достатка...»¹. Киргизы, как заметил писатель, не любили тесниться и редко можно было встретить вместе более 10 юрт; чаще всего аил состоял из 3—4 юрт, которые занимали «громадные» пространства вдоль рек. Он обрисовал неприглядную картину киргизского кочевого быта, особенно тяжелое положение женщин и детей: «...самые трудные и непривлекательные работы лежат на женщинах: они расставляют кибитки, доят кобыл и коров, заботятся о верблюдах, шьют, бьют войлоки, плетут ковры, готовят кумыс и проч.; на долю мужчины остаются пастушество и охота, да и то скорее последнее, потому что мне часто случалось видеть громадные стада (отары) овец и табуны лошадей под присмотром одних мальчиком, из которых старшему едва ли было 15 лет»².

Многие авторы подчеркивали рост киргизского земледелия после вхождения Киргизии в состав России. Одну из причин обращения киргизов к земледелию М. Л. Терентьев, в частности, видел в обеднении киргизов. Лишаясь скота, они переходили к землепашеству и с того времени назывались «игенчи». Таких, по сведениям Терентьева, хозяйств в 1860 г. в Сыр-Дарьинской области было до 8 тыс.³

С этими сведениями перекликаются сообщения Л. Ф. Костенко. Автор сам посетил ряд районов Киргизии, использовал свои материалы и дневники, а также заимствовал⁴ сведения из рукописных и других источников туркестанских

¹ Каразин Н. Н. Повести, рассказы и очерки. СПб., 1874. С. 142.

² Там же. С. 158.

³ Терентьев М. А. Статистические очерки Средне-Азиатской России... С. 11.

⁴ В связи с этим резкое недовольство высказывал в своих письмах к И. В. Мушкетову известный в то время географ Дарваза и Каратегина В. Ошанин, а также составитель отчета Туркестанского генерал-

предшественников и опубликовал свод данных о Средней Азии, в том числе и о хозяйстве киргизов. Класс земледельческих киргизов-игенчи, как пишет Костенко в статье, подготавливавшейся для книги «Средняя Азия», существовал искони и был отверженным классом. Неимущие поневоле должны были заниматься земледелием, «чтобы добыть себе пропитание». Но при первых же благоприятных обстоятельствах, «т. е. чуть обзаводились они хотя незначительным количеством скота, как тотчас же бросали соху»¹.

Специфические условия Средней Азии с ее преимущественно поливным земледелием, по мнению Л. Костенко, обусловили и «общественный вид владения землею», форму, которая появилась вследствие «невозможности оживить землю силами одного человека»². Киргизы, по свидетельству Костенко, при искусственном орошении получают хороший урожай: проса — «сам — 70», пшеницы — «сам — 15». Земледелием они занимаются значительно больше, чем казахи, имеют хорошие пашни в Восточном Прииссыккулье, в Чуйской долине и по р. Талас³. Имеются киргизские поливные пашни и в высокогорной долине, но здесь урожай зерновых значительно ниже: ячменя — «сам — 6», пшеницы — «сам — 4–5»⁴.

Л. Ф. Костенко, посетивший Алай в 1876 г., в основном лишь подтверждает сведения А. П. Федченко о скотоводстве и поголовье скота у киргизов. Однако, сообщая об откочевке киргизов на зиму с Алая, он пишет, что все же многие «оставляют там свой скот при одном или двух пастухах,

губернаторства П. И. Хомутов (Рукоп. фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 503. Мушкетовы И. В. и Д. И., д. 201, л. 1–3).

¹ Костенко Л. Земледельческая производительность Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.

² Там же.

³ Костенко Л. Средняя Азия... С. 47–48.

⁴ Костенко Л. Военно-научная экспедиция на Алай... С. 371.

которые живут в кибитках и наблюдают за стадами»¹. Подобную картину наблюдал осенью 1876 г. при завоевании Алая и М. Д. Скобелев².

Характеризуя киргизское пастбищепользование, Л. Ф. Костенко пишет, что время стоянки киргизов на одном месте — несколько дней и лишь иногда более месяца, что зависит от состояния кормовых трав. По народным обычаям айлам запрещалось вытравливать корм около чужих зимовок. Нарушение обычая влекло за собой споры и взаимную баранту, «потому что обиженная сторона затрудняется в таком случае зимою в пропитании скота и старается отомстить за ущерб»³.

Откочевывая на зимовки с высокогорного Алая в Фергану, киргизы-кочевники выменивали у оседлого населения на скот, шерсть, кошмы и другую продукцию животноводства хлеб, материал — мату, халаты, чалмы, чай и прочие изделия оседло-ремесленного производства⁴. Из киргизских домашних изделий заслуживали внимания войлоки (кошмы), шапки, имеющие вид конуса с отогнутыми кверху полями, и бурки. Чисто женским делом было производство грубой материи из верблюжьей шерсти⁵.

С появлением в Киргизии русских ученых и специалистов начинаются целенаправленные поиски и разработка здесь полезных ископаемых. Сведения о естественно-природных богатствах Тянь-Шаня стали известными в России в первой половине XIX в.⁶ С 60-х годов эти сведения

¹ Костенко Л. Военно-научная экспедиция на Алай... С. 371.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 181.

³ Костенко Л. Туркестанский край... т. 1. С. 340.

⁴ Костенко Л. Военно-научная экспедиция на Алай... С. 373.

⁵ Костенко Л. Средняя Азия... С. 48.

⁶ См.: Плоских В. Ранние известия в России о естественно-природных богатствах Тянь-Шаня (до середины XIX в.). В кн.: Вопросы истории, естествознания и техники в Киргизии. Фрунзе, 1969. С. 47–52.

можно было проверить и приступить к разработке земных недр. Так, уже в отчете начальника Токмакского уезда за 1869 г. сообщалось об обнаружении около Боомского ущелья значительных залежей каменного угля и графита, а также об открытии в отрогах Алатавского хребта по р. Сары-Булак (приток р. Чу) богатых запасов медных и железных руд. При этом обращалось внимание на то, что разработка полезных ископаемых «улучшила бы положение окрестных киргиз»¹. В 1878 г. геологом Попрядухиным с целью прогнозирования каменноугольных запасов было обследовано Боомское ущелье². В 1881 г., опираясь на заявление местных жителей, обнаруживших каменноугольный пласт в районе урочища и речки Тимирлик (между Кара-Балты и Чалдоваром), Попрядухин обследовал и этот район Северной Киргизии³. Правда, оба указанных района оказались малорентабельными и бесперспективными для разработки здесь каменного угля, но начало геологическим планомерным, относительно конечно, изысканиям было положено.

Еще ранее, в 1875 г., в Среднюю Азию на 4 года был командирован профессор Г. Д. Романовский, как он сам писал, «для производства геологических исследований горной полосы Туркестанского края... с тем, чтобы составить описание и геологическую карту этого пространства и руководить буровыми работами»⁴. В 1878 г. им были обследованы северные районы Киргизии, окрестности Исык-Куля. Эти исследования дополнялись работами И. В. Мушкетова. Кроме определения интересных и перспективных в геологическом отношении мест были собраны (особенно

¹ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 12, д. 2, л. 144.

² ЦГА Каз. ССР, ф. 21, оп. 1, д. 414, л. 11–23.

³ Там же. Д. 697, л. 11–13.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 47, д. 540, л. 49–53.

И. В. Мушкетов

И. В. Мушкетовым) отдельные метки и о хозяйстве местного населения.

В книге И. В. Мушкетова освещен широкий круг вопросов. Он старался затронуть не только чисто геологические, но и все иные стороны научного изучения края, в том числе при случае не упускал возможности охарактеризовать и хозяйство киргизов. В связи с этим вполне понятен лестный отзыв на его книгу академика А. Миддендорфа в личном письме (от 13 апреля 1886 г.) И. В. Мушкетову: «Кругозор обширных ваших исследований не оставляет ничего желать»¹.

¹ Рукоп. фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 503, Мушкетовы И. В. и Д. И., д. 187, л. 1.

И. В. Мушкетов посетил Алай, Памир, он побывал и в Центральном Тянь-Шане, в окрестностях оз. Чатыр-Куль, путь к которому проделал в сопровождении двух киргизских «надежных джигитов»¹. «Продольные долины Тянь-Шаня, — писал ученый, — составляют великолепные места для летних кочевьев киргиз... и буквально запружены аулами». Алай, пишет он, «чрезвычайно богат роскошными лугами, питающими тысячи киргиз», по маршруту путешествия встречаются и «немногочисленные посеы киргиз, очень бедных»². Автор упоминает древнюю выработку из иссык-кульского песка металла, из которого делали ножи, гвозди, ломы и проч.³

И. В. Мушкетов осуждает хищническую сущность авантюристов, ринувшихся в новые районы российской окраины. «Нередко приходилось встречать золотопромышленников, — писал он, — которые, захватив на льготных условиях большие площади в луговых долинах с целью разведки золота... занимались главным образом торговлею, скотоводством, эксплуатацией полудиких кочевников и проч., но не золотопромышленностью». Так, перед П. С. Назаровым, ходатайствовавшим о концессии на Памиро-Алае, И. В. Мушкетов поставил условие вести только золоторазработки «и отнюдь не заниматься какими-либо операциями, могущими вредно отзываться на жизни кочевников, особенно в долине Кок-Су Алая, где летом много кочевников»⁴.

¹ Рукоп. фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 503, Мушкетовы И. В. и Д. И., д. 185, л. 1–2.

² *Мушкетов И. В.* Путешествие на Алай и Памир в 1877 году. Собр. соч. Вып. 2; «Записки РГО по общ. геогр.». Т. XXXIX. Вып. 1. СПб., 1892. С. 20–33 и др.

³ *Мушкетов И. В.* О месторождении железных руд, марганцевого и мышьякового колчедана в Туркестанском крае. Собр. соч., 1872–1882 гг. «Записки РГО по общ. геогр.». Т. XXXIX. Вып. 1. СПб., 1910. С. 261.

⁴ *Мушкетов И. В.* Сб. документов. Ташкент, 1960. С. 223.

Подобные высказывания передовых ученых против эксплуатации местного населения в условиях роста российского капитализма «вширь» повисали в воздухе, но тем не менее обращали внимание передовой общественности России на тяжелое положение и нужды простых людей далеких российских окраин.

Известно, что одна из основных задач колониальных властей Туркестана заключалась в приспособлении экономики края для нужд метрополии и колонизации ряда его районов. С этих позиций официальные власти прилагали определенные усилия, во-первых, для изучения существовавших ранее форм и методов экономики, хозяйства, земледелия и землепользования, налоговой системы и, во-вторых, для выработки на этой основе, но с учетом новых условий и российских законоположений по управлению Туркестанским краем.

В начале 60-х годов такая задача была поставлена перед комиссией Ф. Гирса, один из участников которой — А. К. Гейнс, оставил свои заметки и по хозяйству киргизов. Как отмечалось выше, в выработке одного из первых проектов по управлению Туркестаном принимал самое активное участие Н. А. Северцов. В конце 60-х годов над составлением записки по вопросам землевладения и землепользования работали образованные туркестанские чиновники М. Н. Николаев и А. И. Гомзин.

Вопросам земледелия, их изучению в правовом и фактическом отношении уделялось главное внимание. Для этого привлекались ученые-востоковеды. Так, сразу же после присоединения Ферганы востоковеды А. Л. Кун и Н. Н. Пантусов получили задание от генерала Скобелева собрать по возможности все налоговые дефтеры (тетради) Кокандского ханства¹. Несколько позже, 19 марта 1877 г.,

¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 12, 18.

исполняющий дела командующего войсками Ферганской области А. К. Абрамов обратился к А. Л. Куну с просьбой помочь создать специальную библиотеку «по части земледелия и истории Азии»¹. Еще в 1871 г. генерал-губернатором Туркестана К. П. Кауфманом была утверждена программа чтения в закрытом заседании Среднеазиатского ученого общества, в которой отводилось специальное место «сведениям о землевладении»².

Все это свидетельствует о важном значении, придаваемом официальными властями Туркестана аграрному вопросу, как основному, затрагивающему хозяйственную жизнь края.

В 70-х годах появляется работа М. Н. Ростиславова, анализирующая правовые нормы и фактическое положение земельной собственности, землевладения и землепользования в Туркестане³.

Собранные в эти годы материалы позволяют относительно полно осветить вопросы поземельных отношений в крае в момент его присоединения к России и в первые годы после этого. Мы на них специально не останавливаемся, затрагивая их попутно лишь в той мере, в какой они получили освещение в работах русских исследователей в отношении только киргизского землевладения и землепользования.

По наблюдениям А. К. Гейнса и собранным им опросным сведениям, у киргизов земледелием занимались преимущественно бедняки, которые круглогодично жили на пашнях. Право на пахоту имели лишь хозяйства, принимавшие участие в проведении арыков, получая при этом

¹ Архив ЛО ИВ АН СССР, ф. 33, оп. 2, д. 2.

² ЦГА Узб. ССР, ф. и. 591, оп. 1, д. 2, л. 13.

³ *Ростиславов М. Н.* Виды земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Тр. 3-го Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. 1. СПб., 1879. С. 327–359.

участки пропорционально затраченному труду. Гейнс считал, что у киргизов было общинное землевладение. Земледелец имел право передать свой участок другому только «с согласия общества».

Скотоводством занимались все состоятельные киргизские хозяйства. Зимовки были постоянными, на одних и тех же местах, обычно в горных ущельях. Летние пастбища были общие. «При недостатке земель в одном роде, — пишет Гейнс, — нуждающиеся в ней обращаются об отводе земель в другой род и обыкновенно получают отвод»¹. Это, конечно, при наличии определенных излишков пастбищ.

Первые исследователи поземельных отношений местного населения неоднократно подчеркивали наличие государственной собственности на землю и характеризовали государство как верховного собственника всех земель. «Согласно киргизскому обычаю, — отмечается, например, в материалах комиссии А. И. Гомзина, — воды и земли есть собственность государства, которое на правах распоряжения ими не ограничено даже правом пользования подвластного народа»². В то же время исследователи подчеркивали общинный характер землепользования. Так, М. Н. Николаев писал, что «киргизы пользуются для пастбы на летних и зимних кочевках по родам и подразделениям совокупно, следовательно — порядком общинного пользования»³.

П. И. Хомутов, вдумчивый и в общем-то прогрессивно настроенный составитель первого отчета Туркестанского генерал-губернаторства, считал, что до присоединения к России киргизское землевладение определялось родовым устройством кочевых обществ и основывалось на праве

¹ Гейнс А. К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан... С. 420–421.

² ЦГА Узб. ССР, ф, и. 1, оп. 22, д. 3, л. 89–93.

³ ЦГА Узб. ССР, ф, и. 1, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

кочевков и пастбы на традиционных местах. Поэтому пользование пастбищами соизмерялось силою родов и было постоянным предметом споров и столкновений: сильные роды вытесняли слабых, те — слабейших¹.

Пахотные земли, по мнению П. И. Хомутова, являлись общим достоянием, и пользование ими было открыто для всех членов данного рода, желающих заниматься хлебопашеством. Право пользования пахотными землями приобретало частный и личный характер только по соразмерности с трудом, приложенным к земле: устройством оросительной системы, обработкой земли или засадкой деревьями, или застройкой помещениями. Частные права на пользование землей ограничивались обычаем передела полей, обязательным участием в общественных работах по устройству и поддержанию оросительных сооружений, требовали непрерывной обработки участков и утверждались за семьями игенчей (земледельцев, работников, пахарей) наследственными и народными обычаями. Причем прежде могли подлежать продаже (и то, отмечает Хомутов, в исключительных случаях) только застройки и засаженные деревьями участки, как личное недвижимое имущество продавцов².

П. И. Хомутов указывает, что в 1868—1869 гг. были собраны более или менее подробные сведения о зимних и летних пастбищах киргизов по организованным уездам, о степени их занятия хлебопашеством, о количестве запашек и численности скота, характере промыслов, но в отчет эти сведения не вошли³. Автор приводит лишь сводную таблицу о количестве скота у киргизов по Иссык-Кульскому

¹ Хомутов П. И. Проект всеподданнейшего отчета... С. 223—225.

² Там же. С. 224—227.

³ Там же. С. 57. Эти сведения до сих пор еще ждут своего исследования в архивохранилищах.

и Токмакскому уездам до 1879 г., причем делает оговорку, что сведения существенно занижены, так как основаны на опросных данных самого населения¹.

В получившей широкую известность книге академика Д. Ф. Миддендорфа о Ферганской долине характеризуется хозяйство как кочевого, так и оседлого населения. Значительная часть посещенных киргизов, писал ученый, находится в бедственном положении. На основании данных начальника Наманганского уезда за 1877 г. Миддендорф иллюстрирует экономическую бедность киргизов родов ктай и кутлук-сеид. Они занимались скотоводством, каждое хозяйство имело в среднем по 1 верблюду, не более 3 лошадей, 2 голов крупного рогатого скота и около 20 овец. Автор тут же подчеркивает, что действительность не соответствует этому среднему показателю; отдельные хозяйства имеют по 2–3 верблюда, до 36 лошадей, до 12 голов крупного рогатого скота и до 360 голов овец, в то время как большинство владеет лишь одной лошастью и вовсе не имеет рогатого скота и овец.

Знакомство А. Ф. Миддендорфа с хозяйственной жизнью кочевого населения приводит его к выводу, что «у большинства кочевническое хозяйство положительно приходит к концу... Это жизнь на закате»². Вывод из создавшегося положения автор видит в необходимости перехода кочевников к оседлости и обращению к земледелию. Из общего количества хозяйств, по его наблюдениям, 3/5 тяготеют к переходу в земледельческие. Но переходу, всегда трудному, пишет Миддендорф, должны быть оказаны содействие и поддержка. Стихийное же обращение киргизов к земледелию совершается через еще большую эксплуатацию бедноты — «богатые властители из числа самих киргизов

¹ Хомутов П. И. Проект всеподданнейшего отчета... С. 273–274.

² Миддендорф А. Очерки Ферганской долины... С. 350.

(манап) обрабатывают почву руками совершенно обедневших людей (игенчи), которые работают почти только за один хлеб». Только давление нужды, считает, он, заставляет свободного кочевника обращаться к землепашеству. Однако именно в этом ученый-естествоиспытатель и видит неумолимый закон естественного прогресса. Поучительно, что термин «игенчи», о котором Г. С. Загряжский в 1869 г. говорил, что он означает понятие «наемный работник», примерно через 10 лет стал обозначать уже, по определению А. Ф. Миддендорфа, и понятие «бедняк» и вместе с тем — «земледелец»¹.

Наиболее бедные из отдельных южнокиргизских родов: нойгут, найман, конглы, бостон и другие, по сведениям Миддендорфа, занимались обжигом леса на уголь и продажей его на рынках Маргелана и Коканда. Так, ими ежегодно вывозились 1500 арб и 14000 верблюжьих вьюков угля и 1700 вьюков досок². Но в целом автор считает, что торговлю в Фергане, как до, так и после ее присоединения к России, почти исключительно монополизировали узбеки³.

У Миддендорфа есть интересные замечания об общинном характере землевладения и землепользования. «Пастбищный район принадлежит всему племени или орде», — пишет он, не усматривая, однако, во внешней форме коллективного владения сущности классового феодального землевладения. Что же касается землепользования киргизов, то здесь ученый ближе к истине: «...хозяйство кочевников начинается на общинных землях, на них же отдельные номады переходят к земледелию, захватывая участки земли в личное пользование на тот срок, пока продолжается

¹ Миддендорф А. Очерки Ферганской долины... С. 350.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 350.

возделывание на них хлебов». При необходимости устройства ирригационной системы для орошаемого земледелия сеть возводится усилиями всего общества и только после этого начинается разделение попадающего в сферу орошения земельного массива «на частные, интенсивно обрабатываемые участки, которые, следовательно, поступают в прочное личное владение»¹. Наряду с этим первоначальным завладением, подчеркивает автор, существует круговая порука в уплате податей, а вместе с тем и право общины при определенных условиях отбирать земельные участки².

Миддендорф много внимания в книге уделяет вопросам влияния естественных условий на хозяйство, высказывается за научное исследование сельского хозяйства и ирригации.

Экспедиция Миддендорфа и его исследования были направлены на изыскание основ экономического освоения вновь присоединенного края растущей русской буржуазией. И книга полностью отвечала этим требованиям. В то же время ученый предостерегал против неосторожной колонизации края: «...чрезмерно важно, чтобы переселение было организовано на основании самого точного знакомства с природою страны и потребностями кочевников, уже давно занявших известные земли... необходимо, чтобы переселение приводилось в исполнение с наибольшею осмотрительностью и спокойствием». На практике же нередко получалось, как сетует автор, что сплошь и рядом занимались земли, которыми киргизы пользовались и которые им были жизненно необходимы³.

Книга содержала много чисто научных положений и рекомендаций в области хозяйственного развития Ферганы

¹ Миддендорф А. Очерки Ферганской долины... С. 466.

² Там же. С. 464.

³ Там же. С. 343.

и содействовала развертыванию на юге дальнейших изыскательных и статистических работ, начавшихся в 80-х годах прошлого столетия.

Беглые зарисовки хозяйства алайских и особенно памирских киргизов оставил известный исследователь Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло. «Я мечтал, — вспоминает он, — посвятить Памиру труд, подобный тому, какой был мною выполнен по отношению к Западной Монголии и Урянхайскому краю, но этому предположению не суждено было осуществиться по многим причинам, между прочим же вследствие утраты большей части моих памирских записей»¹. Однако часть материала им была опубликована в 1886 г., другая часть, о путешествии на Памир 1887 г., воспроизведена по немногим уцелевшим записям лишь в 1933 г. По его словам, «в настоящее время эти записи имеют лишь историческое значение»², с чем нельзя не согласиться.

Наблюдательный ученый отметил, что у киргизов по численности голов превалируют овцы, затем идут козы. Интересно его замечание, что яки начинают вытеснять все другие виды скота³, хотя, как известно, яководство так и не стало ведущей отраслью хозяйства у алайских киргизов. Грум-Гржимайло подчеркивает большую роль женского труда в хозяйстве. Вся работа по сборам на перекочевку: снятие и постановка юрт, навьючивание лошадей и верблюдов и т. п. — лежала на женщинах. Вслед за другими исследователями автор, как внимательный наблюдатель, подчеркивает постоянство кочевания киргизов: каждого рода в определенный и всем известный район⁴.

¹ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 1.

² Там же. Л. 20.

³ *Грум-Гржимайло Г. Е.* Очерк Припамирских стран. «Известия РГО», т. XXII. 1886. СПб., 1887. С. 97.

⁴ Там же.

Грум-Гржимайло поражает удивительная бедность памирских киргизов даже по сравнению с окружающим населением, и он пишет: «Питание их было недостаточным. Хлеб они получали из Шугнана и Вахана, притом только осенью и далеко, конечно, не все; мяса в пищу, при бедности их скотом, они также почти не употребляли, довольствовались же почти исключительно молочными продуктами»¹.

Хозяйственное состояние памирских киргизов Г. Е. Грум-Гржимайло проиллюстрировано черновой таблицей, хранящейся в архиве Географического общества². Сейчас довольно сложно реконструировать таблицу из-за неточностей в названиях, да и носит она фрагментный характер.

Тем не менее, можно заключить, что основным занятием киргизов, кочевавших в окрестностях озер Рянг-Куль, Малый Кара-Куль, по рекам Чечекты, Кудара и другим было овцеводство. Если в отдельных родах поголовье овец колебалось в пределах 7 тысяч — 750 голов, то амплитуда колебания поголовья лошадей была 200—3. Были такие айлы, что на 20 хозяйств имели всего лишь 3 лошади (в котловине оз. Рянг-Куль), у 30 хозяйств, кочевавших по южному побережью оз. Малый Кара-Куль, имелось всего лишь 15 лошадей и 15 яков. Если к тому же принять во внимание, что данные показатели не отражают классовую дифференциацию, то можно представить, в какой степени нужды находились беднейшие хозяйства кочевников, которые в силу суровых географических условий не могли даже обратиться к земледелию в качестве подспорного занятия.

Сведения, приводимые известным ученым-путешественником, имеют существенный интерес в связи с тем, что

¹ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 21.

² Там же. Л. 20.

вообще мало известий того периода о припамирских киргизах. Отделенные от соседей высочайшими горными хребтами, вынужденные жить и заниматься скотоводством в трудных условиях высокогорья, памирские киргизы представляли собой обособленную группу, наименее изученную по сравнению со всеми остальными южными киргизами, обладающую специфическими особенностями в историческом развитии, быту, хозяйственной жизни.

Ученый обращает внимание не только на ничтожно малую плотность населения Памира, но и, как уже говорилось, на удивительную его бедность. По его подсчетам, на одну квадратную милю приходится немногим более 3 человек, 1 лошадь, 1 или немногим более 1 яка, от 15 до 20 голов мелкого рогатого скота¹. Грум-Гржимайло склонен считать причиной такой бедности населения, кроме суровых климатических условий, отсутствие каких-либо промыслов². Все, в чем киргизы нуждаются, они приобретают в обмен на скот, которого и так было более чем в обрез.

Следует, однако, отметить, что тезис о полном отсутствии промыслов у киргизов Памира не подтверждают другие исследователи. Грум-Гржимайло, по-видимому, имел в виду широко развитые промыслы и ремесла, не принимал во внимание домашние промыслы, которые в основном и удовлетворяли неприхотливые внутренние потребности кочевников-скотоводов.

Побывавший несколько ранее (в 1884 г.) на Памире геолог Д. Л. Иванов также отмечает разительную бедность и преимущественно скотоводческую направленность хозяйства киргизов, объясняя это естественно-географическими условиями. «Так как природа, среди которой памирские киргизы поселились, весьма бедная, ничего им не дающая,

¹ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 5, л. 2–3.

² Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 21.

то вместе с исторической их жизнью весьма естественно сложился и тип памирца-кочевника, т. е. кочевника бедняка исключительно»¹. Покупая хлеб в Шугнанае, лошадей — в Фергане, они разводили преимущественно баранов и яков (кутасов). Но происшедший за два года до этого (т. е. примерно в 1882 г.) падеж скота от чумы почти уничтожил и это богатство киргизов². Вот почему Грум-Гржимайло и наблюдал сравнительно малое количество яков у киргизов Памира в 1887 г.

У Д. Л. Иванова мы встречаем новую деталь, дополнительную хозяйственную характеристику памирских киргизов, данную Грум-Гржимайло и опровергавшую его сообщение об отсутствии у киргизов промыслов. Д. Л. Иванов, во-первых, говорит о добыче на продажу киргизами соли, во-вторых, о периодически направлявшихся из Кашгара и главным образом Ферганы на Памир «савдагаров» — торговцев, везущих халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и прочую мелочь, которую обменивают у памирских киргизов не только на скот, масло, но и на шкуры (надо полагать частично выделанные), а также кошмы (предметы ремесла и домашних промыслов)³.

Таким образом, воссоздается более полная картина хозяйственной жизни киргиза-кочевника высокогорного Памира, который наряду со скотоводством занимался обработкой скотоводческого сырья — выделкой кож, производством кошм, а также добычей соли и т. д.

Отдельные, но несомненно ценные, штрихи о хозяйстве киргизов содержатся в работах В. П. Наливкина, ряд из которых написан в соавторстве с женой. Супруги Наливкины

¹ *Иванов Д. Л.* Орографический очерк Памира. Апрель 1884 г. (Стенографический отчет на заседании РГО). Архив ГО СССР, ф. 65, оп. 1, д. 46, л. 56.

² Там же.

³ Там же. Л. 56—57.

были хорошо знакомы с бытом и хозяйством местного населения. Они считали, что киргизское население предгорной Ферганы правильнее называть не кочевым, а полукочевым, ибо летом айлы выходят из года в год на одни и те же горные пастбища и имеют зимовки с постоянными запашками¹.

В. П. Наливкин высказал мысль, что прежде, например, у кочевников Ферганы (автор называет их то узбеками, то киргизами) было обширное землевладение. Но одно время кокандский хан Омар, желая обогатить свою казну, приказал начать распродажу земель, завоеванных у кочевников. В результате в общинном владении на прежних правах остались лишь горные пастбища, а пашни оказались распроданными и закрепленными за частными собственниками. «Этим, — пишет В. П. Наливкин, — был нанесен тяжелый удар по общинному владению землей между здешними киргизами»².

В другой работе Наливкины подтверждают, что с годами у киргизов остались лишь одни горные земли, и они «принимаются за хлебопашество только при самых крутых обстоятельствах»³. Киргизы со временем все больше и больше переходят к земледелию. «В настоящее время, — замечает В. П. Наливкин, — между киргизами Ферганской области не имеют посевов те только бедняки, которые не успели приобрести частной поземельной собственности в виде возделанных и искусственно орошенных полей»⁴. На их долю оставалось идти в услужение или, в лучшем случае, арендовать пашню у землевладельцев. Временных, однолетних земледельческих рабочих называли

¹ *Наливкин В. и Наливкина М.* Очерк быта женщины... С. 15.

² *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... С. 37.

³ *Наливкин В. и Наливкина М.* Очерк быта женщины... С. 184.

⁴ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства... С. 39.

чайрикерами, или кошчи, более или менее долгосрочных арендаторов — каранда¹.

В 80-х годах XIX в. по программе В. П. Наливкина А. Н. Вышнегорским был собран обширный материал о юридическом быте киргизов, в том числе о правах на земли и о порядках землепользования кочевников. Как бы подтверждая материалы М. Н. Николаева, П. И. Хомутова, А. Н. Вышнегорский на основе изучения обычного права (он провел за сбором материалов в степи семь месяцев, к тому же использовал материалы, предоставленные ему в Аулие-Ата В. А. Каллауром)² пришел к выводу, что у киргизов до присоединения к России не было личной земельной собственности. Земля «принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился или ее обрабатывал»³. Пастбища занимались на правах потомственного пользования, причем кочевали с древности по обычаям. Кочевали общества одного рода по определенно выработанным маршрутам, когда «каждый род имеет определенные места летних (джайляу) и осенних (куздяу) кочевок»⁴. Однако, по признанию Вышнегорского, такой порядок поземельного пользования привел к неравномерному распределению пастбищ, и они «находятся в руках зажиточных людей, у которых бедные состоят работниками»⁵. Чужие летовки по обычаю никто не имел права занимать, но мог получить на это разрешение. Во время пастьбы скота одного рода на землях другого с пришедших получали курбаши, т. е. плату с каждого табуна в 600 голов по 1 барану⁶.

¹ *Наливкин В. и Наливкина М.* Очерк быта женщины... С. 19–20.

² Архив ГО СССР, ф. 30, оп. 11, д. 52, л. 40.

³ *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской... С. 102.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Там же. С. 111.

А. Н. Вышнегорский, со слов киргизского информатора Курпетая Даулеткулова, приводит описание перекочевков. Кочевали киргизы группами. Места для перекочевков определяли особые разведчики, вожаки кочующих обществ. Выбор мест стоянок и расположение аилов и юрт определялись богатыми, но без принуждения. Каждый хозяин был волен перекочевывать или останавливаться по собственной инициативе. Летом юрты обычно стоят друг от друга довольно далеко, а зимою более скученно, но особенно близко их не располагали из-за недостатка травы, воды и также, чтобы не смешивать скот¹. В книге описываются обряды киргизов при перекочевке; домусулыманский обычай жертвоприношения и церемониал отгона злых духов, веками сохранявшиеся в кочевом быте².

Материалы Вышнегорского подтверждают тот факт, что киргизы широко занимались земледелием. Пашни принадлежали киргизам пока их обрабатывали. При переходе на новое место участки бросались и, по словам информаторов, «кто их займет, того собственностью они становятся»³.

При орошаемом земледелии большое значение имели арыки. У киргизов арыки и колодцы, сообщает Вышнегорский, принадлежали тем, кто вырыл их «с заклинанием животного». И хотя другие могли углублять и подправлять их, засаживать участки деревьями и занимать постройками, первый хозяин — владелец арыка — имел право требовать как их сноса, так и выкупа. По обычаям «проведший арык и оросивший им известное пространство земли получает право на пользование этою землею. При этом обыкновенно арык называется его именем»⁴.

¹ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской... С. 110–111.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 104–105.

А. Н. Вышнегорский, видимо, впервые указывает на наличие у киргизов хашара — рода помощи, когда на какую-либо постройку, полевые и прочие работы на один день приглашались одноаильцы. Устроитель обычно обеспечивал пришедших питанием. Являясь на хашар добровольно, однако «к бедным, которые плохо угощают, не идут», — пишет Вышнегорский¹. Таким образом, вырисовывается своеобразная социальная особенность хашара — односторонняя «помощь», преимущественно богатым.

Эпизодические обращения русских исследователей к освещению хозяйства местного населения, рассмотрению фактического положения землевладения и землепользования и существующих юридических норм сменяются в конце XIX в. широким статистическим обследованием хозяйств местного кочевого (скотоводческого) и оседло-земледельческого населения. Начатое в 90-х годах, оно затянулось до второго десятилетия XX в., и дало последующим исследователям богатейший фактический материал о хозяйстве, земельных отношениях и налоговом обложении населения. Проводились эти обследования большими коллективами чиновников поземельно-податных комитетов, результаты были изданы в серии трудов².

¹ *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области... С. 117.

² Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. I–V, 1872–1879; Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. I–V, 1897–1910; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды), 1915; Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Андижанский уезд. 1913; То же. Наманганский уезд, 1913; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. V, ч. 1; т. VI, ч. 2; т. VII, вып. I; т. VIII, вып. 1, 1914–1916. Подобного же характера материалы содержит многотомный отчет с приложениями

В эти же годы в работах путешественников и ученых, посетивших Киргизию, встречаются отдельные упоминания о хозяйстве киргизов, но, как правило, они ничем не дополняют уже ранее известные сведения. Таковы, например, сообщения И. П. Минаева об алайских кочевых киргизах¹, Г. Котельникова о киргизских пашнях и кочевках на Алае², Е. Маркова об орошаемом земледелии у киргизов Ферганы и общинном землевладении у них³ и опять-таки о хозяйстве киргизов Алая — А. Волконского⁴ и др.

В материалах русских ученых редко говорится о разведении киргизами верблюдов, тогда как о киргизских верблюдах, набираемых в торговые караваны, упоминается как в дорожниках купцов первой половины XIX в., так и в работах более поздних путешественников. В частности, конкретно об этом рассказывает и знаменитый русский путешественник по Центральной Азии Николай Михайлович Пржевальский. В последнем, только начатом, но так и не оконченном дневнике он дважды пишет о купле у киргизов верблюдов. «Платили за хорошего 60 рублей, за отличного — 70... куплено уже 39...»⁵. По дороге из Верного в Пишпек киргизы для продажи Пржевальскому

по ревизии Палена: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором офмейстером графом К. К. Паленом. СПб., 1910—1911.

¹ Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. С. 198—200.

² Котельников В. Г. Ферганская область. В кн.: Живописная Россия, т. X. Русская Средняя Азия. СПб., 1885. С. 214—216.

³ Марков Е. Фергана. «Русский вестник», 1893, № 9. С. 17—18. № 11. С. 18—19.

⁴ Волконский А. От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки. «Вестник Европы», 1894, № 7. С. 133.

⁵ Архив ГО СССР, ф. 13, оп. 1, д. 74, л. 6—7. Дневник опубликован в «Известиях РГО», т. 72. вып. 4—5. М.;Л., 1940. С. 638—640.

выставили 500 верблюдов, но он отобрал в экспедицию только 7. Остальные не подходили по качеству. Следовательно, в основном верблюды имели только местный спрос.

Движимые благородным порывом спутники Пржевальского — Козлов и Роборовский — в память о своем известном товарище выступили инициаторами организации музея имени Пржевальского в городе Караколе. В нем предполагалось собрать образцы не только флоры и фауны Киргизии, «а равно и тех отраслей производства», которые могут быть полезны для местного населения¹.

Бесспорно, велико было влияние на киргизское хозяйство деятельности переселенцев из России. В качестве примера можно привести самоотверженный труд пишпекского ученого-садовода А. М. Фетисова². Его сад в Пишпекке снабжал саженцами все окрестные деревни, волости и кыштаки. С 1890 г. А. М. Фетисов прилагает усилия «к увеличению молочности местной породы рогатого скота»³.

В заключение коснемся вопроса об оседании кочевников и переходе их к земледелию. Судя по всему, этот процесс несколько ускорился уже в конце 70–80-х годов под воздействием переселенческих хозяйств, причем занятие земледелием перестало быть только уделом бедноты. Хлебопашество получает все большее признание и в более состоятельных, прежде чисто кочевых хозяйствах. Так, А. М. Фетисов после поездки по Тянь-Шаню отмечал: «Прежде у киргизов хлебопашество считалось не соответственным быту номада, а занимались этим делом только бедные киргизы, потерявшие по воле судьбы весь скот, но в настоящее время почти все без исключения киргизы,

¹ Архив ГО СССР, ф. 13, оп. 1, д. 126, л. 6.

² См.: Галицкий В. Я., Умурзаков С. У. Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии... С. 21–34.

³ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 3, д. 54, л. 12.

независимо от скотоводства и перекочевков, занимаются хлебопашеством»¹.

Но к оседлости тяготели главным образом бедняцкие хозяйства, для которых земледелие являлось основным средством производства, главным занятием. В начале 90-х годов появляется несколько статей семиреченского чиновника О. А. Шкапского, посвященных переходу бывших скотоводов-кочевников к оседлому земледелию. В одной из них автор на примере киргизского селения Таш-Тюбе показывает общую тягу киргизской бедноты, особенно разоряющихся кочевников, к оседлой жизни и к занятию земледелием². В другой статье О. А. Шкапский подчеркивал, что «киргизы увеличивают свое земледельческое хозяйство, с каждым годом большее их число оседает на землю»³. В переходе к оседлости Шкапский видел и стремление рядового киргиза освободиться от гнета своих манапов⁴. Даже еще в конце XIX — начале XX вв., пишет Шкапский, «манапы по-прежнему смотрят на себя как на единственных собственников всего, что принадлежит букаре»⁵. Не являлось исключением и главное средство производства — земля. Поэтому, по мнению автора, именно

¹ Фетисов А. М. Экскурсия в За-Нарынские горы в 1878 г. «Туркестанские ведомости», 1881, №37.

² Шкапский О. А. Киргизы-крестьяне... С. 765—778.

³ Шкапский О. А. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. «Вопросы колонизации», 1907, № 1. С. 44.

⁴ Эта точка зрения, подкрепленная фактами из жизни и судебной практики киргизов Сокулукской волости, проводится и в специальной записке одного из чиновников, отданной сенатору Палену, ревизовавшему край 1909 г. Автор прямо писал, что одной из причин ходатайства киргизов о переводе их в оседлое состояние, есть желание «освободиться от гнета народного суда и манапов (знатных киргиз), самовольно облагающих кочевников особым сбором..., достигающим размера до 10 руб. с кибитки... ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 393, л. 1.

⁵ Шкапский О. А. Киргизы-крестьяне... С. 775.

манапство являлось главным тормозом «к культурному прогрессу киргизов»¹, а земельное устройство киргизов, проводимое царскими чиновниками по принятому колониальному законодательству, и обращение киргизов к оседлому земледелию было, по «смелой» мысли либерально настроенного О. А. Шкапского, главным путем к освобождению киргизских народных масс от эксплуатации манапов. Уже настало время, патетически восклицал автор, когда «букара начинает поднимать свою голову и разгибать согбенную выю и пытаться сбросить манапское иго»².

Стоит ли доказывать, однако, что фактический путь к хозяйственно-экономическому развитию края, к ликвидации социального неравенства, лежал, конечно, не через законодательное переустройство царскими властями существовавшего общества, а через очистительный поток бурного 1917 года, который был уже не за горами.

Рассмотрение сведений русских исследователей о хозяйстве киргизов после вхождения их в состав России показывает, что несмотря на то, что скотоводство оставалось одним из главных хозяйственных занятий киргизов, в их экономике все более прогрессирующую роль играло земледелие. Мнение некоторых современных историков о том, что Бардашев, Загряжский, Костенко и другие изображают киргизов как якобы чисто кочевой народ, у которого скот был главным и единственным богатством, при конкретном анализе сведений этих авторов не подтверждается. Как правило, они не преуменьшали, а, наоборот, подчеркивали большое значение земледелия в хозяйстве киргизов.

Актуальный при колониальном земельном переустройстве населения вопрос о формах собственности, землевладения

¹ *Шкапский О. А.* Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос... С.32–44.

² *Шкапский О. А.* Киргизы-крестьяне... С. 776.

и землепользования был одним из центральных в трудах исследователей 60–70-х годов. Но предложения и попытки наметить пути его конкретного решения отражали в первую очередь политические взгляды и симпатии авторов, мало способствуя действительному его разрешению. Одни одобряли государственную форму собственности на землю, общинное землевладение и землепользование местного населения и стояли за их сохранение в статьях «Положения об управлении Туркестанским краем», другие доказывали извечность здесь частной земельной собственности, настаивали на ее введении в новых законах и тем самым на ускорении капиталистического развития края и т. д.

В целом же исследователями того времени был собран обширный фактический материал, который может служить хорошей источниковедческой базой при изучении хозяйства и аграрных отношений местного населения.

Публикуется по изданию:

В. М. Плоских. Русские исследователи об экономике киргизов // Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе: Илим, 1973.

ИЗВЕСТИЯ РУССКИХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII в. — 70-Х ГОДОВ XIX в.

Важными источниками по истории Киргизии позднего средневековья являются материалы (записки, отчеты, дневники и мемуары) русских ученых и путешественников, которые были пионерами в распространении сведений о киргизах и их крае в России и в Европе. Их научное наследие сохранялось в различных архивах нашей страны, причем основная часть была опубликована во второй половине XIX— начале XX в. в изданиях Русского географического (РГО) и других научных обществ и их отделений в Туркестане, большей частью в периодических изданиях Петербурга, Москвы, Оренбурга и Омска, а также Ташкента.

В связи с определенной отсталостью исторического развития Киргизстана в XVIII — середине XIX в., общественно-экономический строй которого характеризовался патриархально-феодальными отношениями (см.: История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 526—554), рассматриваемый период его истории можно условно отнести к позднему средневековью.

Не утратив во многом своего научного значения, эти материалы составляют одну из прочных источниковых баз для современного исторического киргизоведения. Источниковедческий анализ известий ученых и путешественников России о киргизах и Киргизстане способствует уяснению процесса накопления фактических сведений по истории этого горного края, установлению соизмеримости научных заслуг отдельных исследований и определению значимости их информации для историографии. Такая работа

над источниками также помогает выявить неполноту и неточности некоторых данных, субъективизм тех или иных авторов в оценках исторических событий и явлений, идеалистический подход к истолкованию сущности местного исторического процесса, а подчас и искажения исторической роли и судеб киргизов на Тянь-Шане и в сопредельных регионах в концепциях представителей дворянско-буржуазного востоковедения. Изучение этих источников позволяет глубже осветить истоки постепенно складывавшихся киргизско-русских контактов до вхождения Киргизии в состав России, дружественное общение коренных жителей края с русскими людьми, в частности, с путешественниками, которые, как правило, благожелательно относились к местному населению и проявляли глубокий интерес и уважение к его истории и культуре, быту, нравам и традициям. К наследию русских ученых и путешественников уже обращались историки Киргизии¹, но в своей совокупности и в источниковедческом аспекте оно до сих пор специально не рассматривалось.

В России тяньшаньские киргизы были «ведомы и слышимы» задолго до первых контактов русских людей с ними². На накоплении востоковедческих знаний в стране благотворно сказались петровские пытливые поиски нового.

¹ Изучению их трудов посвящены в первую очередь работы: *Кадыров Ш.* Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века. Фрунзе, 1961; см. также: Шерстобитов В. П. и др. Очерки истории исторической науки Киргизстана. Фрунзе, 1961; *Плоских В. М.* Сведения о киргизах в русских источниках XVIII века // Изв. АН Киргизской ССР. 1967. № 3; *Галицкий В. Я., Абышкаев А. Ш., Плоских В. М., Айтмамбетов Д. О.* Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1972; и др.

² В документах начала XVII в. из ЦГАДА (ф. Сибирского приказа) и АВПР (ф. Зюнгарские дела) они фигурируют под различными названиями, известными их соседям, в том числе как «алатавские киргизы» и буруты.

Собиравшаяся по указанию Петра историко-географическая информация о сопредельных и отдаленных странах и народах Средней и Центральной Азии использовалась для внешнеполитических сношений и дипломатической практики Российского государства.

У самых истоков отечественного киргизоведения стояли петровские дипломаты Флорио Беневени и Иван Унковский. Первый — «секретарь ориентальной экспедиции» — был направлен через Кавказ в Бухару в 1817 г. В Россию он возвратился лишь в 1825 г. с ценной информацией о странах и народах, живущих по Амударье и в сопредельных областях. В одной из своих секретных «цифрных реляций» от 10 марта 1722 г. он доносил Петру I о феодальных раздорах в среднеазиатских землях, упоминаемая в числе местных народов узбеков (хивинских, бухарских и ташкентских), каракалпаков и казахов, а также собственно киргизов («киргисы»)¹. Причем следует особо подчеркнуть, что киргизов он правильно назвал их этническим самоназванием.

Более подробные известия о киргизах появились год спустя в путевом журнале «царева посла» капитана артиллерии И. С. Унковского к джунгарскому (ойратскому) правителю хун-тайджи Цэван-Рабтану. С его ставкой (ургой) Унковский кочевал в мае—июне 1723 г. по Восточному Прииссыккулю и Илийскому краю. В отличие от своего предшественника, И. Унковский привел и некоторые конкретные сведения об иссыккульских киргизах (названных в его журнале «бурутами»), пять тысяч «кибиток» которых могли выставить до трех тысяч войска «доброго»². Источниковедческий анализ дневниковых записей

¹ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718—1725 годах. М., 1986. С. 75.

² Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы:

²¹ Том VII. В. М. Плоских

И. Унковского о киргизах и составленной его спутником «геодезии учеником» И. Путиловым карты «контайшинных владений» — подвластных джунгарскому хун-тайджи земель и народов — позволяет высказать предположение о том, что в первой четверти XVIII в. по крайней мере часть северных киргизов не признавала власти джунгар. Сведения И. Унковского в значительной степени ослабляют, если не опровергают совсем, утвердившееся в исторической литературе мнение¹ о вынужденном полном переселении киргизов под натиском джунгар из Семиречья в Фергану и сопредельные области.

Названные отечественные дипломаты не предназначали для печати свои записи, которые так и остались надолго в рукописи достоянием ведомственных архивов. В научный оборот они введены лишь во второй половине XIX в. в публикациях А. Н. Попова и Н. И. Веселовского². Значение этих записок в том, что с них началось накопление сведений о киргизах и киргизском крае в России.

У истоков научного дореволюционного киргизоведения стоял оренбургский ученый-энциклопедист, впоследствии член-корреспондент Петербургской Академии наук Петр Иванович Рычков³ (1712—1777 гг.), приведший еще

Документы, изданные с предисл. и прим. Н. И. Веселовского // Зап. РГО по отд. этногр. Т. 10. Вып. 2. СПб., 1887. С. 187.

¹ См.: Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Соч. Т. 2. Ч. I. М., 1963. С. 527.

² Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом // Зап. РГО. Кн. 10 СПб., 1853; также см. предисл. и прим. Н. И. Веселовского к публикации дневниковых записей И. Унковского.

³ П. И. Рычкову и его трудам об экономике, истории и этнографии Оренбуржья посвящена значительная литература, изданная до революции и в советский период. Краткую характеристику его как крупного для своего времени историка — собирателя фактического материала о казахах и их соседях, в том числе киргизах, см.: Махашев Ж. Начальный этап присоединения Казахстана к России в исторической

П. И. Рычков

в середине XVIII в. в своих сочинениях первую общую характеристику Тянь-шаньских киргизов. По просьбе его бывшего начальника так называемой Оренбургской экспедиции, известного государственного деятеля и историка — Василия Никитича Татищева (1686—1750 гг.) П. И. Рычков направил ему свое рукописное «Рассмотрение об имени татар». После переработки автором по замечаниям В. Н. Татищева оно превратилось в оригинальную энциклопедического характера статью под пространным названием «Краткое

литературе XVIII в. // Изв. АН КазССР. Сер. общ. наук. 1979. № 1. С. 35—37; *Ерофеева И. В.* Казахстан второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников: Автореф. дис... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1979. С. 10; и др.

известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге ис [из] книг турецких и персидских, а по скаскам [сказкам] бывалых в тех местах людей, и рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах *Описания*» (1749 г.)¹. Рычковская рукопись так и не была целиком опубликована. Но извлечения из нее о киргизах и других тюркских народах публиковались в многотомной «Истории Российской» В. Н. Татищева² и в капитальном страноведческом труде самого П. И. Рычкова — «Топография Оренбургская»³. В названной рукописи, а затем в книге П. И. Рычкова приводились данные о численности и расселении тянь-шаньских киргизов, их отличиях от казахов и взаимоотношениях с соседями⁴. «Алатай-киргизы народ кочевой и сильной, за Ташкентом, от Большой Кайсацкой орды расстоянии в пяти или шести днях, кочует около городов Ходжента, Найматана, Марталана в горах каменистых и неприступных, — писал П. И. Рычков. — Они именуются Ала-Тау (отколь сей народ и звание имеет)

¹ Рукопись хранится в архиве ЛО АН СССР (ф. II, оп. I, д. 126). Ее выявил и впервые сведения о киргизах из нее опубликовал и прокомментировал Л. А. Шейман. См.: Лит. Киргизстан. 1959. № 2; *Он же*. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1961.

² *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен, через тридцать лет собранная и описанная покойным Тайным советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым. Кн. I. Ч. I. М., 1768.

³ См.: Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспонденте и Петром Рычковым. Ч. I. СПб., 1762.

⁴ О коренных «киргизцах» — обитателях гор Ала-Тоо, народе, отличном от казахов (киргиз-кайсаков) — упоминается также в «Дневных записях путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степе, в 1771 году» (СПб., 1772). Н. Рычков был сыном П. И. Рычкова.

и суть между Зюнгарского владения и реки Сыр-Дарьи называемо при урочищах Бахалжи и Куркур. Их некоторая часть состоит под зюнгарами, а протчие — особо, которые часто воюют с зюнгарскими калмыками. Избирается их на войну от двадцати до тридцати тысяч человек»¹. Многие десятилетия эти сведения о киргизах были единственными и лежали в основе знания о далеких тьянь-шаньских народах в России. Эти представления несколько пополнились в результате путешествий по Казахстану и Сибири участников двух комплексных академических экспедиций 1768—1774 гг., а также частичной публикации их трудов². Речь идет о рукописях и изданиях работ П. С. Палласа, И. П. Фалька, Х. Барданеса, И. Г. Георги, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, которые содержат ценные историко-этнографические сведения о Казахстане и соседских регионах во второй половине XVIII в.³ Некоторые их данные представляют определенный интерес для изучения истории киргизов XVIII в. и предшествующего времени, а также сложнейшей проблемы этногенеза и позднесредневековой истории киргизов⁴.

Сведения П. И. Рычкова о населении Южной Киргизии отчасти были уточнены и детализированы благодаря

¹ Архив АН СССР, разр. П, оп. I, д. 126, л. 9.

² См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.; Л., 1931; Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1874; Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопримечательностей. Ч. 2. СПб., 1776.

³ Ерофеева И. В. Вопросы истории Казахстана второй половины XVIII века в трудах участников академических экспедиций 1768—1774 гг. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ, наук. 1979. № 1. С. 29—34.

⁴ См.: Джемгерчинов М. К изучению Киргизии XVI—XVIII вв. // Тр. Киргосуниверситета. Сер. обществ, наук. Вып. X. Фрунзе, 1967. С. 4; и др.

описанию невольных странствований по Средней Азии, Кашгарии и другим странам российского унтер-офицера Филиппа Сергеевича Ефремова, который был захвачен в плен казаками и пробыл в Кокандском ханстве много лет¹.

По возвращении из девятилетнего (1774—1782 гг.) странствования на родину Ф. Ефремов издал увлекательные записки, в которых несколько скупых строк отвел и киргизам. Судя по всему, Ф. Ефремов прошел через территорию Южной Киргизии, где побывал в городе Оше и на Терек-Даванском перевале по дороге в Восточный Туркестан. Из его книги видно, что киргизы в конце XVIII в. были фактически еще независимы, ибо Коканд, которому хотя и удалось уже захватить Ош с округою, был только «смежен» с их землями. А перемещались они между Ошом и Кашгаром «кочевьями в небольшом количестве». Путешественник отметил наличие у киргизов крупных феодалов («имеют своих князьков») и первым из русских исследователей сообщил о меновой торговле киргизов с Кокандом².

Записки Ф. Ефремова порой воспринимались читателями-современниками как авантюрный рассказ, хотя они

¹ Его путь пролегал от Орской крепости через казахстанские степи, пустыни Бухары, долину Ферганы, перевалы Тянь-Шаня в Восточный Туркестан; далее он побывал в Индии и Иране, морским путем вокруг перевалы Тянь-Шаня в Восточный Туркестан; далее он побывал в Индии и Иране, морским путем вокруг Африки попал в Англию, а оттуда — морем в Петербург. Маршруты Ф. С. Ефремова описаны им самим, а затем вкратце и целым рядом авторов: Н. И. Веселовским, С. В. Жуковским, И. В. Мушкетовым, Э. М. Мурзаевым, О. В. Масловой и др. Также см.: Бобылев В. М. Странник поневоле: Историческая повесть. Фрунзе: Кыргызстан, 1980.

² Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию. В соавторстве, под редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. Казань, 1811. С. 73, 105. Это третье из четырех дореволюционных изданий «Странствий» (1786, 1794, 1811, 1894 гг.) Ф. Ефремова, наиболее полное и исправленное.

представляли собой вполне достоверное повествование с беглыми зарисовками из реальной жизни и быта киргизов и их среднеазиатских соседей — тогда еще мало известных в России, а тем более в Европе. Его книга была трижды издана еще при жизни автора, что свидетельствовало о ее популярности.

Историко-географические сведения Ф. Ефремова о Киргизии и сопредельных землях важны как непосредственные свидетельства очевидца. Переизданные еще дважды уже в советское время его «Странствования» представляют интерес и с точки зрения истории познания русскими стран Востока.

Наиболее содержательную информацию о киргизах конца XVIII в. собрал и опубликовал эрудированный сибирский инженер-капитан И. Г. Андреев¹ (1773 — после 1801 г.), автор ряда трудов. И. Г. Андреев подвергался неоднократным взысканиям по службе за свои прогрессивные убеждения и независимый характер. В его обстоятельном сочинении о казахах специальная глава отведена описанию киргизов², освещению вопросов их внешнеполитической истории и внутренней жизни.

¹ См. автобиографичную работу: Домовая запись Андреева по роду их, написанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. Начата в Семипалатинске // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1871. Подробнее об Андрееве, его трудах и их источниковедческом значении см: Ерофеева И. В. Казахстан второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в трудах и записках русских ученых и путешественников: Автореф. дис... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1979. С. 10—11; Она же. Из истории изучения казахского народа в России в XVIII в. (труды И. Г. Андреева) // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1978.

² *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргис-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилегающих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, с дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. Т. СХ—СХVIII. СПб., 1795—1796.

Когда в 1784 г. сибирским властям пришло «именное повеление» из Петербурга о необходимости создания «Истории на киргис-кайсаков», ее написание поручили И. Г. Андрееву, хорошо знавшему образ жизни кочевых соседей. По личным наблюдениям, опросам купцов, чиновников и путешественников, по их дорожникам, используя документы западносибирских архивов о сношениях России с казахами и киргизами, И. Г. Андреев уже в 1785 г. представил историко-этнографический очерк о казахам своему непосредственному начальнику — генерал-поручику Сибирского драгунского полка Н. Г. Огареву. Однако тот забраковал «историческим правилом основанное» сочинение И. Г. Андреева и приказал значительно его сократить, оставив лишь «единственно краткие виды» для целей местной администрации. Увлеченный автор продолжил на свой страх и риск «Историю...», значительно расширив и назвав ее в окончательном варианте «Описание Средней Орды киргис-кайсаков». Тогда же И. Г. Андреев отослал свой труд в столичный журнал «Новые ежемесячные сочинения», где он печатался в отдельных номерах в течение 1795—1796 гг. В 1796 г. издание журнала прекратилось, рукопись¹ не была полностью опубликована. Но третья глава «Описания...» И. Г. Андреева — «О диких, или закаменных, киргисцах»² (о киргизах упоминалось и в четвертой главе — о кураминцах) все же увидела свет. Публикация, однако, долго оставалась вне поля зрения среднеазиатоведов, и до середины XX в. сочинение И. Г. Андреева было

¹ Архив ГО СССР, разр. 64, оп. I, д. 14.

² Труды русских ученых и путешественников — ценный источник и для выяснения вопроса об этническом самоназвании и названиях киргизов, под которыми они были известны соседям, в том числе в России в XVIII—XIX вв., напр.: «дикие» (независимые, свободные), «алатай» и «дикокаменные» киргизы (по месту их обитания в горах Ала-Тоо, в горах — «камнях») и т. п.

больше известно историкам по отдельным рукописным спискам, хранящимся в архивах¹.

И. Г. Андреев привел легендарные предания о происхождении киргизов и казахов, не без основания заключая, что «оние издревле и единоплеменны». Им описывалось расселение киргизов между казахскими жузами, владениями Коканда и Китая, отмечалось их свободолюбие и мужество («в рассуждении своей вольности» никому спуска не дают). Определялась численность их войск: «ежели оним собираться на войну», то наберется 50 тысяч человек².

Перечислялись десять киргизских родоплеменных подразделений («волостей») во главе с их биями («старшинами»). И. Г. Андреев писал, что у чуйских киргизов «никакого хана и султана не находится, а имеют одного князя или бия Атекая» (Атаке), который «во всей их орде начальствующий, кочевье свое имеет в середине сего народа в каменистых горах». Из сочинения И. Г. Андреева и других источников мы узнаем, что Атаке был инициатором первого киргизского посольства в Россию (1785 г.) с просьбой о покровительстве. Встречаются там и упоминания о хозяйстве киргизов, которые «имеют довольно лошадей и скота» и «довольное и изобильное хлебопашество», а также о таком негативном социальном явлении в их жизни, как феодальная барымта.

¹ Ценность сочинения И. Г. Андреева в свое время отметил еще Г. Н. Потанин в сообщении на заседании Русского Географического общества. См.: О рукописи капитана Андреева «О средней киргизской орде», написанной в 1785 г. // Изв. РГО. Т. 9. Вып. 2. СПб., 1875. Первым из советских историков, обратившим внимание на это печатное издание, был казахский этнограф Э. А. Масанов, оценивший наследие Андреева как важный источник по исторической этнографии казахского народа. См.: Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 6, 1951. С. 230–231.

² Данные о военных силах киргизов, приводимые И. Г. Андреевым и его предшественниками, могут служить косвенными источниками для определения приблизительной численности киргизского населения, обитавшего на Тянь-Шане.

В сочинении И. Г. Андреева содержится цельная сводка новых данных о киргизах конца XVIII в., которые отличаются конкретностью, сравнительно большой полнотой для своего времени, содержательностью и достоверностью. Все это определяет их источниковедческую ценность и значимость для воссоздания исторического прошлого киргизов, их взаимоотношений с казахами и другими соседями.

Появление в свет трудов П. И. Рычкова и И. Г. Андреева расширило исторические знания о киргизском народе в России второй половины XVIII в., но качественно новый этап в дореволюционном киргизоведении начался лишь в XIX в., что выразилось в количестве, характере и содержании источников по истории Киргизии. Обозначился переход от сбора опросных материалов и «слухов» о делах в Средней Азии к непосредственному изучению горного края, истории и культуры его населения. Для Киргизии наступил период географических и исторических открытий, вызванных направлением сюда русских дипломатических миссий, научных и военных экспедиций, приездами купцов и ученых. Путешествия в Ташкент М. Пospelова и Т. Бурнашева (1800 г.), в Коканд Ф. М. Назарова (1813, 1827 гг.), в Киргизию А. Л. Бубенова (1813, 1827 гг.), Н. Н. Лещева (1821 г.) и Ф. К. Зибберштейна (1825 г.)¹ способствовали продолжению

¹ Подробнее о путешественниках, их маршрутах и сведениях о киргизах и их записках см.: Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году с примечаниями Я. В. Ханькова // Вестник РГО. Ч. I. Отд. 6, 1851. С. 1–43; Югай Р. Л. Путешествие Бурнашева и Безносикова в Бухару // Изв. Узб. геогр. об-ва. Т. 8. Ташкент, 1964. С. 66–77; Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821 (новое издание: М., 1968); Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова. М., 1815 (последнее издание: Путешествие Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии (1795–1827). М., 1969); ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648; ГАОО, ф. 366, оп. I, д. 101, л. 7–8; там же, ф. 3, оп. I, д. 419, л. 379–380; там же, д. 757, л. 126; Умурзаков С.

накопления ценных в историковедческом аспекте историко-этнографических сведений о киргизах: их расселении, хозяйственных занятиях, общественно-политическом устройстве, родоплеменной структуре, феодальных усобицах, отдельных сторонах жизни, быта и культуры народа.

Наибольшей полнотой и разнообразием отличаются «Путевые замечания» омского лекаря Ф. К. Зибберштейна о поездке на Иссык-Куль с возвращавшимся в 1825 г. из Западной Сибири киргизскими посланцами («депутатами»). В задачу широко образованного «Омского гарнизонного полка лекаря» входило ведение дневника с записями о караванном тракте, кочевьях киргизов и их родоправителях, а также выяснение возможности обезопасить торговлю и прекратить межродовые усобицы «без употребления особых усилий»¹. В записках Ф. К. Зибберштейна находим как ответ на эти вопросы, так и новые сведения очевидцев о скотоводстве и довольно широком распространении среди иссык-кульских киргизов земледелия, о неустойчивом внутри- и внешнеполитическом положении Киргизии и, что особенно важно, об отклонении киргизами домогательств кокандских послов о подданстве и их намерении просить покровительства России. Значительную ценность представляют и записи этнографических наблюдений Ф. К. Зибберштейна. Подводя итоги его поездки в Киргизию и оценивая полученную им политическую информацию, западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич доносил управляющему Министерства иностранных дел России К. В. Нессельроде: «Сведения сии довольно

Очерки по истории географических открытий и исследований в Киргизии. Фрунзе, 1959. С. 95–103; *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи. Фрунзе, 1970. С. 42–83.

¹ Из предписания западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича начальнику отряда Ф. К. Шубину // ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 26.

благоприятствуют видам правительства..., киргизы понимают пользу подданства их России, благодарны за внимание к ним правительства»¹. По возвращении из экспедиции Ф. К. Зибберштейн передал западносибирским властям свой дневник и докладную записку с предложениями по упорядочению российской торговли в Туркестане и развитию взаимоотношений с местными народами.

«Путевые замечания» Ф. К. Зибберштейна в копиях списках вскоре разошлись по канцеляриям и ведомствам, имевшим отношение к Средней Азии и внешней политике России на Востоке, но долгое время оставались малоизвестными историкам. Лишь спустя более столетия — в 1936 г. — они были опубликованы². Примечательные записки Ф. К. Зибберштейна вошли в источниковедческий фонд исторического киргизоведения.

Наследие отечественных ученых и путешественников XVIII в. — первой четверти XIX в. представляет существенное дополнение к русским документальным материалам и местным нарративным источникам, а отчасти даже служит единственным первоисточником по вопросам численности, расселения и родоплеменного состава киргизов, их хозяйства и культуры, нравов и обычаев, социальных институтов и взаимоотношений с соседними странами и народами.

События в Киргизии во второй четверти XIX в. нашли лишь краткое освещение в русских источниках. Это объясняется завоеванием Киргизии Кокандским ханством,

¹ Из предписания западносибирского генерал-губернатора П. М. Капцевича начальнику отряда Ф. К. Шубину // ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 328—329.

² *Вяткин М. П.* Путевые записки лекаря Зибберштейна // Исторический архив. № 1. М.; Л., 1936. С. 223—258. Приложением к «Запискам» служил дорожник караванных маршрутов, не опубликованный по каким-то соображениям М. П. Вяткиным (ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 415).

прервавшим устанавливавшиеся посольские связи киргизов с Россией и торгово-дипломатические поездки ее купцов и чиновников через Тянь-Шань. В отдельных записках и публикациях Н. Потанина, С. Броневского, Г. Генса, Е. Мейендорфа, П. Словцова, А. Янушкевича и других (а более всего — в специальном труде А. Левшина о казахах¹) встречаются краткие и отрывочные сведения о киргизах, не лишённые интересных и правдивых деталей, но не воссоздающие картины даже общей обстановки в крае, не говоря об истории, культуре и быте киргизов того времени. Но если во второй четверти XIX в. Киргизия временно перестала быть объектом дипломатических и торговых интересов России, то с конца 40-х годов XIX в. она вновь стала привлекать все большее внимание представителей русской науки — географов, востоковедов и др.

В 1849 г. Русское Географическое общество опубликовало довольно обширную записку (обзор) о Кокандском ханстве, составленную в штабе Отдельного Сибирского корпуса. Для открытой печати она была передана в РГО генерал-губернатором Западной Сибири И. Д. Горчаковым². Как бы в дополнение немногих строк о киргизах, встречающихся в этом обзоре, через два года этим же научным обществом печатаются анонимно довольно полные для своего времени данные о киргизах на Тянь-Шане³. В литературе в качестве их авторов фигурирует несколько лиц⁴.

¹ См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832.

² Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии // Зап. РГО. Кн. 3. 1849. С. 176–216.

³ Сведения о дикокаменных киргизах // Зап. РГО. Кн. 5. 1851. С. 140–153.

⁴ В их числе названы топографы Воронин и Т. Ф. Нифантьев (напр., см.: Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Зап. РГО. 1861. Кн. 4. С. 20; Он же. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868. С. 153; *Умурзаков С.*

Это была первая энциклопедически содержательная статья о киргизах в русской периодике. В ней содержится широкий круг сведений, важных и для современников, и для источниковедения Киргизии: о происхождении киргизов и местах их расселения, внешнеполитическом положении, приводятся отрывочные данные о социально-экономических отношениях, несколько подробнее сообщается о хозяйстве киргизов. В статье отмечено наличие у киргизов социального неравенства, сообщается о зависимости большинства местного населения от Кокандского ханства, приводятся подробности о крупном антикокандском восстании в Прииссыккулье в 1842 г., есть и другие сообщения, отсутствовавшие в прежних публикациях.

После принятия в 1855 г. исыккульскими, а затем и другими киргизами российского подданства начался новый этап в исследовании края целой когортой ученых, участников научных, военно-рекогносцировочных и других экспедиций. Все это не могло не сказаться положительно в дальнейшем на интенсивности, полноте и достоверности сведений о киргизах и Киргизии, поступавших в Россию через отечественных путешественников.

Пионером комплексного научного изучения Киргизстана по праву можно назвать П. П. Семенова (1827–1914 гг.), проложившего путь в Киргизию блестящей плеяде российских ученых-путешественников — Ч. Ч. Валиханову, Н. А. Северцову, А. П. Федченко и др., труды которых служат ценнейшими и в целом довольно объективными источниками¹. К последним тематически близки документальные

С четырех сторон горизонта: Очерки по истории географических исследований Киргизии. Фрунзе, 1963. С. 63–68), а также И. А. Бардашев — переводчик при начальнике Алатавского округа (*Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 19–20).*

¹ Источниковедческая ценность научного наследия П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова и А. Н. Северцова подробно освещена

П. П. Семенов-Тянь-Шанский

материалы и публикации участников военно-научных экспедиций и русских дипломатических миссий кануна и периода вхождения Киргизии в состав России.

Путевые записки и письма П. П. Семенова-Тянь-Шанского¹ о путешествии в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. публиковались на страницах изданий Русского Географического общества. Позднее его дневники и материалы были обобщены как «Мемуары», которые в рукописи хранятся

Ш. Кадыровым (Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX в. Фрунзе, 1961; и другие его работы).

¹ За научные заслуги в исследовании Тянь-Шаня к фамилии П. П. Семенова через пятьдесят лет, в 1906 г., была добавлена приставка «Тянь-Шанский».

в архиве РГО и впервые были изданы лишь в 1946 г.¹ Публикации и мемуары Семенова-Тян-Шанского содержат экскурсии в древнюю и средневековую историю Киргизии, Приведенные им исторические сведения извлечены автором из восточных, преимущественно арабо- и персоязычных источников. Они дополняются записями о встреченных в пути и полученных известиях об историко-археологических памятниках — подводных «городах» Иссык-Куля (Семенов первым из ученых пытался определить местоположение древней стоянки усуньского правителя (на Иссык-Куле, известной как город Чигу), древних курганах и каменных изваяниях (балбалах) тюркского времени, надгробных сооружений (гумбезах), перемежаясь с впечатлениями от встреч с киргизским населением и знакомства с его хозяйственными занятиями, кочевой жизнью и бытом, отдельными сторонами материальной и духовной культуры. Так, например, П. П. Семенов лаконично описал переносное жилище киргизских кочевников — юрту, а также их любимые национальные блюда и напитки. Он отметил особенности исполнения сказителями киргизских эпосов («былин») и музыкально-поэтическую одаренность народа (им упомянуты имена музыкантов и названия их инструментов), способность акынов к музыкальной и стихотворной импровизации. Записки путешественника свидетельствуют о слабом укоренении ислама среди кочевого населения Семиречья и живучести домусульманских пережитков, в том числе и шаманистских. По «Мемуарам» и другим публикациям П. П. Семенова в некоторой мере можно судить и об обычном праве у киргизов.

Таков вкратце круг исторических сведений, краеведческих и этнографических наблюдений путешественника-первопроходца, собранных им во время двух сравнительно

¹ Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Т. 2. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—57 годах. М., 1946 (послед. издания: М., 1947; 1948; 1958).

непродолжительных поездок по горам и долинам Киргизии в 1856 и 1857 годах. Они дополнены реалистическими зарисовками и краткими описаниями характерных местностей, типов киргизского населения, их одежды, оружия и домашней утвари, а также скота, сделанными спутником П. П. Семенова-Тян-Шанского — омским художником П. М. Кошаровым. Частично альбом рисунков П. М. Кошарова опубликован уже в наше время¹.

В целом научно-литературное наследие П. П. Семенова-Тян-Шанского содержит значительную по объему и разнообразную по содержанию, новую для своего времени и достоверную в основе своей информацию об истории киргизов в середине XIX в. Она базируется на комплексном использовании ряда источников, а также личных наблюдений путешественника, устных расспросных сведений местных жителей, сочинений восточных и западноевропейских авторов и картографических материалов. «Мемуары», статьи и записки ученого-путешественника сами по себе являются важным историческим источником для познания прошлого и истории изучения края, его коренного населения, а отдельные их страницы служат первоисточниками для современных исследователей.

Заметим, однако, что по своей научной ценности сведения по истории, археологии и этнографии Киргизии, имеющиеся в сочинениях П. П. Семенова-Тян-Шанского, далеко не равноценны. Их источниковедческое ядро составляют данные о внутри- и внешнеполитическом положении исык-кульских киргизов и связях последних с соседними народами и странами, в первую очередь с Россией, Кокандом и Китаем. Определенный источниковедческий интерес

¹ Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857) // МАЭ. Т. 4. Л., 1953. О Кошарове и его рисунках см. так же: Галицкий В. Я. Сподвижник // Родная Россия, ты наш утренний век! Фрунзе, 1964; и др.

²² Том VII. В. М. Плоских

представляют сообщения путешественника о политической истории северных киргизских племен 50-х годов XIX в., о межфеодальных распрях того времени, а также о борьбе киргизов с ханско-феодальным гнетом и их стремлении к сближению с Россией.

Освещая целый ряд исторических событий, в том числе добровольное присоединение Семиречья к России, П. П. Семенов-Тянь-Шанский высказал суждения в духе либерального деятеля своего времени, и это надо учитывать при использовании его трудов. На отбор, а также на истолкование некоторых фактов и событий древней и средневековой истории Киргизии или даже тех, свидетелем и очевидцем которых был он сам, наложили свой, порой непроизвольный отпечаток время, к которому принадлежал, и среда, в которой вращался П. П. Семенов-Тянь-Шанский, — представители господствующих кругов русского и киргизского общества. Вместе с тем его изложение явственно свидетельствует также о широком диапазоне его научных интересов, присущим передовым русским ученым гуманизме и дружелюбном отношении к коренному населению, уважении к его культуре и истории. Вполне естественно и то, что не все приводимые П. П. Семеновым-Тянь-Шанским суждения об истории края, его историко-культурных памятниках, особенно в части археологических древностей Киргизии, выдержали проверку временем и могут безоговорочно использоваться. Однако важен уже сам факт фиксации им исторических мест и событий, его попытки локализации и идентификации их со сведениями из средневековых письменных источников. Вклад этого выдающегося путешественника и ученого в историческое киргизоведение заслуживает высокой оценки.

Более многочисленны, обширны по тематике, хронологическим рамкам и разнообразны по фактическому содержанию сведения об истории Киргизии, собранные ученым-путешественником, казахским просветителем и демократом

Ч. Ч. Валихановым (1835—1886 гг.). Впервые он посетил Иссык-Куль почти одновременно с П. П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1856 г., но в составе другой, военно-научной экспедиции М. М. Хоментовского. Затем Ч. Ч. Валиханов побывал в Киргизии в 1857—1889 гг. и последний раз — в 1864 г. Насыщенный наблюдениями этнографического характера и фактами из современной путешественнику киргизской жизни, его «Дневник поездки на Иссык-Куль»¹ (записи за апрель—июль 1856 г.) с авторскими зарисовками пером в тексте послужил началом большой работы Ч. Валиханова, к сожалению, оставшейся незавершенной («Записки о киргизах»; начаты в мае—июне 1856 г.)². Его «Записки», тем не менее, по обилию и новизне материалов представляют значительный источниковедческий интерес.

В других сочинениях Ч. Ч. Валиханова также содержится немало богатой фактами исторической информации о Киргизии в древности, средневековье и особенно в первой половине и середине XIX в.

Многие сведения из научного архива Ч. Ч. Валиханова (ныне скрупулезно собранного и большей частью опубликованного в двух изданиях его пятитомного собрания сочинений, преимущественно в приложениях к ним в виде черновых вариантов, подготовительных материалов и т. п.) были извлечены из восточных письменных источников (в том числе китайских и восточно-туркестанских). В его записи включены личные наблюдения и рассказы местных жителей, с которыми Ч. Ч. Валиханов общался в Киргизии

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 306—357. Также см.: Умурзаков С. Первая русская экспедиция на оз. Иссык-Куль // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. Т. 95. 1963. С. 368—371; Галицкий В., Плоских В. Дневник путешественника (110 лет со времени посещения Киргизии Ч. Валихановым в составе первой русской экспедиции на Иссык-Куль) // Мугалимдер газетасы. 1966. 30 июля.

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2... С. 7—82.

и во время путешествия в Кашгар. Эти материалы имеют характер первоисточника: особую ценность представляют сведения о местах кочевий, путях перекочевков и расселении киргизов, их взаимоотношениях с соседями, в том числе с казахами. Весьма интересна приводимая Валихановым информация о киргизском бытовом земледелии и торговле, отчасти и по скотоводству. В целом фактических сведений о киргизском хозяйстве у него больше, чем у П. П. Семёнова-Тян-Шанского, и они более точны¹.

Впервые в востоковедческой науке Ч. Ч. Валиханов оценил и записал (26 мая 1856 г.) на киргизском языке с переводом на русский отрывок из героического народного эпоса «Манас», озаглавленный им «Смерть Кукотай-хана и его поминки»². Содержащийся в этом отрывке историко-этнографический материал привлекался исследователями как важный источник по этногенезу киргизского народа.

Для воссоздания внешнеполитической обстановки в Киргизии в позднее средневековье, в частности, выяснения киргизско-казахских взаимоотношений в XVIII в. и их дальнейшего развития, источниковедческим подспорьем могут послужить наряду с крупными эпическими произведениями исторические предания, песни киргизского и казахского народов, которые весьма разнообразны по тематике, времени и месту их сложения, по диалектным особенностям. Например, Ч. Ч. Валихановым записаны в 1855–1856 гг. «Исторические предания о батырах XVIII в.»³, «Песни об Аблае»⁴

¹ См.: Кадыров Ш. Б. Русские ученые-путешественники (2-й половины XIX в.) о добровольном вхождении Киргизии в состав России // Уч. зап. Кирг. жен. пед. ин-та им. В. В. Маяковского. Вып. 7. Фрунзе, 1963. С. 24.

² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2... С. 90–100.

³ Здесь приведено наиболее раннее упоминание о манапах, относящееся к батыру Темирхану, который погиб в междоусобицах XVIII в.

⁴ См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 265–272.

и др. Наряду с историко-краеведческой информацией они дополняют сведения других источников. Понятно, что использование подобных источников требует критического подхода, ибо в них могут содержаться и отдельные напластования, мешающие верному восприятию событий прошедших времен, их оценке.

Этнографов и исследователей-культуроведов привлекают собранные Ч. Ч. Валихановым наблюдения об общественном и семейном быте, а также о развлечениях и играх, обычаях киргизов¹.

Для историков важна информация Ч. Ч. Валиханова о взаимоотношениях киргизов и Кокандского ханства, в том числе сведения по истории утверждения господства кокандцев в Киргизии. А многие записи Ч. Ч. Валиханова о положении киргизских племен и их родоправителей в ханстве, о связях киргизской феодально-родовой верхушки с ханским окружением и комендантами какандских укреплений на местах не встречаются ни у одного другого автора.

Тайно посетив в 1858–1859 гг. закрытый для европейцев Восточный Туркестан, Валиханов оставил разносторонний, более научный, чем военный, обзор страны с описанием торговых путей через Киргизию и данными о внешнеполитическом положении киргизов и их роли в Восточном Туркестане². Выпускник Омского кадетского корпуса, а затем воспитанник русской школы ориенталистики, Ч. Валиханов сумел подняться до критики восточно-

¹ В записках и неоконченных набросках статей Ч. Ч. Валиханова встречается «богатый материал наблюдений и сопоставлений между казахским и киргизским бытом и нравами». См.: *Кадыров Ш.* Указ. соч. С. 22.

² См.: *Валиханов Ч. Ч.* Очерки Джунгарии // Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 325–454; *Он же.* О состоянии Алтышара... С. 97–218.

феодалного деспотизма¹, увидел в киргизском обществе конца XVIII в. — первой половины XIX в. социальные противоречия и жестокие формы эксплуатации трудящихся². В целом благодаря востоковедческой деятельности Ч. Валиханова (к сожалению, слишком краткой) историческое киргизоведение, включая источниковедение, заметно обогатилось новыми и ценными материалами.

Знакомство с киргизами известного русского ученого Н. А. Северцова (1827—1885 гг.) произошло при драматических обстоятельствах: 18 апреля 1858 г. он был пленен кокандцами и целый месяц находился в неволе в осажденном восставшими казахами и киргизами городе Туркестане. Здесь он впервые узнал о киргизском происхождении отдельных кокандских ханов, в частности, Худояра³. В 1864 г. поле наблюдений ученого расширилось, он близко увидел и познакомился с жизнью и бытом казахов и чуйских киргизов (племен солто, сарыбагыш и сару), наблюдениями о которых поделился на страницах печати⁴.

¹ См.: *Кабдиев Д.* Социально-экономические воззрения казахских просветителей-демократов. Алма-Ата, 1966. С. 55—60.

² В этом отношении показательны следующие наблюдения и высказывания Ч. Валиханова о киргизском классовом обществе середины XIX в.: «Народ, как на сословия, разделяется на две касты: владетелей (манапов) и простого народа (кара-бухары). Мапапы, как прямые потомки древнейшего родоначальника орды, имели первоначально патриархальное право отца семейства, но постепенно с течением времени эта власть увеличивалась и обратилась в конце концов в деспотические отношения владетеля и рабов.» (Валиханов Ч. Ч. Записки о киргизах // Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. С. 38).

³ *Северцов Н. А.* Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860. С. 81.

⁴ Эта краткая, но содержательная публикация, один из интересных источников для исторической этнографии Киргизии, содержит сведения о территориальном расселении киргизов, их взаимоотношениях с Кокандским ханством и положении в нем южных киргизов. См.: С[еверцов]. Этнографические заметки о Зачуйском крае // Изв. РГО. Т. 1. 1865. С. 147—151.

Участвуя в Туркестанской ученой экспедиции (1865–1868 гг.), организованной по инициативе Русского Географического общества, Н. А. Северцов посетил многие высокогорные районы Центрального Тянь-Шаня, а в составе Фергано-Памирской экспедиции (1877–1878 гг.) обследовал природу «Крыши мира» — почти неведомого науке Памира.

Его непосредственные наблюдения феодальных междоусобиц в Киргизии и взаимоотношений коренных жителей с соседями-казахами, а также первыми русскими переселенцами, описание быта и хозяйственных занятий киргизов, свидетельства о характере скотоводства и особенно о тяготении киргизского населения к земледелию¹ (в сравнении его с хлебопашеством у русских переселенцев и узбеков), о путях сообщения в горном бездорожном крае предстают перед нами документированными страницами, имеющими большое источниковедческое значение. Наиболее важные материалы путешествий Н. А. Северцова по Тянь-Шаню приведены им в книге, вышедшей отдельным изданием и вызвавшей интерес в широких научных кругах².

Следует подчеркнуть, что ученый, в трудах которого много ценных фактических материалов, относящихся к середине XIX в., был не только беспристрастным регистратором наиболее значительных событий в наблюдаемой им жизни киргизского населения, но и пытался внести свою лепту в ее преобразование. Как очевидец и непосредственный

¹ Состояние и особенности киргизского земледелия 60-х годов XIX в. освещаются в трудах Н. А. Северцова подробнее, чем у других путешественников, хотя определенный источниковедческий интерес представляют и его сведения о скотоводстве, охоте и других промыслах у киргизов.

² *Северцов Н. А.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенное по поручению Русского Географического Общества. СПб., 1873 (переиздание: М., 1947).

участник ряда событий исторической важности, он отмечал предпосылки и прогрессивность присоединения Киргизии к России¹. Деятельный путешественник предлагал свои меры по реорганизации административно-территориального управления коренным населением и экономикой края и был автором одного из первых проектов «Положения об управлении Туркестаном»². Будучи сторонником рационального хозяйственного освоения вновь приобретенных земель в Семиречье, Н. А. Северцов выдвигал при этом два неперемных условия: чтобы их освоение происходило «без стеснения коренного местного населения» и чтобы оно соответствовало «русским хозяйственным привычкам», т. е. крестьянами-переселенцами занимались бы «места, удобные для земледелия под дождь и соседствующие с лесами»³. В этом, в частности, проявлялось гуманное отношение ученого к местным народам, определенный демократизм его взглядов.

В целом сведения Н. А. Северцова о киргизах «являются важным дополнением к работам Семенова и Валиханова; они дают много ценных подробностей и притом по таким вопросам, которые позволяют лучше проникнуть в существо социальных и экономических отношений у киргизского народа»⁴.

¹ «Род за родом, — писал Н. А. Северцов в «Этнографических заметках о Зачуйском крае», — принимал русское подданство, и это потому, что оно доставляло им защиту не от одних кокандцев, но и от враждебных своих же родов». Как справедливо пишет автор научной биографии ученого, «заключение это тем более ценно, что является результатом наблюдения очевидца, анализировавшего события» (Золотницкая Р. Д. По дорогам неведомого Туркестана. М., 1978. С. 43–44).

² ЦГВИА, ф. 33, оп. 31 /287, св. 892а, д. 8.

³ Северцов Н. Путешествия по Туркестанскому краю... С. 94, 170.

⁴ Кадыров Ш. Русские ученые-путешественники (2-й половины XIX в.) о добровольном вхождении Киргизии в состав России // Уч. зап. Кирг. жен. пед. ин-та им. В. В. Маяковского. Вып. 7. Фрунзе, 1963. С. 28.

Выдающиеся исследователи-путешественники П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ч. Ч. Валиханов и Н. А. Северцов собрали в совокупности массу ценнейших и вполне достоверных исторических сведений о северных районах Киргизии и ее коренном населении. Многие страницы их трудов и записок, передающие непосредственные наблюдения авторов или содержащие расспросные данные, полученные от местных жителей, несут характер первоисточников для изучения внешнеполитического положения, хозяйственного уклада, социальных отношений, черт культуры и быта киргизов накануне и в период вхождения последних в состав России.

Наряду с названными видными учеными-путешественниками в конце 50-х — первой половине 70-х годов XIX в. отдельные районы Тянь-Шаня посетил ряд представителей военного ведомства и дипломатических миссий — начиная от А. Ф. Голубева и кончая А. В. Каульбарсом. Собирая сведения военно-политического характера о Киргизии и сопредельных странах, они в своих отчетах и обзорах, статьях и книгах порою отводят немало места и материалам исторического плана, статистико-экономическим данным, беглым описаниям традиций и отдельных бытовых черт киргизов-кочевников.

Так, в 1859—1860 гг. офицер штаба Отдельного Сибирского корпуса М. И. Венюков (1832—1901 гг.), а впоследствии видный отечественный географ, возглавлял русские рекогносцировочные отряды в Чуйской долине и на Иссык-Куле. Он опубликовал в периодической печати ряд заметок и статей о Киргизии, а позднее, по материалам своих путешествий — и несколько книг «об окраинах Русской Азии»¹. Одной из задач его рекогносцировки являлось

¹ Венюков М. И. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгар // Вестник РГО, 1860. Ч. 30; *Он же*. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Зап. РГО, 1861. Кн. 4. Отд. 2; *Он же*. Общий обзор страны,

М. И. Венюков

«собрать возможно подробные сведения о племенах, живущих в стране, соседней р. Чу и озеру Иссык-Куль: в чем заключается несходство между этими племенами и отличный характер каждого из них, нет ли у них различия в религии, нравах и обычаях, живут ли они между собой в мире или вражде, что служит этому поводом и кто

лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарья. СПб., 1877; *Он же*. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; *Он же*. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 1–2. СПб., 1874–1876; *Он же*. Россия и Восток (Собр. географ. и полит. статей). СПб., 1874; *Он же*. Материалы для военного обозрения русских границ Азии // Архив ГО СССР, разр. 87. оп. 1, д. 5; Опыт обозрения русской границы в Азии. СПб., 1873.

родоначальник в каждом племени»¹. Такими наставлениями да природной любознательностью, научными дарованиями путешественника можно объяснить наличие в многочисленных трудах М. И. Венюкова интересных фактических данных о киргизах северной части края в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в.

В русских и зарубежных научных изданиях публиковались сообщения и наблюдения М. И. Венюкова о Тянь-Шане и его коренных жителях. В их числе заметки о происхождении киргизского народа (преимущественно по легендарным источникам), родоплеменном составе и численности киргизов (отчасти известные из публикаций других авторов, отчасти — расспросные, требующие проверки и уточнения), социальной структуре населения (в том числе сведения о манапах, отсутствующие у других путешественников). Но его высказывания о «демократичности» и социальной однородности киргизского классового общества того времени глубоко ошибочны. Любопытны приводимые им факты о хозяйственных занятиях киргизов, земледелии на севере края, о домашнем производстве и торговле. Заслуживают внимания и его заметки об отдельных сторонах культуры, а также некоторые детали традиционного быта и обычаев киргизского населения.

В источниковедческом плане интересны материалы М. И. Венюкова о взаимоотношениях киргизов с их соседями — казахами, Кокандом и Кашгарией. Особенно важны сведения о торговых связях киргизов с Россией, их добровольном вхождении в состав Российского государства. В трудах М. И. Венюкова даны первые описания и схематические планы Пишпекской и Токмакской крепостей,

¹ Из предписания начальника штаба Отдельного Сибирского корпуса А. Л. Гинтовта М. И. Венюкову 10 июля 1859 г. // Отдел рукоп. Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 363, М. И. Венюков, к. 7, д. 27, л. 1.

возведенных кокандцами на территории Киргизии. Им отмечалось и важное стратегическое значение ее территории, через которую уже в древности пролегали торговые пути между Востоком и Западом.

В литературе высказана в целом справедливая общая оценка научной значимости информации о киргизах в трудах и записках М. И. Венюкова. Они «в качестве источника для истории Киргизии, конечно, не могут сравняться с трудами Семенова, Валиханова и Северцова»¹. Но, хотя некоторые данные М. И. Венюкова не выдерживают критической проверки, «было бы неправильно пренебрегать этим источником. В трудах Венюкова имеются ценные и важные для истории Киргизии сведения, не только подтверждающие данные других источников, но и вносящие немало нового»².

Подобный характер носят и отчеты о путешествиях по Тянь-Шаню профессора геодезии Академии генерального штаба А. Ф. Голубева (1859 г.), руководителей военно-научных экспедиций П. П. Проценко (1853 г.) А. В. Каульбарса (1869 г.) и других³. Частично опубликованные, частично

¹ См.: *Кадыров Ш.* Вопросы истории Киргизии в трудах М. И. Венюкова // Уч. зап. Кирг. жен. Пед. ин-та им. В. В. Маяковского. Вып. 7. Фрунзе, 1963. С. 51.

² *Подробнее см.: Кадыров Ш.* Вопросы истории Киргизии в трудах М. И. Венюкова // Уч. зап. Кирг. жен. Пед. ин-та им. В. В. Маяковского. Вып. 7. Фрунзе, 1963. С. 51.

³ *Голубев Л.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции // Вестник РГО. Ч. 28, 1860. Отд. 1; *Он же.* Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край // Записки РГО. Кн. 3. 1861; *Каульбарс А. В.* Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба Л. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход // Изв. РГО. Т. 2. СПб., 1871; *Он же.* Колесный путь через Тянь-Шань // Русский инвалид. 1873; *Он же.* Материалы для географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А. В. Каульбарс // Записки РГО по общей географии. Т. 5. 1875.

отложившиеся в Центральном военно-историческом архиве СССР и Архиве Географического общества СССР (отчасти в копиях в ЦГА Узбекской ССР), их отчеты и служебные записки отражают политические взгляды авторов, в основном придерживавшихся официальной точки зрения по вопросам взаимоотношения России с коренным населением Туркестанского края и Восточного Туркестана. Это, естественно, требует критического отношения при использовании в научных целях такого рода полуофициальных источников, хотя они нередко и содержат существенные для источниковедения дореволюционного Киргизстана фактические данные по истории, хозяйству, о караванных путях, политическом положении Южного Семиречья, а также сведения о кокандских войсках, их вооружении и фортификационных сооружениях ханства в Киргизии в середине прошлого века.

Важные изобразительные и картографические материалы, относящиеся к этому же периоду, оставили военные топографы — рисовальщики, чертежники, русские и иностранные художники, сопровождавшие различные научные и правительственные экспедиции, а иногда и самостоятельно путешествовавшие по Киргизии. В этом отношении следует прежде всего отметить заслуги спутника экспедиции П. П. Семенова-Тян-Шанского — омского художника П. М. Кошарова, художника-иллюстратора Н. Н. Каразина, а также выдающегося мастера батальной живописи и автора ряда «этнографических» по содержанию картин и рисунков на среднеазиатско-киргизскую тематику В. В. Верещагина и др.

На долю А. П. Федченко (1844—1873 гг.) выпала трудная и опасная научная миссия — впервые исследовать южные районы горного края и населявших их киргизов, еще находившихся в зависимости от деспотического ига кокандских ханов. До А. П. Федченко о Южной Киргизии и ее населении, да и в целом о Кокандском ханстве, в России имелись

в основном краткие сообщения отдельных лиц, посетивших Коканд с дипломатическими целями, опросные сведения и компилятивные данные, обычно переходившие из одной публикации в другую. Совершенно иной характер носили его письма и заметки о маршрутах по Кокандскому ханству в 1871 г., изданные четыре года спустя отдельной книгой¹.

Рельефно обрисовав феодально-деспотическую систему управления в ханстве, довлеющую над всем его трудовым населением, А. П. Федченко также показал внутриусобную борьбу киргизских и кыпчакских феодалов за политическое господство в ханстве. Особый интерес представляют его сведения об усилении ханско-феодального гнета и восстании южных (сохских) киргизов в 1871 г. против власти Худояр-хана. Довольно подробно отражено путешественником бедственное положение алайских киргизов. На юге он отмечал два типа хозяйства — кочевое скотоводческое и комплексное земледельческо-скотоводческое полуоседлых киргизов. А. П. Федченко дал характеристику домашнего производства и отхожих промыслов киргизского населения Алая. Небезынтересны описания и зарисовки его жены О. А. Федченко средневековых историко-архитектурных памятников и целых поселений, среди них — известные своим историческим прошлым Узген, Хайдаркан, Шахимардан и др. А. П. Федченко, в отличие от Н. А. Северцова, не давал своих рекомендаций относительно дальнейшего социального или экономического развития края. Но все его позитивные сведения подсказывали только один путь — до тех пор, пока будет существовать ханский деспотизм, а киргизы будут находиться под гнетом Кокандского ханства — прогресса в их жизни не будет.

Правдивые свидетельства А. П. Федченко об истории юга Киргизии времени господства там Кокандского ханства

¹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. Т. 1. Ч. 2: В Кокандском ханстве. СПб., 1875; *Он же*. Путешествие в Туркестан. М., 1950.

отчасти дополняются информацией о жизни и борьбе местного киргизского населения против ханско-феодалного гнета, которую можно почерпнуть из трудов А. Хорошхина, Л. Куна, А. Миддендорфа и других ученых и путешественников¹.

Завершая источниковедческий обзор научного наследия русских ученых и путешественников XVIII в. — 70-х годов XIX в., отметим, что основу его составляют ценные и достоверные материалы. Они послужили в определенной мере источниковой базой для разработки сводного обобщающего труда по истории Киргизии данного периода, а также целого ряда статей, монографий и диссертаций. Следует вместе с тем отметить, что исторические сведения и экскурсии в трудах, записках и отчетах путешественников носят подчас фрагментарный характер, а некоторые суждения — ошибочны или спорны. Многие проблемы истории края к тому же затронуты лишь вскользь, а отдельные события или вопросы так и остались «белыми пятнами». Несмотря на это, при комплексном использовании их трудов в совокупности с документальными материалами, хранящимися в различных архивах, а также с другими источниками, можно с достаточной степенью достоверности воссоздать общую картину исторического процесса в Киргизстане рассматриваемого времени, ее ретроспективное познание в настоящее время может быть достаточно полным, широким и глубоким.

Публикуется по изданию:

Галицкий В. Я., Плоских В. М. Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе: Илим, 1973.

¹ Источниковедческое значение их наследия кратко отмечено в коллективной монографии: Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973.

«СТРАНСТВОВАТЕЛЬ» О КИРГИЗИИ

Дипломатический представитель России в Египте, Черногории и Небесной империи «странствователь» по Западной Европе, Ближнему и Среднему Востоку, специалист по горному делу и пытливый географ Егор Петрович Ковалевский посетил Семиречье в 40–50 годах прошлого столетия

Со страниц его литературного трехтомника, озаглавленного «Странствователь по суше и морям» (С.-Петербург, 1871 г.), открываются перед нами красоты Нила и горных стремнин Черногории, упрятанный за высокие дувалы быт среднеазиатских кишлаков и дымные юрты вольнолюбивых кочевников-киргизов. На разных меридианах и широтах видели этого худощавого, казавшегося на вид телесно слабым и ко всему равнодушным человека. Но отрешенность исчезала в минуты опасности и острой заинтересованности. Он внезапно преображался в энергичного и страстного, сильного и волевого, решительного. В самом деле, надо было обладать немалым личным и гражданским мужеством, чтобы в 1840 году проникнуть с купеческим караваном в запретный для русских торговцев Кульджинский край, а через десяток лет добиться такого важного для своего отечества успеха, как подписание Кульджинского трактата (1851 г.).

Одним из результатов первого пребывания на Востоке Егора Петровича Ковалевского явились его записки «Кульджа, Чугучак и города западной границы Китайской империи». Четыре года спустя он обращается к описанию нелегкого путешествия на Восток в статье «Путь каравана (Из дневника русского офицера при переезде из Семипалатинска в пределы Китайской империи)».

Остросюжетные путевые очерки, свидетельствующие о тонкой наблюдательности автора и развитием у него

чувстве юмора, посвящены изображению жизни далеких от России народов, проникнуты гуманизмом и уважением к людям, независимо от цвета их кожи.

Человек трудной, но счастливой судьбы, Ковалевский в 1851 г. снова побывал в Семиречье и Кульдже, где в качестве офицера корпуса горных инженеров проводил геологические изыскания. Здесь-то он впервые и встретился с представителями свободолюбивого народа, стесненного, с одной стороны, Кокандским ханством, с другой, — Цинской империей, но самоотверженно отстаивавшего свою независимость и оставшегося фактически свободным, несмотря на раздирающие его племенные междоусобицы и смуты.

«Следуя по склонам Заилийского Алатау, «мы не без труда обогнули горы Богуты и остановились на южном скате Турай-горы. Отсюда до озера Иссык-Куля можно было пробраться, хотя с большим усилием, в два дня...».

«Из-за гряды лежавших в тени гор и едва проходимых ущелий возвышался величаво трехглавый Тянь-Шань, весь убеленный снегом, как старец, выдавший еще создание мира и таинственно указывавший на свои пласты, как на рубцы, начертанные веками». Так поэтично описывается им незабываемая встреча с величавой горной системой Тянь-Шаня.

В свое время Ковалевский был признанным общественным деятелем и довольно известным писателем. В своем повествовании о киргизах середины прошлого столетия — «Встреча с Н. Н.» — Ковалевский изображает смелого русского скитальца, вкладывая в его уста свои заветные мысли, созвучные идеям П. П. Семенова-Тян-Шанского: забота о благе отечества и благородная тревога за судьбы азиатских народов. «Такая личность не удержится ни в каком обществе, если является одинокой», — с горечью восклицает автор и удаляет своего героя в киргизские кочевья, в Прииссыккулье, в род Кыдык, где с ним автор якобы и встречается.

²³ Том VII. В. М. Плоских

Е. П. Ковалевский

Его знакомый, а по всей вероятности, вымышленный литературный герой, — Н. Н. уже много лет кочевал с кыдыками по горам и долинам полюбившегося ему Киргизского края. Он-то и рассказал историю, положившую начало вражде киргизских манапов Боромбая и Самсалы, в результате которой само существование рода кыдыков было поставлено под угрозу.

Во «Встрече с Н. Н.» перед читателем рельефно вырисовывается безвыходное положение одного из небольших подразделений племени бугу — рода кыдык. Автор вплетает в повествование романтическую историю любви русского друга кыдыкоз — Н. Н. и дочери родоправителя Самсалы — черноокой Чонум. Отклонение сватовства Боромбая к Чонум послужило поводом к глубокой вражде между Боромбаем

и Самсалы. Еще более враждебные отношения у тех и других складывались с манапами притязавшего на их территорию племени сарыбагыш, за спиной которых стояли кокандские беки. Не менее сложны были взаимоотношения и с более сильными соседними народами и государствами. Почти чудом избежав полного поражения в сражении с одним из казахских султанов — Тезеком, кыдыки жили под угрозой потери своей относительной независимости.

Понимая пагубность разобщенности, кыдыки с горечью признавали: «Еще когда мы были вместе с богинцами, могли удержаться, а теперь, когда решились жить сами по себе, так уж на людей нечего рассчитывать; надо искать обороны в самой природе. Мы прикроемся с одной стороны горами, с другой — озером».

Но напрасно искали они спасения в неприступных урочищах Тянь-Шаня. Результатом самоизоляции, в которую были поставлены кыдыки волей Самсалы, отклонившим предложение Боромбая о совместном отражении врагов и не искавшим, как другие, покровительства России, явился жестокий разгром кыдыков сарыбагышами, подстрекаемыми кокандцами. «Кыдыкцы бежали куда ни попало и гибли тысячами, стада их были угнаны, жатвы вытоптаны, начатки оседлости уничтожены».

Погибли и все главные герои, и только одинокие деревья указывали место прежнего жилища Самсалы. Так автор кратким эпилогом подводит читателя к мысли о том, каким злом для киргизской жизни середины XIX в. являлись феодальные междоусобицы, тормозившие и даже ставившие вообще под сомнение культурно-хозяйственное развитие народа.

Интересны в рассказе и отдельные штрихи жизни киргизов, их нравов и обычаев. В нем фигурируют и безыменные бедняки, остающиеся на поле «после какой-нибудь баранты без коня, без одежды, на жертву голодной смерти», и типичный представитель родоплеменной киргизской

верхушки — надменный и кичливый кыдыкский правитель, человек самоуправный и жестокий, капризный и гордый своей славой и богатством, многочисленными табунами лошадей и гуртами овец, приобретенными прямым «разбоем и грабежом». В молодости Самсалы — знаменитый в краю батыр, гроза и бич кокандцев, китайцев и... своих соплеменников. Он и в старости держал в трепетном страхе как своих близких, так и весь свой род.

Вскользь, но впечатляюще обрисован и его соперник — старый манап Боромбай, многоопытный и хитрый, как лис, зачастую колебавшийся во внешнеполитической ориентации, в зависимости от складывавшегося реального соотношения сил среди киргизских племен в Прииссыккулье, а также между Россией, Кокандом и Китаем.

Очень привлекателен образ смелой, бесстрашной Чонум, гневно протестующей против того, чтобы ею распоряжались как простой вещью. Автор сочувственно повествует о тяжелом положении женщины-киргизки, нередко еще с колыбели продаваемой за калым.

Чем-то уже знакомым веет от образа главного героя рассказа, скрытого автором под инициалами Н. Н. Прямой и бескорыстный, безавший от ханжеского светского общества, где он оказался «лишним», и нашедший «обаятельную прелесть жизни» людей гор, Н. Н., подобно лермонтовскому «Герою нашего времени», оказался за бортом жизни, фактически отрешенным от нее и не нашедшем себя. Обращаясь к его прошлому, автор говорит, что Н. Н. желал отдать всего себя служению общественным идеалам своей Родины, однако оказался вопиющим в пустыне. Его принимали правительственные чиновники, выслушивали, иногда даже соглашались с представляемыми проектами, но тайком посмеивались. Одни считали его сумасшедшим, другие и того хуже — опасным. По всей вероятности, Н. Н. так безвестно и погиб в междоусобной войне кыдыков с сарыбагышами. «А чего не мог бы сделать такой

человек, — восклицает Ковалевский, заканчивая свое повествование, — при другой обстановке общества!».

Мы не можем, конечно, рассматривать произведение Ковалевского как исторический источник. Автор вправе был вводить в него вымышленных персонажей сгущать и смещать факты. В то же время мы встречаем там и чисто исторические персонажи, образную характеристику внутрикиргизской жизни, колоритную картину быта киргизов, с которыми Ковалевский, несомненно, встречался, быть может, и не однажды. Интересны размышления автора о настоящем и будущем этого «седого» края. Таковы, например, его рассуждения о значении Прииссыккуля, о роли киргизов в политической жизни Коканда и Восточного Туркестана.

Как знаток Средней Азии, Е. П. Ковалевский становится директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Он неоднократно выдвигает предложения по упрочению российских границ на Востоке и, в частности, в Туркестане.

В своей записке «Положение наше в Средней Азии и на ее границах», хранящейся в рукописном отделе Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, он уделяет большое внимание рассмотрению взаимоотношений России с киргизами и сетует на нерасторопность правительства с принятием киргизов в подданство. «...Киргизы, из которых часть уже приняла присягу на верность России, — писал Ковалевский в конце 50-х годов, — хотя и не пользуются надежным от нас покровительством, вступили бы охотно в ее подданство, если бы находящиеся на границах их кокандские крепостцы не угрожали им за то неминуемой мстью».

Автор записки предлагал в первую очередь занять кокандские крепости Пишпек, Мерке-Курган и Аулие-Ата. В результате этих мер Россия закрепит за собой важные в стратегическом отношении районы Тянь-Шаня, а киргизы

и казахи «освободятся от тяжелого для них ига кокандцев». Но, предупреждает автор, эта политика должна основываться на облегчении экономического положения народа — необходимо уничтожение налогового гнета, давившего над киргизами в ханское время, освобождение их от «тяжких обязанностей платежа ясака и проч...».

Литературно-документальное наследие Е. П. Ковалевского, связанное со Средней Азией и, в частности, с Киргизией, еще ждет своего исследования.

Полузабытый путешественник и литератор, посещавший далекие страны, оставил нам яркие и самобытные крупницы живой истории киргизов, которыми так бедна литература прошлого столетия. Ценность литературно-документального наследия Е. П. Ковалевского велика еще и потому, что на его страницах мы то и дело встречаем идеи и мысли П. П. Семенова-Тян-Шанского, одного из основателей и почетного члена Русского географического общества.

Публикуется по изданию:

Плоских В., Галицкий В. Литературный Киргизстан. № 6, 1967.

Н. А. АРИСТОВ И ЕГО ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ КЫРГЫЗОВ И КЫРГЫЗСТАНА

Парадокс, но факт — самое фундаментальное исследование по истории кыргызов и Кыргызстана, проведенное в конце XIX века, исследование, использованное академиком В. В. Бартольдом и всеми последующими кыргызоведами, до сих пор не было издано.

В чем причина?

В одиозности фигуры автора — туркестанского колониального чиновника? Или в некомпетентности исследователя — порою переносившего в свой труд по несколько страниц из информационных статей периодической печати, а также собственные канцелярские и этнографические справки, докладные записки к законопроектам по управлению Туркестанским краем, вплоть до специально записанных биографий видных представителей местных народов? Ему, пишущему о Востоке — Центральном Тянь-Шане, ревнивые ученые мужи — современники ставили в укор незнание восточных языков и неиспользование восточных источников — арабских, персидских, китайских. Но он владел тюркскими языками, западноевропейскую литературу широко вводил в научный оборот, до мелочей изучил и использовал в своем труде все публикации, даже мало-мальски существенные газетные заметки, что делает работу Н. А. Аристова для современного читателя непревзойденным первоисточником. Именно этим и вызвано наше обращение к публикации исследования Н. А. Аристова, озаглавленного им «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы.

Н. А. Аристов

Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии» (Ч. I–II. СПб, 1893 г.).

Сам Н. А. Аристов в предисловии к своему труду оговаривает, что в изложении исторических и географических известий он старался пользоваться подлинными выражениями и текстами источников, «не вдаваясь в невызывавшиеся необходимостью комментарии и ограничиваясь, притом не везде, самыми главными выводами». Именно такой подход академическая наука конца прошлого века сочла недостаточным и откликнулась критически, ограничившись в основном замечаниями признанного авторитета прошлого века археолога и востоковеда Н. И. Веселовского.

Ученые-киргизоведы стали обращаться к работам Н. А. Аристова с середины XX в. Известный историк академик Б. Д. Джамгерчинов использовал его публикации по родоплеменному составу и этнической истории киргизского народа¹, считая, что «в деле изучения вопроса об этногенезе киргизов труды Аристова и поныне представляют определенную ценность»². Однако Джамгерчинов не был знаком со всей фундаментальной рукописью Аристова, использовал лишь отдельные ее копийные фрагменты, которые имелись в рукописных фондах киргизской Академии наук. Не выходили за эти рамки и другие ученые, считая Н. А. Аристова лишь этнографом (С. М. Абрамзон, А. Х. Хасанов, К. У. Усенбаев, К. И. Петров и др.).

В свое время — в начале 1960-х годов — мне пришлось поработать в архиве Императорского Русского Географического Общества в Санкт-Петербурге, собирая материалы по истории киргизов. И здесь с любезного согласия администрации Архива я сделал собственные фотокопии авторской машинописной рукописи Н. А. Аристова³. Этот труд русского ученого конца прошлого века и представляется ныне на суд широкого читателя благодаря изданию его фондом «Сорос-Кыргызстан».

Еще четверть века назад, в 1977 г., в своей докторской диссертации я отмечал научную значимость труда Н. А. Аристова: «В его обширной двухтомной рукописи, задуманной как дополнение к “Землеведению Азии”

¹ Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М, 1959. С. 13, 14, 16, 17, 26, 28, 29, 33, 35, 36, 374, 376, 379; *он же*. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). Фрунзе, 1966.

² Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963. С. 68.

³ Архив ИРГО. Инв. № 3–39 и разряд 65, оп. 1, д. 11.

К. Риттера¹... автор со всей возможной полнотой охватил опубликованную предшественниками литературу, использовал многочисленные собственные наблюдения, привлек записанные им со слов кыргызских знатоков старины этнографические материалы, биографические очерки и воспоминания»². Позже эту оценку поддержал авторитетный среднеазиатский историограф Б. В. Лунин. Он также подчеркивает ценность неопубликованного труда «столь компетентного автора, каким был Н. А. Аристов»³.

Перед нами плод поистине титанического труда. На сотнях машинописных страниц Н. А. Аристов скрупулезно, первым из исследователей, проследил двухтысячелетнюю историю Тянь-Шаня, начиная ее с истории усуней, которых считал прямыми предками кыргызов. Он высказал свою версию этногенеза кыргызского народа, версию дискуссионную, но заслуживающую внимания, свою гипотезу о соотношении тянь-шаньских и енисейских кыргызов, дал

¹ Немецкий географ Карл Риттер (1779–1859) выпустил в Германии в 1822–1859 гг. девятнадцать томов сразу ставшего знаменитым «Землеведения» («Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte der Menschen») — о взаимоотношении природы, цивилизации и культуры, т. е. фактически заложил основы геополитики, что в современных условиях выглядит особенно актуально и... модно. Идеи К. Риттера сразу же нашли поклонников и продолжателей в научных кругах России. Здесь появляются его переводы «с дополнениями» местными материалами. В 1856 г. выходят книги К. Риттера «Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией» — в переводе и с дополнениями, в частности сведений о кыргызах, П. П. Семенова (1859 и 1860 гг.), в переводе и с дополнениями источников последних 30–35 лет В. В. Григорьева (1869 и 1873 гг.). К 1893 г. рукопись двухтомной книги об усунях и кыргызах, как «дополнение» к К. Риттеру, подготовил Н. А. Аристов.

² См.: Плоских В. М. Кыргызы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. С. 21–22.

³ Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979. С. 127.

свое толкование многим историческим фактам, ввел в научный оборот новые исторические материалы, предложил историческую периодизацию, которая была воспринята В. В. Бартольд¹ и принята в основе своей кыргызской историографией.

Ознакомившись с книгой, читатель сам поймет, какой кладезь знаний он открыл для себя.

И тем не менее, в чем же причина того, что фундаментальная работа Н. А. Аристова более столетия пылилась на архивных стеллажах и в последние годы оказалась почти утерянной?

А дело в том, что будучи подготовленной автором к печати, она была (как этого требовали издательские правила) направлена Русским Географическим Обществом на рецензирование наиболее авторитетному тогда профессору археологии Н. И. Веселовскому. Николай Иванович Веселовский (1848–1918)² был знатоком истории и археологии Средней

¹ См.: Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Памяти, кн. Семир. Обл. Стат. Комит. на 1898 год. Т. II. Верный, 1898. С. 74–173 (второе изд. — 1943 г., третье — 1963 г., четвертое — 1996 г.). В предисловии к своей работе В. В. Бартольд отмечал: «По доступным нам печатным и рукописным источникам мы постарались собрать в одно целое известный до сих пор исторический материал о Семиречье, причем обращали особое внимание на известия о бытовых условиях, в которых находилась страна в различные периоды ее исторической жизни. Мы не имели в виду написать историю страны в настоящем смысле слова, удовлетворяющую современным научным требованиям; для такого труда еще не наступило время... Предлагаемый очерк должен служить только материалом для будущего историка и исходной точкой для дальнейших исследований».

Подобная оговорка может быть целиком отнесена и к неопубликованной рукописи Н. А. Аристова, которая была написана за пять лет до этого и содержит во много крат больше историко-этнографических сведений. Как знать, сделай такую приписку Аристов, судьба книги оказалась бы иной.

² Вышеупомянутая книга Б. В. Лунина «Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения» практически целиком посвящена научной деятельности Н. И. Веселовского.

Азии, раскапывал здесь древнейшие города, в том числе Афрасиаб — домонгольский Самарканд, сотни курганов кочевников на юго-востоке России. Отличавшийся особой «научной строгостью» (по выражению Б. В. Лунина) Н. И. Веселовский подошел к оценке работы Аристова лишь как к «дополнению» трудов К. Риттера, а все отступления от темы «Землеведения Азии», особенно археологические экскурсии (поскольку Н. А. Аристов собственные раскопки не производил) строгий рецензент не воспринимал. Поэтому он считал, что работа «страдает расплывчивостью, которая в некоторых случаях прямо вредит общему впечатлению». В качестве примера рецензент называет приводимый автором отчет краеведа доктора Ф. В. Пояркова об археологических раскопках: «Отчет — никуда не годный, таким образом смотрит на него и г. Аристов, а между тем заставляет читателя на нем останавливаться без всякой надобности». Возможно, с точки зрения профессионала-археолога этот отчет в свое время и не представлял интереса для широкого круга читателей, но сегодня он даже специалистам практически не доступен, как и приводимые Аристовым телеграммы об открытии древних Семиреченских надписей, что также отрицательно оценил Н. И. Веселовский. А ведь именно краеведу Ф. В. Пояркову принадлежит первенство открытия ряда раннехристианских и буддийских памятников в Чуйской долине и на Иссык-Куле. И сегодня мы практически эти сведения, как и многие другие, можем почерпнуть лишь в публикуемой рукописи Н. А. Аристова.

Или другое замечание взыскательного рецензента Н. И. Веселовского: рукопись перегружена материалами не только о кыргызах, но и о монголах, с их историей, о завоевании русскими Кокандского ханства и проч. «Если автору нужно коснуться всего этого, то необходимо сделать это самым кратким образом, иначе не будет никакой экономии

в труде», — пишет Н. И. Веселовский¹. Надо сказать, сегодня именно подробностями, введением в научный оборот мало известных или вовсе не известных материалов и документов объемная работа представляет интерес. Достаточно подчеркнуть, что только благодаря усилиям Н. А. Аристова, поместившего автобиографию, надиктованную кыргызским манапом Шабданом Джантаевым (который сам был неграмотным), мы имеем возможность из первых уст узнать и биографию известного кыргызского политического деятеля второй половины XIX в. и его оценку событий в Кокандском ханстве и проникновения России на Тянь-Шань.

К сожалению, отзыв Н. И. Веселовского сыграл «преградительную» роль для публикации рукописи Н. А. Аристова, которая так и осталась лежать в архиве. Тем не менее другие работы Н. А. Аристова публиковались и до и после написания этого труда, и автор вошел в историографию Средней Азии как компетентный ученый-тюрколог, чьи исследования и поныне не потеряли научного значения².

* * *

Биография Николая Александровича Аристова (род. в 1847 г. — дата смерти неизвестна) не отражена в литературе, мы даже не знаем, как, где и когда его не стало, что побудило автора к написанию поистине фундаментального труда о кыргызах. Все сведения об Н. А. Аристове

¹ В архиве ИРГО, к сожалению, сохранилась только вторая часть рецензии (первая утеряна), приложенная к рукописи Н. А. Аристова.

² См.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Доктябрьский период. 2 изд. / под ред. А. Н. Кононова. М., 1989. С. 24–25.

ограничиваются краткими заметками¹ и информацией в специальных изданиях². Лишь в последнее время наш аспирант М. Березин взялся за разработку темы «Н. А. Аристов как исследователь этнической истории кыргызского народа»³, но его диссертация — дело предстоящего будущего. М. Березиным в архивах Казахстана выявлен «Формулярный список о службе помощника военного губернатора Семиреченской области и председателя Семиреченского областного правления коллежского советника Аристова»⁴, составленный скорее всего уже после его выхода в отставку в 1888 году в Санкт-Петербурге. Это единственный биографический документ, но не ученого, а колониального чиновника.

Из послужного списка видно следующее. Николай Александрович Аристов был родом из штабс-офицерской семьи. О месте рождения и детских годах ничего не сообщается. По окончании Казанского университета выпущен со званием действительного студента по разряду камеральных наук юридического факультета. Семнадцатилетний юноша был определен 20 октября 1864 г. в штат Тобольского губернского правления и получил первую свою должность — помощника столоначальника, затем там же работал

¹ БСЭ. Т. 2. М., 1970. С. 569–570; СЭ. Т. 1. М., 1961. С.730; *Урстанбеков Б. У., Чороев Т. К.* Кыргыз тарыхы. Кыскача энциклопедиялык создук. Фрунзе, 1990. С. 16–17.

² См. указанный «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов». С. 24–25; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство. С. 21–22; *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. С. 127; *Галицкий В. Я.* Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение прошлого кыргызского народа // *Русские путешественники и исследователи о кыргызах* / отв. ред. Б. В. Лунин. Фрунзе, 1973. С.69–70.

³ Его тезисы опубликованы в Материалах международной научно-теоретической конференции КРСУ «Проблемы и перспективы интеграции образования». Бишкек, 1998. С. 15.

⁴ ЦГА Республики Казахстан, ф. 44.

губернским секретарем и бухгалтером ревизского отделения казенной палаты. Усердие и трудолюбие, обязательность и исполнительность Н. А. Аристова на разных служебных должностях в административном управлении Тобольской губернии были отмечены губернатором, по представлению которого летом 1868 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3 степени. В 1868 г. Н. А. Аристов был назначен делопроизводителем Семиреченского областного правления и приступил к исполнению должности младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе. С этого времени вся его дальнейшая служба была связана с Туркестанским генерал-губернаторством.

Н. А. Аристов сразу же включился в активную деятельность колониальных властей вновь созданной Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. С апреля 1869 г. он — юрист по образованию — возглавил Семиреченский тюремный комитет. В 1871 г. силами Туркестанского генерал-губернаторства началась военная кампания против Кульджинского ханства, захваченного правителем уйгурского государства Йетишар Якуб-беком. В этом походе принимал участие и Н. А. Аристов, который по приказу военного губернатора Семиреченской области был командирован в распоряжение командующего войсками Г. А. Колпаковского для заведования походной канцелярией. Находясь при штабе, Аристов принимал непосредственное участие в военных действиях при штурме и взятии города-крепости Кульджа. За участие в кульджинском походе «за мужество и храбрость в делах с таранчами» был награжден орденом Св. Станислава 2 степени. С 1 сентября 1871 г. по 22 февраля 1872 г. Н. А. Аристов возглавлял Канцелярию по Кульджинским делам, одновременно оставаясь в должности начальника отделения Семиреченского областного правления.

В июне 1872 г. он был направлен в качестве делопроизводителя в г. Ташкент в составе комиссии по разработке

проекта Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. В 1873–1874 гг. руководит съездами биев по урегулированию земельных споров в Семипалатинском, Сергиопольском уездах и Семиреченской области.

С 1879 г. Н. А. Аристов утвержден в звании неперменного члена областного статистического комитета, а затем и помощника его председателя. В 1881 г. Н. А. Аристов деятельно участвует в работе редакционной комиссии, учрежденной при канцелярии генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, по составлению нового Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством.

1 июня 1881 г. Н. А. Аристов назначен исправляющим должность помощника военного губернатора Семиреченского областного правления и с того же года исполняющим обязанности военного губернатора Семиреченской области. С июля 1882 г. Н. А. Аристов переводится в Степное генерал-губернаторство. В 1888 г. он подал прошение об отставке, как записано в формуляре, «в связи с расстроенным здоровьем и по домашним обстоятельствам».

В приказе степного генерал-губернатора, генерала от инфантерии Г. А. Колпаковского отмечалось, что Н. А. Аристов находился на действительной службе 24 года 1 месяц и 6 дней, в походах и сражениях — 7 дней. Постоянное местопребывание после увольнения — Санкт-Петербург. За время нахождения на службе Н. А. Аристов был награжден пятью орденами, неоднократно его безупречная служба отмечалась денежными премиями.

По табели о рангах Российской империи Н. А. Аристов прошел путь от коллежского секретаря до действительного статского советника. Научная деятельность неординарного ученого осталась за пределами сухого наречия послужного формуляра.

* * *

Плодотворная и активная научно-исследовательская деятельность Н. А. Аристова началась только после выхода его на пенсию. Но еще до этого в туркестанской и центральной периодической печати время от времени появляются статьи на местную тематику. Это было связано и с исполнением обязанностей Н. А. Аристова как туркестанского чиновника. С 1868 г. в качестве делопроизводителя и чиновника особых поручений при семиреченском военном губернаторе Аристов занимается разработкой административного переустройства и поземельного урегулирования интересов казахов и киргизов. К 1871 г. относится его первая большая, как бы мы сейчас сказали — научно-практическая, «Записка о поземельном устройстве Семиреченской области», которая отложилась в архиве Туркестанского генерал-губернаторства. Она пока не опубликована и, чтобы дать представление о взглядах Аристова на земельное переустройство киргизов, приведем из нее один фрагмент:

«...Принимая киргиз Средней, Большой и Дикокаменной орды в наше подданство, правительство оставляло вполне в своей силе существующие поземельные отношения...

В Большой же орде и Дикокаменной самого разделения на административные волости не было до 1869 года, и киргизы делились на роды, управляющиеся наследственными родовыми султанами и подчиненными им наследственными же правителями волостей, разумея под последними отделения родов. При таком невмешательстве в управление большеордынцами и каракиргизами правительство совсем не касалось поземельных отношений и ограничивалось только прекращением возникающих споров...

Вследствие такого отношения государства к поземельному устройству оно сохранилось в главных чертах и теперь в том виде, в каком застали его русские. Основанием принадлежности земли является давность, но так как

не только мелкие части родов, но и целые роды постоянно передвигались с места на место, то давность владения землями у киргиз вообще не велика: кочевника к земле никто не привязывает, была бы земля и клочок пашни, а это он находит на пространстве всей степи. Тем не менее местность, на которой кочует известный род хотя одно поколение или несколько лет, почитается принадлежностью этого рода...»¹.

Первые же публикации молодого ученого появились в 1873 г. в ежегоднике материалов для статистики Туркестанского края и касались занятия киргизов земледелием и скотоводством, их участия в восстаниях уйгуров против Китая и в делах Восточного Туркестана². Одновременно его интересуют и проблемы более широкого исторического плана. Свидетельством этого является публикация его историко-географического очерка о половцах³. Надо полагать, с этого же времени пробуждается интерес Аристова к геополитике, этнической структуре тюркских народов, их происхождению. Стержневой темой его научной работы становится история кыргызов — от древнейших усуней до конца XIX века.

Он зачитывается трудами немецкого классика историко-географического детерменизма К. Риттера и его последователей в России — П. П. Семенова-Тян-Шанского и В. В. Григорьева, лично собирает материалы для «дополнения» к Риттеру на примере истории усуней — кыргызов

¹ ЦГА Р. Узб., ф.и. 1, оп. 14, д. 56, л. 21–98.

² *Аристов Н. А.* Наманганский округ Кокандского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. Вып. 2. СПб., 1873. — С. 139–140; он же. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Там же. С. 170–181; он же. О Кульдже // Там же. С. 202–221.

³ *Аристов Н. А.* О земле половецкой (Историко-географический очерк) // Известия историко-филологического института им. А. А. Безбородко в Нежине. № 1. Нежин; Киев, 1874. 26 с.

и Тянь-Шаня. По крайней мере сам Н. А. Аристов пишет о том, как по его просьбе в 1885 г. была составлена автобиография кара-кыргыза рода сарыбагыш войскового старшины Шабдана Джантаева (которую он и включил в свой труд). Уже выйдя на пенсию и целиком отдавшись научно-исследовательской работе (благо в Санкт-Петербурге были прекрасные библиотеки и город считался центром российского востоковедения), в 1889 году Аристов публикует по свежим следам статью о землетрясении в районе оз. Иссык-Куль и в Илийской долине¹, выпускает отдельной статьей историческую работу о путешествии Сюань-Цзана по Западному Туркестану², которая также была подготовительной частью исследования и вошла позже в фундаментальный труд. Сам автор скромно считал свою работу лишь дополнением к «Землеведению Азии» К. Риттера, у которого сведения по истории Западного Тянь-Шаня ограничивались краткими отрывочными очерками, и видел свою главную задачу лишь в том, чтобы «собрать по возможности все данные и известия, какие имеются по истории западного Тянь-Шаня и его населения в европейской ученой литературе и в переводах на европейские языки восточных источников».

Точка в капитальном исследовании Аристова была поставлена 16 февраля 1893 г., но, мягко говоря, сдержанный, а фактически отрицательный отзыв Н. И. Веселовского преградил дорогу к публикации его. Но Аристов не смутился, продолжал работать над историей тюркских народов, в том числе и кыргызов, и в 1894 и 1896 гг. публикует

¹ *Аристов Н. А.* Землетрясение 30-го июня 1889 года в Семиреченской области // *Туркестанские ведомости.* 1889. № 30.

² *Аристов Н. А.* Западный Туркестан в VII столетии по описанию китайского путешественника // *Туркестанские ведомости.* 1889. № 38–40.

две огромные статьи по этнической истории тюрков в центральном русском журнале «Живая старина»¹.

Первая статья снабжена в примечаниях большим библиографическим материалом, а для второй статьи был составлен и отдельно опубликован указатель племенных названий².

Историко-этнографическая тема тюркских племен и их предков была продолжена и в статье о Памире (надо полагать, последней), изданной в 1903 г.³ Аристов публикует статьи и даже книгу о пограничных афганских племенах, о их борьбе с британскими колонизаторами и т. д. Но это уже иная тематика, хотя косвенно и связанная с тюркской ситуацией в Центральной Азии⁴.

Надо сказать, публикации Н. А. Аристова вызывали живой интерес и пристальное внимание ученых-коллег, даже ревностное отношение, особенно специалистов-востоковедов.

¹ *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казачков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *Живая старина*. 1894. Вып. III–IV. С. 391–486; *он же*. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина*. 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.

² *См.: Бравин Н. и Беляев И.* Указатель племенных имен к статье Н. А. Аристова: «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности» / под ред. проф. П. М. Мелиоранского. СПб., 1903. 32 с. (Записки РГО по отд. этнографии. Т. XXVIII. Вып. II).

³ *Аристов Н. А.* Этническое отношение на Памире в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. Сведения Птолемея о комедах и саках, об их стране и о пути через нее к серам // *Русский антропологический журнал*. 1903. № 1. С. 70–97.

⁴ *См., напр.: Аристов Н. А.* Об Афганистане и его населении // *Живая старина*. 1898. № 3–4; *он же*. *Англо-индийский «Кавказ»*. Столкновения Англии с афганскими пограничными племенами. СПб., 1900.

Мы уже говорили о рецензии ориенталиста Н. И. Веселовского на рукопись Н. А. Аристова, «зарезавшей» ее публикацию. После выхода статьи Н. А. Аристова «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов...» на следующий год появляется благожелательная рецензия этнографа А. Н. Харузина под заглавием «К вопросу о происхождении киргизского народа»¹. В ней рецензент в основе поддерживает мнение Аристова об усунях как предках кыргызов, усуньском городе Чигу на берегу оз. Иссык-Куль и другие положения.

На вторую статью Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен...» через три года откликнулся рецензией маститый востоковед В. В. Бартольд². Рецензент подчеркнул, что сочинение Н. А. Аристова «представляет несомненно одно из самых отрядных явлений в нашей литературе по востоковедению... Уважения заслуживает труд бескорыстного исследователя (к тому же не принадлежащего к официальным представителям науки), написанный с полным знанием литературы предмета и, очевидно, потребовавший нескольких лет кропотливой работы»³.

Отдав должное самоотверженному труду бывшего туркестанского коллеги, В. В. Бартольд как профессионал-востоковед, представитель академической науки вносит свои коррективы в исследование Аристова, практически очень

¹ Этнографическое обозрение. 1895. № 3. С. 49–83.

² Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. Т. XI. 1899. С. 341–356. Рецензия вошла в V том Сочинений В. В. Бартольда. См.: Работа по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Бартольд В. В. Соч. Т. V. М., 1968. С. 266–279.

³ Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества. — Т. XI. — 1899. — С. 341–356. Рецензия вошла в V том Сочинений В. В. Бартольда. См.: Работа по истории и филологии тюркских и монгольских народов // Бартольд В. В. Соч. Т. V. М., 1968. С. 266.

²⁴ Том VII. В. М. Плоских

емко и содержательно дополняя и подправляя статью материалами из восточных источников. Приветствуя выход в свет сочинения Н. А. Аристова в качестве крупного шага на пути восполнения имеющегося пробела во всемирно-исторической литературе, В. В. Бартольд выражает надежду, что ни сам автор, ни будущие его последователи не остановятся на достигнутом и продолжат исследования.

Мы считаем, что этнографические исследования Н. А. Аристова, сразу ставшие библиографической редкостью, сегодня представляют собой непревзойденный первоисточник и должны быть переизданы отдельной книгой. Это в первую очередь касается работ «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований» и «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности». Естественно, их следует публиковать вместе с рецензиями А. Н. Харузина и В. В. Бартольда, служащими хорошим дополнением по содержанию, а также с архивными неопубликованными записками о поземельном устройстве киргизов.

Этнографические исследования Н. А. Аристова все же были отмечены научной общественностью Санкт-Петербурга. Он избирается действительным членом Императорского Русского Географического общества и в 1895 г. удостоивается награды (по отделению этнографии) — малой Золотой медали.

Для современного читателя, будь то профессиональный ученый-историк или преподаватель вуза, представитель другой науки или студент, научные труды Н. А. Аристова представляют в первую очередь интерес такой массой фактов и конкретного историко-этнографического материала по политической истории, образу жизни и культуре

кыргызов и их предков, которого и сегодня мы не найдем ни в каком другом обобщающем издании.

Все это и побудило нас опубликовать не востребовавшее в свое время исследование непризнанного ученого, чье имя по праву должно стоять в первом ряду среди имен корифеев исторического кыргызоведения, таких, как В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам, С. М. Абрамзон, Б. Д. Джамгерчинов.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Н. А. Аристов и его фундаментальный труд по истории кыргызов и Кыргызстана // Н. А. Аристов. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Б.: Илим, 2001.

ВКЛАД Н. А. АРИСТОВА В КЫРГЫЗСКОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Известный своими трудами по тюркологии Николай Александрович Аристов¹ одним из первых четко обозначил начальную дату кыргызской государственности: 201 г. до н. э. Кроме того, он обладал обширными знаниями исторической географии Среднеазиатского-Казахстанского региона и Западной Сибири, а также знаниями истории, этнографии и культуры их населения, включая кыргызов и их предков, с древности и до конца XIX века². При этом он был знатоком русской и иностранной специальной литературы по данной проблематике. В его работах содержатся материалы первоисточников, которые либо не сохранились до нашего времени, либо стали библиографическими редкостями. Поэтому его наследие имеет важное источниковедческое

¹ Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / под ред. А. Н. Кононова. 2-е изд. М.: Наука, 1989. С. 24–28; Аристов Н. А. Опыт этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также данных начинающихся антропологических исследований // Живая старина. М., 1894. Вып. III–IV. С. 186–391; *Он же*. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. М., 1894. Вып. III–IV. С. 156–277.

² О нем и его трудах см.: *Галицкий В. Я.* Вклад отечественных исследователей и путешественников в изучение исторического прошлого киргизского народа. Фрунзе, 1973. С. 69–70; Подробнее см.: *Плоских В. М.* Н. А. Аристов и его фундаментальный труд по истории кыргызов и Кыргызстана // Аристов Н. А. Усуни и кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. С. III–X.

значение, в частности, для этнополитической истории и государственности кыргызов, а также и для исторического краеведения Кыргызстана.

Эта оценка целиком относится и к такому фундаментальному его труду, как «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии». Он был издан в 1893 году, как дополнение к одному из томов «Землеведения Азии» известного немецкого географа Карла Риттера Императорским Русским Географическим обществом (ИРГО). Однако двухтомная рукопись Н. А. Аристова, к сожалению, так и оставалась архивным достоянием более столетия и только в 2001 г. была издана по инициативе академика НАН КР В. М. Плоских при спонсорской поддержке Фонда «Сорос-Кыргызстан» в Бишкеке.

Знакомясь с трудами Н. А. Аристова, можно удивляться, как ему удавалось наряду с ответственной служебной деятельностью в органах управления Степного и Туркестанского генерал-губернаторств заниматься научными изысканиями по истории, этнологии и культуре кыргызов Тянь-Шаня. Он исследовал их в связи с соседними народами тюркского корня, а также уйгурами, дунганями и др. Этому способствовало его живое общение с аборигенами и пришлым населением Семиречья, а также и длительное пребывание в Тобольске и Верном (ныне г. Алматы), служебные поездки в Ташкент и участие в походе русских войск в 1871 г. против Кульджинского султаната. Будучи начальником отделения Семиреченского областного правления, он одновременно возглавлял в 1871–1872 гг. Канцелярию по Кульджинским делам.

Во время работы над рукописью «Усуни и кыргызы или кара-кыргызы...» автор уделил особое внимание историческим сведениям русских и иностранных путешественников по западному Тянь-Шаню, включая Кыргызстан. Опыт работы с такого рода источником проявился при публикации

статьи «Западный Туркестан в VII столетии, по описанию китайского путешественника»¹.

Так, главу «Кыргызы и Западный Тянь-Шань под русской властью» (последнюю в книге), Аристов закончил обзором материалов по изучению Западного Тянь-Шаня во второй половине XIX в. — «Путешественники и исследователи, их пути и труды».

Остановившись на материалах изучения западного Тянь-Шаня К. Риттером, который привел весьма немногие сведения из-за скудости имевшихся источников, Н. А. Аристов представил известную ему информацию о двух экспедициях в 1856 и 1857 гг. П. П. Семенова (впоследствии П. П. Семенова-Тян-Шанского) в Кыргызстан, его маршрутах, письменных публикациях и научных результатах.

По мнению Н. А. Аристова, продолжателем начатого П. П. Семеновым научного изучения Западного Тянь-Шаня является Н. А. Северцов. Его маршрут в 1864 г. при отряде полковника М. Г. Черняева пролегал через Чуйскую долину, от предгорий хребта Александровского (ныне Кыргызского) через продольные долины рек Ноуруз и Аламедин до г. Аулие-Ата (ныне г. Тараз в Казахстане), а затем он экспедировал в верховьях Чаткала и Таласа. Но самое протяженное путешествие в Тянь-Шань он совершил в 1867 г. из г. Верного через Санташ, Иссык-Куль, ущелье Барскоон, откуда проник в верховья Нарына, прошел через Атбаш в долину р. Аксай, а обратный его путь пролегал через Атбаш, Нарын, Оттук, Каракуджур, Кочкор, Боомское ущелье в г. Токмак. Целью его путешествий были исследования

¹ Туркестанские ведомости. 1889. № 30—38.

Впоследствии он использовал сведения Птолемея о комедах и саках, об их стороне и о пути через нее к серам в столице, об этническом отношении на Памире и прилегающих отрогах, преимущественно по китайским историческим источникам (См.: Русский антропологический журнал. 1903. № 1. С. 70—97.

в области зоологии, кроме того, он вел географические и геологические изыскания, а также собирал информацию о жизни и быте кыргызского населения, изучал его этнографические особенности.

В результате экспедиций был издан капитальный труд «Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной стороны Тянь-Шаня, совершенные по поручению географических и других ученых обществ Н. Северцовым»¹. Труды П. П. Семенова и Н. А. Северцова носят характер первоисточников, важных для исторического источниковедения Кыргызстана.

Н. А. Аристов положительно оценивает начало геологического исследования западного Тянь-Шаня профессором Г. Д. Романовским и И. В. Мушкетовым. Интересы первого лежали в области палеонтологии и общей геологии, вторым — исследована большая часть месторождений полезных ископаемых в Западном Тянь-Шане. В источниковедческом плане интересны очерк И. В. Мушкетова «Памир и Алай», научный труд «Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг.», в котором ученый обобщил результаты исследований по геологии края.

В 1879 г. горный инженер Д. Л. Иванов совершил поездку в малоизученную часть Тянь-Шаня, ограниченную с юга бассейном Чаткала. Следует заметить, что как русские геологи, так и другие ученые не ограничиваются спецификой исследований только в области своей науки. На местах исследований они налаживают контакты с кыргызами, зачастую являвшимися первооткрывателями месторождений полезных ископаемых, а также проводниками и добровольными помощниками исследователей.

¹ См.: Уч. зап. Киргиз. гос. заочн. пед. ин-та. Вып. IV. История-География. Фрунзе: Илим, 1959. С. 3–29.

В 1886 г. горный инженер И. В. Игнатьев продолжил гляциологические наблюдения П. П. Семенова на Тянь-Шане.

Ботаник А. Н. Краснов участвовал в экспедиции И. В. Игнатьева по Семиречью и Кыргызстану, издав после ее окончания научный труд — «Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня. Исследование А. Н. Краснова». В издании немало сведений по этнографии, зарисовок из жизни и быта семиреченских казахов и кыргызов. Предшественниками А. Н. Краснова были барон Ф. Р. Остен-Сакен (при отряде полковника Полторацкого в 1879 г.), А. Э. Регель, экспедировавший по Тянь-Шаню в 1878–1879 гг., А. М. Фетисов — в 1877 и 1879 гг.

Кроме ботанических коллекций ученые провели сборы сведений об этнографии, фольклоре (эпосах), поэзии и языке тянь-шаньских кыргызов.

Как было верно отмечено А. Н. Аристовым: «Первые обстоятельные этнографические сведения о кара-кыргызах (кыргызах — авт.) были собраны штабс-к[апитаном] и султаном Чоканом Чингисовичем Валихановым».

Вот что об этом писал сам Ч. Ч. Валиханов: «Знакомство моё с бурутами (кыргызами — авт.)... началось еще в 1856 г. во время двухмесячного пребывания у восточной половины озера (Иссык-Куль — авт.) отряда полк[овника] Хоментовского, находясь при экспедиции, я посетил аул Бурамбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записку о дикокаменных кыргызах (кыргызах — авт.) Впоследствии я имел столкновение с... другими племенами — сарыбагышами, солту , и, наконец... (в 1858 и 1859 гг.) ознакомился с их кочевьями до самого Кашгара». Эти заметки Валиханова о быте, истории, происхождении, преданиях и поэзии были частью опубликованы в его «Очерках Джунгарии».

Н. А. Аристов особо отметил, что Ч. Ч. Валиханов первый записал на Каркоре (?), где кочевали бугинцы, от манасчи

один из центральных эпизодов киргызского героического эпоса «Манас» — тризну по Кукетай-хану. Эпос является одним из источников сведений о дореволюционном прошлом киргизов и Кыргызстана.

В 1859 г. после Ч. Ч. Валиханова сведения о киргизах собирал А. Ф. Голубев, пользовавшийся информацией знатока казахско-киргызского быта И. А. Бардашева. Почти одновременно с ним, в 1860–1869 гг., этим же занимался во время рекогносцировок в Чуйскую долину и на Иссык-Куль М. И. Венюков. По мнению Н. А. Аристовой, «этнографические заметки и наблюдения Валиханова, конечно, не лишены, особенно в свое время, интереса, принадлежали, однако, случайным путешественникам, не специалистам, занимавшимся лишь с некоторыми частями кара-киргизов и, главное, располагавшими для своих наблюдений слишком недостаточным временем»¹. С этим мнением трудно согласиться полностью. Во-первых, никто из ученых не был «случайным путешественником», к тому же, по словам автора, Ч. Ч. Валиханову принадлежат «первые обстоятельные этнографические сведения».

Во-вторых, вполне верно, что заметки и наблюдения указанных и других исследователей вызывали интерес именно в историко-источниковедческом плане как для их современников, так и для нас.

В-третьих, не был «случайным путешественником» и будущий известный географ, востоковед М. И. Венюков, снабженный специальной инструкцией-вопросником, нацеленный своим начальством на сбор разнообразных сведений о киргизах.

¹ *Аристов Н. А.* Усуни и киргизы или кара-киргизы. Очерки истории и быта поселения западного Тянь-Шаня и исследование по его исторической географии. Бишкек: Илим, 2001. С. 545; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. 1962. С. 329–450.

В-четвертых, время пребывания каждого из них в Кыргызстане было не меньше, чем у Ч. Ч. Валиханова, собравшего исключительно богатые этнографические сведения о кыргызах и их жизни, быте, происхождении и языке, хотя он и не был подготовлен как специалист-этнограф.

Наконец, в-пятых, не только Ч. Ч. Валиханов знакомился с жизнью и бытом нескольких кыргызских племен и родов. То же можно сказать и о М. И. Венюкове, встречавшемся во время рекогносцировок с кыргызами, принадлежавшими к различным родоплеменным подразделениям, а отчасти это относится и к А. Ф. Голубеву. Просто время систематических сборов и этнографических экспедиций еще не наступило даже к рубежу XIX–XX вв. А в совокупности этим трем путешественникам, офицерам все же удалось собрать значительные и разнообразные историко-этнографические, географические и другие сведения о кыргызах и Кыргызстане, которые, понятно, представляют определенный интерес и для современных востоковедов.

Автор полагал, что более основательное «изучение быта кара-киргизов, в особенности их языка и поэзии, было произведено В. В. Радловым». Что касается языка и эпической поэзии кыргызов, то действительно, В. В. Радловым был сделан значительный шаг вперед, сравнительно с предшествующими путешественниками по горному краю, но что до ценностей выявленных им этнографических особенностей кыргызского народа, то здесь Н. А. Аристов вновь впал в противоречие со своим первым высказыванием. Несколько далее он утверждал, что время пребывания даже такого компетентного лингвиста, как В. В. Радлов, «в среде киргизов было, конечно, недостаточно для ознакомления с бытом этого периода во всех деталях»¹.

¹ Аристов Н. А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. С. 546.

Для подкрепления своего суждения о более основательном изучении быта киргизов именно В. В. Радловым, Н. А. Аристов привел лишь название этнографического очерка «Кара-киргизы» и нескольких мелких публикаций Г. С. Загряжного по данному вопросу, а также упомянул статьи, содержащие отдельные этнографические сюжеты в публикациях А. Чайковского, А. Н. Краснова, А. П. Хорошина и Н. А. Маева.

Наибольшее внимание автор «Обзора» уделил изложению о двух поездках в Казахстан и Кыргызстан В. В. Радлова. В 1862 г. он с Алтая и Саян проехал в восточную часть Казахстана, побывал на Каркаре, где тогда кочевали киргизы-бугинцы, а затем уже попал на Иссык-Куль. В 1869 г. он вновь вернулся в Кыргызстан, проведя целый месяц в аилах сарыбагышей, около Токмака, откуда из-за «благоприобретенной» лихорадки во время этого путешествия был вынужден отправиться через Верный в Барнаул. В результате этих поездок в 1885 г. В. В. Радлов издал пятую часть «Образцов народной литературы северных тюркских племен» — «Наречие дикокаменных киргизов». Там были записаны киргизская эпопея «Манас», поэмы «Джолойхан» и «Эр-Тоштюк». Не требуется особых доказательств, что сам героический эпос «Манас» — ценнейший источник по древней и средневековой истории, этнологии и культуре киргизского народа. Стихотворный перевод киргизского текста был издан на немецком языке. Заметки и наблюдения этнографического характера (а их было не так уж и много) были напечатаны сначала в журнале за рубежом, а затем более полно и подробно в его труде «Из Сибири» на немецком языке в 1884 году.

Не без основания Н. А. Аристов полагал, что и статьи Г. С. Загряжного по обычному праву киргизов и о суде биев у кочевников Туркестанского края в целом страдают чрезмерным прагматизмом и обобщенностью изложения. Но он считал, что этот недостаток восполняют материалы,

собранные Вышнегорским и изданные им от имени военного губернатора Сыр-Дарьинской области М. И. Гродекова «Кыргызы и кара-кыргызы Сыр-Дарьинской области».

Автор «Обзора» не оставил без внимания и литературный очерк художника Н. Н. Каразина о поездке на Иссык-Куль (который в действительности туда не доехал), где описания местностей, событий и быта кыргызов далеки от реальности. Противоположный характер носят статьи подполковника А. П. Хорошхина и журналиста Н. А. Маева. Сказано и о статьях профессора Н. В. Сорокина, его поездке на Иссык-Куль и долиною Нарына в Фергану (1884 г.).

Упомянул Н. А. Аристов о некоторых путешествиях иностранцев по Туркестанскому краю и Кыргызстану, как-то: Столичке — члене экспедиции Форсайта, Петцольда (1871 г.), офранцуженного венгра Уйфальви, Скайлера (1873 г.), Ленсделя (1881 г.). Но и только, зная, что многие их сведения о крае и его населении, как говорится «из вторых рук» — от местной администрации или взяты из работ российских путешественников и исследователей.

По достоинству оценены Н. А. Аристовым картографические и изобразительные материалы (рисунки П. М. Кошарова, фотоальбомы К. П. фон Кауфмана, семиреченский и кульджинский Г. А. Колпаковского), важные для этнографических исследований и не менее ценные как изобразительные исторические источники.

Российские путешественники и исследователи гражданского и военного ведомств, члены ИРГО и других научных обществ были причастны к составлению разных карт, проведению топосъемок, определению высот горных хребтов. Это их наследие, как и сами описания местностей, послужило специалистам-картографам для составления географических, геологических и других карт, более точных и верных, чем умозрительные карты-схемы А. Гумбольдта и К. Риттера.

Длительное время составленная И. В. Мушкетовым и Г. Д. Рамовским геологическая карта края была лучшей для своего времени и последующих десятилетий.

Для составления рельефных карт Туркестана были использованы наблюдения и определения высот горных хребтов П. П. Семенова, Н. Я. Рейнталя, полковника Шмидта. Нельзя не сказать, что картографические работы и сведения путешественников в свое время, да и сегодня имеют важное историко-познавательное значение, в частности, они сыграли свою роль в качестве одного из источников для окончательного уточнения кыргызско-китайской границы и определения «границной межи» между КР и КНР в наши дни.

Такова, как нам представляется, научная значимость трудов, записок и отчетов Н. А. Аристова для исторического источниковедения Кыргызстана.

Публикуется по изданию:

Плоских В. М. Вклад Н.А. Аристова в кыргызское источниковедение // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.) / Отв. ред. В. М. Плоских; НАН Кыргызской Республики, 2-е изд., доп. Бишкек: Илим, 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ТРОПОЮ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ	5
Предисловие	7
Открытие, подобное обретению страны... ..	11
Подвиг исследователя	19
Верещагин-Туркестанский	32
Забытый	46
В «гористые страны...»	49
В ферганском оазисе	63
Врач, археолог, этнограф	80
Взят на поруки... ..	91
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО <i>(к 175-летию со дня рождения)</i>	103
Предисловие	105
I. Вехи биографии	107
II. Четыре путешествия в Центральную Азию	116
III. Последнее путешествие – в вечность истории	132
Болезнь и кончина	132
М. В. Певцов – достойный наследник Н. М. Пржевальского	134
Памятник Н. М. Пржевальскому	136
П. К. Козлов, В. И. Роборовский	138
Н. М. Пржевальский в «Записках революционера» П. А. Кропоткина	142
«Неудача» Н. М. Пржевальского с лошадыю	145
IV. Научное наследие Н. М. Пржевальского	149
V. Иссык-Кульский мемориальный комплекс	154
Приложение	158
Н. М. Пржевальский. Очерк современного положения Центральной Азии	158

Причины малолюдия этой страны	158
Общая характеристика здешних народов	161
Их малые задатки к прогрессу	165
Непрочность китайского владычества	172
Престиж России	180
О войсках китайских	187
Наши отношения к Китаю	209
Переписка с Петровским	216
Последний дневник Н. М. Пржевальского... ..	218
А. П. Чехов о Н. М. Пржевальском... ..	219
Из выступления П. П. Семенова	221
Вместо послесловия	223
В. И. Шаповалов, народный поэт Кыргызстана, доктор филологических наук «Пржевальский»	223
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КЫРГЫЗСТАНА	225
Русские исследователи об экономике киргизов	227
Сведения о хозяйстве киргизов до вхождения в состав России	227
Хозяйство киргизов 50 – 70-х годов XIX в.	244
Киргизское хозяйство последней трети XIX в.	277
Известия русских ученых и путешественников XVIII в. – 70-х годов XIX в.	319
«Странствователь» о Киргизии	352
Н. А. Аристов и его фундаментальный труд по истории киргизов и кыргызстана	359
Вклад Н. А. Аристова в кыргызское источниковедение	376

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ученые-исследователи Кыргызстана XVIII–XIX вв.

Книга 1

ТОМ VII

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 07.05.2019.

Заказ № 45.

Формат бумаги $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Объем 24,125 п. л.

Тираж 500 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

